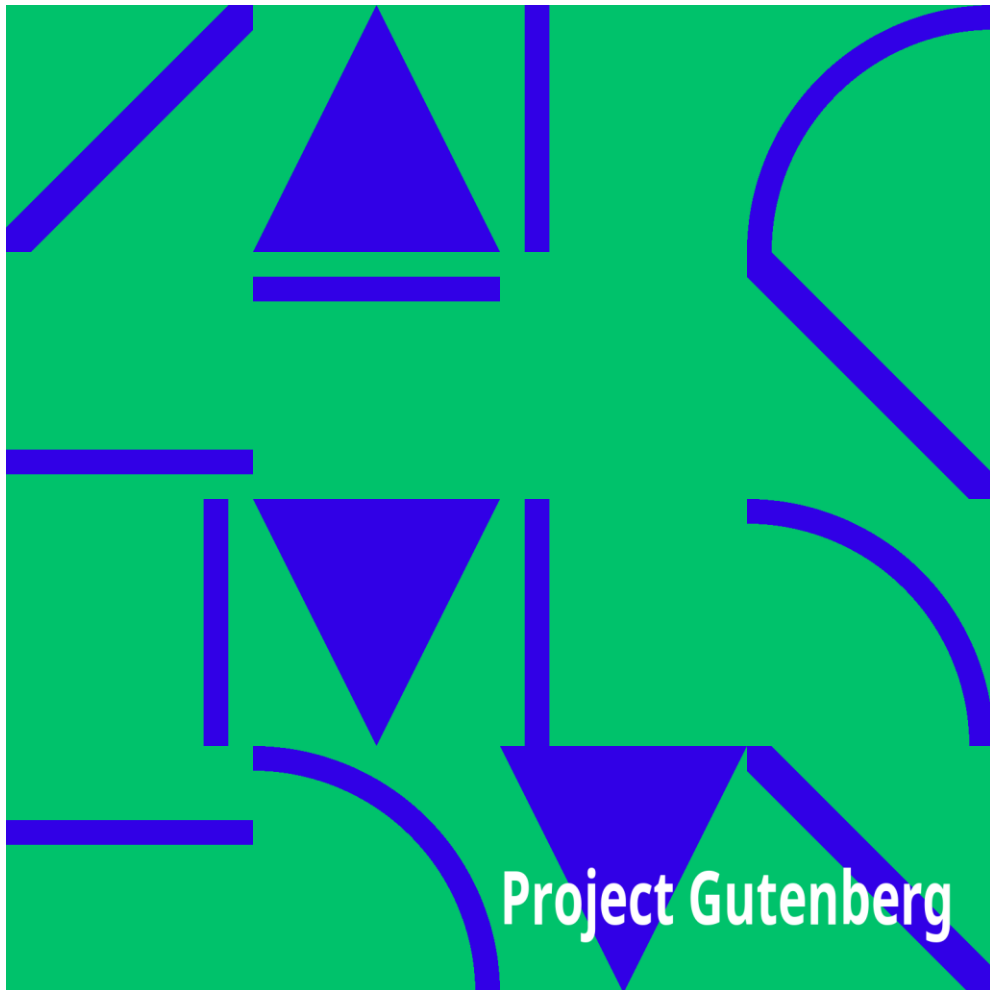

Мистицизм Природы

Джон Эдвард Мерсер

Nature Mysticism

John Edward Mercer

Project Gutenberg

Электронная книга проекта "Гутенберг" о мистицизме природы

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Мистицизм Природы

Автор: Джон Эдвард Мерсер

Дата выхода: 9 июня 2006 г. [Электронная книга № 18539]

Последнее обновление: 27 июня 2025 г.

Язык: Английский

Титры: Рут Харт

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "МИСТИЦИЗМ ПРИРОДЫ" ***

МИСТИЦИЗМ ПРИРОДЫ

Дж. ЭДВАРД МЕРСЕР, доктор философии, ОКСОН.
ЕПИСКОП ТАСМАНИИ

ЛОНДОН
GEORGE ALLEN & COMPANY, Ltd.
РЭТБОУН-ПЛЕЙС, 44 и 45

1913

Все права защищены

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цели этого исследования мистицизма природы и методы, принятые для их достижения, достаточно описаны во вводной главе. В качестве специального предисловия можно сказать, что изображенный здесь мистик природы, по сути, "современник". Предполагается, что он принял основы гипотезы эволюции. Соответственно, его симпатия к прошлому глубока: так же как и его чувство реальности и непрерывности человеческого развития, физического, психического и мистического. Более того, он старается быть в курсе последних критических и научных выводов. На последующих страницах будет обнаружено множество недостатков; но автор просит, чтобы часть из них можно было отнести к трудностям написания на Тасмании и публикации в "антиподах".

Дж . Э. М.

Бишопс-Корт, Хобарт,
март 1912 года.

Содержание

Глава I.	Вводная	1
Глава II.	Природа и Абсолют	7
Глава III.	Мистическая интуиция и разум	15
Глава IV.	Человек и природа	23
Глава V.	Мистическая восприимчивость	30
Глава VI.	Развитие и дисциплина интуиции	38
Глава VII.	Природа, не являющаяся символической	45
Глава VIII.	Обвинение в антропоморфизме	54
Глава IX.	Имманентная идея	65
Глава X.	Анимизм, древний и современный	71
Глава XI.	Воля и сознание в природе	79
Глава XII.	Мифология	90
Глава XIII.	Поэзия и мистицизм природы	97
Глава XIV.	Прекрасное и уродливое	106
Глава XV.	Мистицизм природы и раса	117
Глава XVI.	Фалес	123
Глава XVII.	Воды под Землей	129
Глава XVIII.	Родники и колодцы	138
Глава XIX.	Ручьи и речушки	145
Глава XX.	Реки и жизнь	151
Глава XXI.	Реки и смерть	158
Глава XXII.	Океан	165
Глава XXIII.	Волны	172
Глава XXIV.	Тихие воды	179
Глава XXV.	Анаксимен и воздух	187
Глава XXVI.	Ветры и облака	192
Глава XXVII.	Гераклит и Космический огонь	203
Глава XXVIII.	Огонь и Солнце	211
Глава XXIX.	Свет и тьма	222
Глава XXX.	Небесный простор—Цвет	228
Глава XXXI.	Луна — особая проблема	235

Глава XXXII.	Земля, горы и равнины	242
Глава XXXIII.	Времена года, растительность, Животные	248
Глава XXXIV.	Прагматичный	257

ГЛАВА I.

ВВОДНЫЙ

Волна мистицизма захлестывает цивилизованные страны. Многие приветствуют его, еще больше - не доверяют. Даже умы, к которым это, естественно, привлекло бы, часто воздерживаются от сочувствия из-за опасений смутных спекулятивных умозаключений и трансцендентальной эмоциональности. Также не подлежит сомнению, что такое отчужденное отношение одновременно разумно и неизбежно. Ибо систематическое впадение в бесформенный экстаз в ущерб чувствам и интеллекту имеет тенденцию становиться недостатком, если оно не всегда свидетельствует о потере душевного равновесия. Поэтому, чтобы развеять естественные предрассудки, давайте посвятим первую главу общему изложению целей и принципов.

Предметом является мистицизм природы. Явления "природы" следует изучать в их мистических аспектах. Широкий термин "мистицизм" используется потому, что, несмотря на множество вводящих в заблуждение ассоциаций, его трудно заменить. "Любовь к природе" слишком общее понятие: "космические эмоции" слишком специализированы. Но давайте сразу поймем, что рассматриваемый здесь мистицизм не относится ни к популярному, ни к эзотерическому типу. Другими словами, это не просто синоним магического или сверхъестественного; это также не название особых форм экстатического переживания, которые претендуют на отрыв от сфер чувств и интеллекта. Она будет просто взята для того, чтобы охватить причины и следствия, связанные с тем широким спектром интуиций и эмоций, которые стимулирует природа, без определенного обращения к сознательным процессам рассуждения. Мистическая интуиция и мистическая эмоция, таким образом, будут рассматриваться не как антагонистические чувственному впечатлению, а как зависящие от него — не как пренебрежительные к разуму, а просто как более базовые и примитивные.

Наука описывает природу, но она не может *чувствовать* природу; еще меньше она может объяснить то чувство родства с природой, которое так характерно для многих выдающихся мыслителей современности. Ибо жизнь все больше и больше заявляет о себе как о чем-то более полном, чем слепая игра физических сил, какими бы сложными и возвышенными ни были их взаимодействия. Это показывает непрерывное стремление — *elan vital* (как называет это Бергсон) расширять и обогащать формы опыта — стремление к более полной красоте и более совершенному порядку.

Потребуется определенное количество метафизических дискуссий, но они будут сведены к минимуму, совместимому с логикой. К счастью, мистицизм природы может ужиться с различными мировоззрениями. Однако есть одно исключение — мировоззрение, основанное на концепции Безусловного Абсолюта. Это будет без колебаний отвергнуто как подрывающее любое подлинное "общение" с природой. Точно так же символизм будет отвергнут на том основании, что он дает совершенно неадекватное представление об отношении природных явлений к человеческому разуму. Единственная метафизическая теория, принятая в качестве обобщенной рабочей основы, известна как Идеал-реализм. Она предполагает три сферы существования — ту, которая в особом смысле находится *внутри* индивидуального разума; ту, которая в особом смысле находится *вне* (вне) индивидуального разума; и ту, в которой эти две сферы сливаются или вступают в живой контакт. В качестве фундаментального для мистицизма Природы тезиса будет поддерживаться тот факт, что мир внешних объектов должен иметь, по существу, ту же сущность, что и воспринимающий разум. Значение этих сжатых утверждений станет ясным по мере рассмотрения явлений природы. Формальной теологии в них не будет.

Будут приняты более определенные выводы современной науки, включая более широкие обобщения гипотезы эволюции. Лоуэлл в одном из своих сонетов говорит:

"Я не скорблю о том, что зрелое знание лишает
очарования, которое природа носила в моем детстве,
Ибо с этим пониманием день за днем приходит

Большее блаженство, чем чудо, было прежде:

Настоящее не подрезает крылья поэту;
Разгадка тайны простого сердца сорняка
Открывает какой-то ключ к духовным вещам,
И спотыкающаяся догадка становится прочно укоренившимся искусством".

Восхитительно — насколько это возможно! Но современный мистик природы не может удовлетвориться последней строкой. Цель постижения природы - не искусство, каким бы прочно укоренившимся оно ни было; ибо искусство - это, так сказать, вторичный продукт, отражение. Цель природного мистика - действительное живое общение с Реальным в его чувственных проявлениях и через них.

Мистицизм природы, как он понимается таким образом, не стремится превозносить себя выше других способов переживания и психической деятельности. Пристрастие теологического или трансцендентального типа здесь осуждается. Также не будет апелляции к какой-либо экстатической способности, которая может быть лишь хваленым достоянием немногих. Привлекательность будет заключаться в способностях, которые в той или иной степени присущи всем нормальным человеческим существам, хотя ими слишком часто пренебрегают, если не принижают их значение. Правильно развитая способность вступать в общение с

природой является не только источником чистейшего удовольствия, но и тонким и мощным средством, помогающим людям реализовать некоторые из самых благородных возможностей своего существа.

Когда речь идет о конкретных природных явлениях, изложение требует доказательств и иллюстраций. Поэтому в некоторых главах свободно приводятся цитаты из прозы и поэзии тех древних и современных людей, которые, открыто или неосознанно, причисляются к природомистикам. Эти выдержки составляют неотъемлемую часть исследования, поскольку они представляют собой прямое доказательство реальности и непрерывности мистической способности, определенной выше.

Обычным методом процедуры будет отслеживание влияния определенных выбранных природных явлений на человеческий разум, сначала на анимистической стадии, затем на мифологической стадии и, наконец, в настоящее время, с целью показать, что имело место подлинное и живое развитие глубоко укоренившихся природных интуиций. Но этому методу не будут следовать слишком строго. К специальным предметам будет особое отношение, и ненужных повторений будут тщательно избегать. Различные главы, насколько это возможно, не только представят новые темы, но и рассмотрят предмет под разными углами зрения.

Очевидно, что при выборе из столь огромной массы материала должны быть наложены серьезные ограничения. Соответственно, феноменам Воды, Воздуха и Огня было уделено самое пристальное внимание — первому из триады досталась львиная доля; но и другие заметные особенности физической вселенной не были полностью обойдены вниманием. Сфера органической жизни — растительной и животной — не входит должным образом в рамки данного исследования. Ибо там, где проявляется организованная жизнь, людям легче осознать свое родство с существами, отличными от человека. Любопытная и все еще малоизвестная история тотемизма предоставляет множество свидетельств по этому вопросу; и не в меньшей степени это касается современной симпатии ко всем живым существам, которая в значительной степени основана на том, что можно назвать новым тотемизмом дарвиновской теории. Но хотя внимание, таким образом, будет сосредоточено на сфере неорганического, кажущейся столь далекой от человеческих способов восприятия, тем не менее будет предпринята некоторая попытка предложить внутреннюю гармонию, которая связывает воедино все способы существования. Еще одно ограничение, которое следует отметить, заключается в том, что термин "природа" будет применяться только к таким природным объектам, которые остаются в том, что обычно называется их "естественным" состоянием, то есть которые независимы от деятельности человека и не подвержены ее влиянию.

Пусть Гете в своем гимне "Фауст" расскажет, в чем суть мистицизма Природы, который здесь следует разъяснять и защищать.

"Не воздвигает ли небо свой свод над нами?
Не лежит ли под нами твердая земля?
И с нежным взглядом любви
не подняться ли к вечным звездам в вышине?
Разве я не смотрю на тебя, глаза в глаза?
И весь мир зрения, чувств и звуков,
Не проникает ли это в твое сердце и мозг,

И мистическим образом не ослабевает ли влияние, оказываемое на
Твое существо?"

ГЛАВА II

ПРИРОДА И АБСОЛЮТ

Как только что было сказано, следует избегать метафизики и теологии. Но поскольку мистицизм обычно ассоциируется с верой в Безусловный Абсолют, и поскольку такой Абсолют фатален для притязаний любого подлинного природного мистицизма, необходимо предпринять предварительное внезапное вторжение в опасные регионы.

Мистицизм в его более широком смысле, по общему признанию, трудно поддается определению. Оно обозначает обширную группу особых переживаний и спекуляций, которые имеют дело с материалом, который, как предполагается, находится за пределами досягаемости чувств и рассудка. Оно возвращает нас к странно призрачным "мистериям" греков, но более определенно используется в связи с наиболее характерными тонкостями волшебного Востока и с определенными достижениями платонической философии. Расширенного изложения не требуется. Достаточно указать на то, что справедливо можно рассматривать как три фундаментальных принципа, или доктрины, на которые обычно опираются мистики ортодоксальных школ. Эти принципы будут подвергнуты свободной, но дружелюбной критике: будут предложены значительные модификации, и таким образом будет подготовлен путь для изучения так называемого мистицизма природы в собственном смысле этого слова.

Упомянутые три принципа заключаются в следующем. Во-первых, истинный мистик - это тот, кто одержим желанием иметь общение с предельно Реальным. Во-вторых, предельно Реальное следует рассматривать как сверхчувственный, сверхрациональный и безусловный Абсолют - мистический. В—третьих, прямое общение, к которому стремится мистик, — *unio mystica*- не может быть достигнуто иначе, как пассивным созерцанием, результатом которого является видение, инсайт или экстаз.

Чтобы придать определенный и конкретизированный оборот критическому рассмотрению этих трех фундаментальных принципов, давайте возьмем отрывок из недавно опубликованной

брошюры. Автор рассказывает, как однажды солнечным днем он бросился на берег полноводного мельничного ручья. Плотина текла ровно, мельничное колесо неподвижно. Он размышляет над этой сценой и заключает так: "Возможно, мы никогда не бываем такими восприимчивыми, как тогда, когда, сложив руки, просто говорим: "Это великая тайна". Я наблюдала и удивлялась, пока не позвонил Джем, и мне пришлось оставить покрытую рябью плотину, берег от воды и колесо с его невыразимой тайной".

Здесь представлены определенные формы, или модусы, опыта, которые, по крайней мере, мистичны по своей направленности — ощущение более глубокой реальности, чем та, которая может быть постигнута сознательным разумом, — желание проникнуть в тайну, которая не поддается четко сформулированной мысли и которая, тем не менее, оставляет определенный отпечаток в уме. Существует также признание пассивной позиции, которую обычная мистическая доктрина считает существенной для видения. Оправдают ли эти особенности наше отношение к переживаниям как к подлинно мистическим?

Ответ на этот вопрос четко выявляет жизненно важное различие между ортодоксальными мистиками и теми, кого здесь называют мистиками природы, и поднимает проблему, от которой должно зависеть само существование действительного мистицизма Природы. Более строгие школы без колебаний отказались бы признавать за такими переживаниями право быть причисленными к тем, которые приводят к истинному прозрению. Почему? Потому что они, очевидно, основаны на чувственных впечатлениях. Английский мистик, например, утверждает в недавней статье, что мистицизм всегда и обязательно экстрафеноменален, и что человек, который пытается объяснить видимое посредством невидимого, не является истинным мистиком; еще меньше, конечно, человек, который пытается объяснить невидимое посредством видимого. Истинный мистик, говорит он, устремляет свой взор на вечность и бесконечное; он теряет себя, когда запутывается в вещах временных, то есть в феноменальном. Еще более ясным является утверждение известного современного Йога. "Этот мир - обманчивое очарование великого мага по имени Майя . . . Майя вообразила бесконечные иллюзии, называемые различными вещами во вселенной . . . Умы, которые не достигли Высшего и являются жертвой природных красот на стадии Майи, будут постоянно должны превращаться в различные формы, из одной в другую, потому что ничто на стадии Майи не стабильно". Христианские мистики также не допускали никаких посредников между душой и Богом; большинство из них считали, что душа должна подняться над чувственными вещами, подняться в иную сферу и быть "наедине с Самим Собой".

Что же тогда представляет собой концепция предельно Реального, которую развили эти более строгие мистики и которую они готовы защищать? Это состояние чистого и необусловленного Бытия — Единого - Абсолюта. Посредством безжалостного процесса абстрагирования они отреклись от чувственного мира, чтобы поклясться в верности способу существования, о котором ничего нельзя сказать, не отрицая его. Ибо даже допустить тень конечности в Абсолюте - значит отрицать его; определить его - значит уничтожить! Оно поглощает все условия и отношения, не становясь более познаваемым; оно охватывает все и остается чистым отрицанием. Это полностью и вечно лежит за пределами досягаемости человеческих способностей и все же требует от него совершенной и неразумной капитуляции. Эта концепция родилась в мозгах логичных дон кихотов.

И именно ради такой чудовищной абстракции нас просят отказаться от всего богатого чувственного мира со всем, что он для нас значит. Это, конечно, не интеллектуальная слабость - говорить: "Расскажите нам, что вы хотите о существовании сверх того, что нам известно; но не отрицайте какой-то меры окончательной Реальности того, что попадает в поле нашего зрения. Не оставляйте нас наедине с Абсолютом ортодоксального мистика, или мы погибнем от безумия! Очевидно, что *elan vital* - воля к жизни — дает нам более обнадеживающую отправную точку в наших поисках Настоящего. Очевидно, что неисчерпаемое разнообразие чувственной вселенной не нужно называть иллюзией, чтобы сохранить последовательность логики, которая еще не преуспела в постижении своих собственных первых принципов. Нет, журчащая плотина и мельничное колесо были реальны в своей собственной степени, а интуиция и эмоции, которые они вызывали, были результатом контакта между внутренним и внешним - *unio mystica*— единения души человека и души того, что он видел.

"Но, - говорит ортодоксальный мистик, - существует особая форма жажды - жажда Бесконечного. Человек не может обрести покой, кроме как в общении с высшей Реальностью, свободной от всех несовершенств и ограничений; и такую Реальность можно найти ни в чем ином, как в Необуловленном Абсолюте". Теперь мы можем признать существование и даже законность страстного желания, о котором так настойчиво говорилось, подвергая сомнению форму, которую оно должно принимать. Человек, смотрящий на мельничное колесо, жаждет узнать его секрет. Предположим, ему это удалось! Мы думаем о "маленьком цветке в трещиноватой стене" Теннисона. Мы думаем о строках Блейка:

"Увидеть мир в песчинке,
И рай в полевом цветке,
Удержать бесконечность на ладони,
А вечность в одном часе".

Действительно ли необходимо отказаться от конечного, чтобы достичь бесконечного — что бы ни означал этот термин? Разве мы часто не лучше осознаем бесконечность неба, глядя на него сквозь ветви дерева?

К самой жажде в ее старой мистической форме мы не можем испытывать ничего, кроме сочувствия. Некоторые из его выражений удивительно трогательны, но их пафос не должен закрывать нам глаза на искаженный характер мировоззрения, на котором они основаны. Допустим, что сфера чувств ограничена и, следовательно, несовершенна, пусть она, во всяком случае, будет действительной до того предела, которого она действительно достигает. Колышущаяся плотина и мельничное колесо действительно производили какой-то эффект на зрителя и, следовательно, должны были быть до такой степени реальными. Что мы выигрываем, упуская шанс учиться, даже если выигрыш невелик? И если, как утверждает мистик природы, выгода велика, безумие пропорционально усиливается.

Кольриджа цитируют как выразителя чувств более строгих мистиков.

"Это были напрасные усилия,
Хотя я должен вечно смотреть
На зеленый свет, который задерживается на Западе;
Я не могу надеяться на победу внешних форм
Страсть и жизнь, источники которых находятся внутри".

Это, однако, слишком мягко и нерешительно, слишком окрашено любовью к природе, чтобы передать яростную убежденность последовательного приверженца Абсолюта, испраженной прозрачности чистого Бытия. Если, как настаивает Реседжак, мы находим у некоторых более строгих мистиков очень глубокое и наивное чувство к природе, такое чувство может быть только признаком непоследовательности, уступкой требованиям низшей природы. Учитывая их предпосылки, чувственный мир ничему не может научить. Хорошо бы прямо взглянуть на этот вопрос — пусть мистик выберет либо Абсолют и Майю, либо Основание существования, которое может придать ценность природе и которое, следовательно, допускает ограничения. Или, если должен быть компромисс, пусть это будет в соответствии с принципами, изложенными Спинозой и Шеллингом. То есть пусть имя Бог будет зарезервировано для феноменального аспекта Абсолюта. Но мистик природы будет мудр, если он откажется от компромисса и раз навсегда отвергнет Необусловленный Абсолют. Тогда его разум сможет вступить в контакт с его интуицией и его глубочайшими эмоциями. Он ничего не теряет; он обретает интеллектуальный покой и естественную радость.

Никогда не прекращающееся влияние подлинного Реального рано или поздно обязательно заявит о себе. Сам буддизм уступает, о чем свидетельствует это поразительное заявление буддийского лорда-настоятеля Сойена Шаку. Буддизм, хотя западные люди иногда понимают это именно так, не защищает доктрину пустоты или уничтожения. Он, несомненно, признает многогранность и реальность явлений. Этот мир, как он есть, реален, а не пуст. Эта жизнь, какой мы ее проживаем, истинна, а не мечта. Мы, буддисты, верим, что все эти конкретные вещи, окружающие нас, происходят из одного Высшего Источника, всезнающего и любящего всех. Мир является проявлением этого Разума, или Духа, или Жизни, как бы вы это ни называли. Следовательно, какими быразнообразными ни были вещи, все они обладают природой Высшего Существа. Не только разумные существа, но и неразумные существа отражают величие Изначального Разума".

Несомненно, утешительный отрывок, который можно противопоставить цитированному выше Йогу! Но не слишком ли строг добрый настоятель к жителям Запада? Ибо полная истина заключается в том, что, в то время как йог олицетворяет старый абсолютизм, настоятель нащупывает свой путь к более широкому и человеческому мировоззрению. Очевидно, что буддизм ожидает лучшее время. Какими бы ни были наши взгляды на конечную Реальность, позиция природного мистика требует не только того, чтобы человек мог поддерживать общение с природой, но и того, чтобы в таком общении и через него он находился в живом контакте с Основой Существования.

МИСТИЧЕСКАЯ ИНТУИЦИЯ И РАЗУМ

Вот и все об отношении природного мистика к концепции Абсолюта. Было бы интересно обсудить, с той же точки зрения, его отношение к конкурирующим доктринам монистов, дуалистов и плюралистов. Но идти по этим следам с какой-либо тщательностью значило бы завести нас слишком далеко в заросли и трясины метафизики. К счастью, эти вопросы далеко не так важны, как в случае с Абсолютом; и поэтому их можно обойти без серьезного риска опровергнуть последующие выводы. Однако, возможно, нам стоит отметить, что многие современные мистики не являются монистами и что предполагаемая неразрывная связь между мистицизмом и монизмом выбрасывается за борт. Даже древние мистики, борясь с проблемой зла, были дуалистами, несмотря ни на что. Из современных людей такой представительный мыслитель, как Лотце, предположил, что Реальность может упираться не в одну одинокую вершину, а в горную цепь. Хеффдинг утверждает, что мы еще не получили права делать карьеру, грубо разбираясь в антиномиях существования. Джеймс, типичный современный мистик, был признанным плюралистом. Бергсон подчеркивает категорию Становления и, если его вообще можно классифицировать, является дуалистом. Таким образом, мистик природы счастлив в свободе выбирать свою собственную философию, пока он избегает тягот Абсолюта. Ибо, как замечает Джеймс, "единство и множественность абсолютно согласованы. Ни одно из них не является изначальным или более превосходным, чем другое".

Таким образом, остается подвергнуть критике третий принцип мистицизма, принцип интуитивного прозрения как способа познания, независимого от способностей к рассуждению, во всяком случае, при их сознательном использовании. Его основная идея заключается в прямоте и непосредственности; само слово подготавливает нас к некоторой способности воспринимать с первого взгляда — силе, которая обходится без всякого процесса и достигает своей цели в мгновение ока. Более высокая стадия известна как видение; наивысшая известна как экстаз. Интуиция занимает свое собственное место в общей психологии и приобрела особое значение в областях эстетики, этики и теологии; и повсюду сохраняется одна и та же основная идея — идея непосредственности озарения. Характеристика пассивности, на которой настаивали бы некоторые мистики, второстепенна - даже если ее вообще следует допускать. Ее требования будут отмечены позже.

Итак, мистицизм природы основан на чувственном восприятии, и это само по себе является формой интуиции. Оно является непосредственным, поскольку "материя" ощущения непосредственно предстает перед затронутым сознанием; оно просто утверждает себя. Оно не зависит от сознательного применения способностей рассуждения. Она даже не допускает различия между субъектом и объектом; она приходит в сознание как "данность". Когда сознательная мысль схватывает эту "данность", она может поставить ее во всевозможные отношения с другими "данностями". Она может даже в некоторой степени контролировать ход последующих ощущений посредством упражнения внимания и в соответствии с сознательной целью. Но мысль не может создать ощущение. Таким образом, ощущение лежит в основе всей ментальной жизни. Это дает материал для различения между субъектом и объектом - между

внешним и внутренним. Сознательные процессы, запущенные таким образом, проходят различные стадии созерцания, рефлексии, абстрагирования, концепции и рассуждения.

Таким образом, изучение чувственного восприятия рассматривается как изучение первичной мистической интуиции. Но сходство, или существенная связь, между ними может быть проработана на более глубоком уровне. Когда внешний объект стимулирует ощущение, это вызывает различные изменения в сознании воспринимающего. Большинство из них могут оставаться в глубинах подсознательной ментальной жизни, но тем не менее они менее реальны как эффективные агенты изменений. Итак, что здесь подразумевается? Внешний объект так или иначе проник "внутрь" воспринимающего разума — проник в него и изменил его. Другими словами, была установлена форма мистического общения. Объект проник в разум, и разум вступил в живой контакт с Реальным, внешним по отношению к нему самому. Объект и субъект до такой степени слиты в мистическом единстве. Как могло бы произойти слияние, если бы они не были связаны некой фундаментальной гармонией бытия? Можно испытать другие, более высокие способы мистического единения; но чувственное восприятие содержит их все в зародыше. Сколь тщетны тогда попытки абсолютиста отделить себя от сферы смысла!

Как мы видели, интуицию следует считать независимой от сознательных процессов рассуждения. Но это не означает, что она независима от разума ни объективно, ни субъективно. Не объективно, поскольку, если мир - это космос, он должен быть устроен рационально. Не субъективно, поскольку способности человека к рассуждению могут влиять на многие его умственные действия, не поднимаясь до уровня рефлексивного рассуждения. И таким образом, общение человека с космосом, частью которого он сам является, будет основано на разуме, который пронизывает все.

Если мы продолжим спрашивать, какова связь между интуицией и сознательными рефлексивными процессами, ответ, по-видимому, будет примерно такого рода. Интуиция, в широком смысле этого слова, предоставляет материал; разум обрабатывает его. Интуиция движется в несистематизированных мирах; разум приводит их в порядок. Рефлексивное мышление, имеющее дело с явлениями, представляемыми ему ощущением, ставит перед собой три задачи— выяснить природу объектов, проследить их причины и проследить их следствия. И в то время как каждое интуитивное переживание стоит особняком и изолировано в своей непосредственности, разум группирует эти отдельные переживания вместе, исследует их условия и заставляет их служить определенным сознательным целям.

Но если мистики слишком часто совершали ошибку, недооценивая силы и функции рефлексивного разума, то поборники логики также были виновны в противоположной ошибке - пренебрежительном отношении к интуиции, особенно к той, что называется мистической. Иными словами, *форма* мысли объявляется высшей по отношению к *материи* мысли — поистине замечательное утверждение! Что такое разум, если у него нет материала для обработки? И откуда берется материал, как не из ощущений и интуиции? Более того, даже когда материал предоставлен для рассуждений, сделанные выводы должны постоянно и неумолимо проверяться не только физическими фактами, но и интуицией и чувствами, если мы хотим избежать серьезных ошибок. Систематизирующее и спекулятивное рвение имеет тенденцию опережать их данные.

Бергсон многое сделал для того, чтобы вернуть интуиции права, которые были у нее украдены или вырваны. Он показал (можно ли это сказать окончательно?) эта систематизированная

мысль совершенно не подходит для понимания процессов, составляющих реальную жизнь. До него Шопенгауэр с заслуженным презрением относился к идее о том, что мозг, орган, который может работать только несколько часов подряд и зависит от всех случайностей физического состояния тела, следует считать пригодным для решения проблем существования. "Конечно, - пишет Швеглер, - высшие истины разума, вечные, божественные, не могут быть доказаны посредством демонстрации". Но это не менее верно и в отношении простейших проявлений реальности. Знание вынуждено двигаться по поверхности, когда оно нацелено на научный метод и продемонстрированные результаты. Интуитивное знание часто может проникать глубже, приближаться к сути вещей и угадывать их более глубокие взаимосвязи. Когда интуиция может быть охвачена сознательными процессами рассуждения, человек приобретает большую часть знаний, которые являются силой. Но объем знаний в самом полном смысле этого слова бесконечно больше, чем объем науки и философии.

Нетрудно также понять, почему сфера рефлексивного мышления таким образом сравнительно ограничена. Ибо современные рассуждения и даже самая строгая психология познакомили нас с идеей большего "я", которое находится за пределами досягаемости сознательного анализа. Неясная работа ума — эмоции, настроения, непосредственное восприятие, предчувствия и прочее — играет важную роль в реальном проживании жизни. Рассмотрим в этой связи такой отрывок, как следующий, взятый из "Истории моего сердца" Джеффриса. Это что-то значит, хотя и ненаучно.

"С тех пор, как началась письменная история, были открыты только три вещи из того, что касается внутреннего сознания. Всего три вещи за двенадцать тысяч написанных или изваянных лет и за безмолвное, тусклое время, предшествовавшее им. Три идеи пещерные люди вырвали из неизвестности, из ночи, которая все еще окружает нас при дневном свете — *существование души, бессмертие, божество*. Всего этого ... мне недостаточно. Я желаю продвинуться дальше и вырвать четвертую, и даже больше, чем четвертую, из тьмы мысли. Я хочу больше идей о душевной жизни . . . . Мой обнаженный разум противостоит неизвестному. Я вижу так же ясно, как полдень, что это еще не все; я вижу другие, более высокие условия, чем существование; я вижу не только существование души, но, вдобавок, я осознаю безграничную душевную жизнь ... Я стремлюсь выразить Четвертую Идею. Сама идея о том, что есть другая идея, - это нечто приобретенное. Трое, обретенные пещерными людьми, - всего лишь ступеньки, первые звенья бесконечной цепи".

Конечно, здесь нам напоминают о "настойчивых расспросах Вордсворта о чувствах и внешних вещах"; о его "дурных предчувствиях относительно существа, блуждающего в неосознанных мирах". Интуиция нащупывает свой путь наружу, за пределы сферы известного, и эмоция работает в гармонии с ней, разум все еще не может за нее ухватиться. Описание Моррисом подобного чувства нереализованных возможностей в той или иной степени применимо к людям всех сортов и состояний, хотя поэты, о которых он говорит, пользуются наибольшей популярностью.

"Слепые мысли, которые занимают мозг,
Немые мелодии, которые наполняют слух,
Смутные волнения, драгоценная боль,
Проблеск надежды, холодок страха —

Они овладевают душой поэта и превращают
Руду фантазии в золото".

Таким образом, язык используется для того, чтобы заявить о своей собственной неадекватности. И кто может не видеть, что между богатой сложностью работы всего разума и средствами, с помощью которых мы хотели бы придать им четкость, зияет пропасть, которую не могут преодолеть никакие усилия? Даже поэт терпит неудачу, а ученый - тем более! Отказываться признавать свежую спонтанность чувств и интуиции - значит лишать жизнь ее высших радостей и более глубокого смысла.

ГЛАВА IV

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Многие мыслители наших дней гордятся ростом того, что они называют натуралистическим духом. Что они имеют в виду под этим? Они означают, что старые способы интерпретации природы, анимистические или сверхъестественные, вытесняются объяснениями, основанными на знании физических фактов и "естественных" законов. И до определенного момента найдется лишь несколько прирожденных мистиков, которые не согласятся в своем чувстве удовлетворения с тем, что невежество и суеверия исчезают примерно пропорционально прогрессу точного знания. Во всяком случае, в этом исследовании более обоснованные выводы науки будут приняты свободно и с радостью. Сама идея конфликта между Наукой и Естественным мистицизмом должна быть безжалостно отвергнута.

Но это совпадение должно быть условным. Тейт, например, с презрением относился к любой форме анимизма. Он писал так: "Современным Пигмалионам не нужно умолять Афродиту оживить для них мир. Подобно дикарю с его Тотемом, они сами уже приписали ему жизнь. "Это связано, - как говорит Гельмгольц, - с тем же, что и метафизика Шопенгауэра. Звезды должны любить и ненавидеть друг друга, испытывать удовольствие и неудовольствие и стараться двигаться так, чтобы соответствовать этим чувствам." Последняя фаза этой своеобразной ненауки говорит нам, что вся материя живая; или, по крайней мере, что она содержит "обещание и потенцию" (какими бы они ни были) "всей земной жизни". Все это, вероятно, возникло очень простым способом, на который уже намекалось; а именно, в смешении

терминов, сконструированных для применения только к мыслящим существам, с другими, применимыми только к грубой материи, и слепом следовании этой путанице с ее неизбежно нелепыми последствиями. Вот и все попытки ввести в науку элемент, совершенно несовместимый с фундаментальными условиями ее существования".

Это энергично! Но как обстоит дело сейчас? С тех пор как Тейт написал свою инвективу, многие физики, по крайней мере, равного ранга с ним, и сделавшие несколько немислимых открытий, направленных на благо, присоединились к взглядам, которые он так резко осуждает. Что касается метафизиков, то лишь немногие из первого разряда не воспринимают сознание как высшую форму существования. Опять же, ссылка на миф о Пигмалионе подразумевает точку зрения, что мифология была всего лишь пустым продуктом неискушенной фантазии и образцового субъективизма. Здесь он также не в ладах с духом, который сейчас пронизывает науку о религии и сравнительное изучение ранних форм верований. Было бы неплохо посвятить несколько глав обзору предложенных таким образом проблем и предварить их общим исследованием отношения человека к природе.

Нам лучше всего разобраться с реальной проблемой, обратившись к "грубой материи" Тейта. Ибо в этих словах заключена целая философия. С одной стороны, материя, инертная, безжизненная; с другой стороны, дух, живой, сверхчувственный: между ними и связующий их человек, дух в теле. Наряду с этим обычно существует догма об особых творениях, хотя, возможно, можно считать, что такая догма не является существенной для различия между двумя царствами, столь резко разделенными. Сразу становится очевидным, что, исходя из таких предпосылок, инвектива Тейта в значительной степени оправдана. Ибо если материя инертна, груба, мертва, то, конечно, кажется нелепым говорить о наличии в ней потенции жизни, используя "жизнь" как синоним живых организмов, включая человека. Мистик природы раздражается гомерическим хохотом.

Но вся тенденция научных исследований и спекуляций все больше отдаляется от этого грубого и жестокого дуализма. Отношение души к телу все еще остается животрепещущим вопросом, но это вовсе не исключает веры в то, что материя является одним из способов проявления духа. Действительно, трудно понять, как сторонники доктрины исчезновения могли заставить себя утверждать, даже исходя из своих собственных предпосылок, что любое творение Высшего Духа может быть "грубым", то есть инертным и иррациональным! Рассматриваемое с новой точки зрения, все есть то, что для нынешних целей можно назвать духовным. И когда человек появился на земном шаре, он не был чем-то привнесенным извне, отличным от мира материи и чуждым ему, но просто результатом более интенсивной деятельности тех же сил, которые действовали с самого начала и в целом — короче говоря, высшим проявлением жизни, которая является конечной Основой всех способов существования. Существуют не две разные сферы — грубой материи и живого духа; но различные планы, или ступени, жизни и сознания. У Лейбница была прекрасная и глубокая идея о том, что жизнь на земле имеет три вида — она спит в растениях, видит сны у животных и пробуждается в человеке. Современная мысль расширяет, универсализирует эту идею.

Таким образом, отношение человека к природе в свете этой новой доктрины становится достаточно ясным. Он не нарушитель, а неотъемлемая часть целого. Он является высшим результатом (насколько это касается нашего чувственного мира) обширного восходящего движения. Более того, современная наука связывает его с другими мирами и другими эпохами.

Космическая эволюция, так сказать, "состоит из частей", и человек занимает свое особое место в упорядоченном целом. Процесс медленный, измеряемый уровнем человеческой жизни. Бесчисленные века прошли, чтобы привести нас и наш мир к нынешнему уровню сознательной жизни. Бесчисленные века еще впереди. Каким должен быть конец — цель? Кто может сказать? Судя по тому, что мы знаем, казалось бы, проще всего сказать, что тенденция эволюционного процесса направлена на увеличение внутренней спонтанности и сознательно сформированной и преследуемой цели. В своих "Песнях перед восходом солнца" Суинберн называет эту спонтанность "свободой".

"Мы называем это Свободой, для большей святости
Имени души нет;
Она трудится вернее, хотя и медленнее,
Чем метры звезд и солнца;
Медленнее, чем жизнь к дыханию,
Вернее, чем время к смерти,
Он движется до тех пор, пока его работа не будет выполнена".

Таким образом, мистик природы вынужден отвергать доктрину "грубой" материи так же решительно, как и доктрину безусловного Абсолюта. Каждый по-своему лишает природу ее истинного величия и значимости. Природа для него живая: и это не косвенно, как "живое одеяние" (цитируя Гете "Дух времени") другой Реальности, но как живая часть этой Реальности — подлинное, первичное проявление изначальной Основы. А человек - неотъемлемая живая часть живой природы.

Есть еще один аспект этой доктрины о "грубой" материи, который приводит к тем же выводам. Если считать, что материя не обладает никакими другими свойствами, кроме тех, которые известны физикам, возможно, удастся объяснить то, что можно назвать утилитарной стороной человеческого развития, социальной и индивидуалистической. Природа предъявляет требования к энергии и способностям человека, прежде чем она даст ему пищу и кров, а также его материальные потребности в целом. Чрезвычайно важный и далеко идущий ряд фактов, которые здесь представлены, в значительной степени определили неоднородный ход промышленной и социальной эволюции. Но даже в этом случае необходимо сделать серьезные оговорки. Существует элемент рациональности (скрытый во внешних явлениях), который откликнулся на работу человеческого разума. В действии так называемых законов природы есть проявления чего-то более глубокого, чем физика, и все моральные влияния, которые эти законы оказали на высшее развитие человека. Существует важный факт, что по мере увеличения ресурсов цивилизации давление утилитарных отношений ослабевает.

Однако, отдавая должное влиянию чисто "физических" свойств природы, не имеет ли человек к своему внешнему окружению иного отношения, кроме утилитарного? Только что было высказано предположение о моральном влиянии; эксплуатация этой богатой жилы в течение некоторого времени привлекала внимание эволюционных моралистов. Наша более насущная забота связана с эстетическими влияниями. И в природе есть красота, а также полезность. Красота также не является побочным продуктом полезности; она существует сама по себе и утверждает себя по своему собственному праву. Как выразился Эмерсон, "это само по себе оправдание бытия". Как выразился другой писатель, "в красоте, которую мы видим вокруг себя на лице природы, мы почувствовали улыбку духовного Существа, как мы чувствуем, что улыбка

нашего друга добавляет света и сияния его лицу". Да, природа прекрасна, и человек знает это. Насколько велико количество и разнообразие эмоций и интуиции, которые красота может пробудить и взрастить, будет подробно показано ниже.

Но красота - не единственный фактор формирования и развития характера человека. Природа, как будет показано, является проявлением имманентных идей, которые затрагивают жизнь в каждой точке. Уродство, например, имеет свое место так же, как и красота, и с ним будут разбираться в свое время. Так и с идеями жизни и смерти, силы и слабости, надежды и уныния — эти и тысячи других, присущих внешним явлениям, стимулировали мощное воображение зарождающейся расы и до сих пор сохраняют свою магию, способную тронуть чувствительную душу. Удивительные мифологические системы прошлого олицетворяют науку, философию и поэзию — и они были вызваны физическими явлениями. Философия и поэзия настоящего все еще в значительной степени зависят от тех же явлений. Так будет до конца.

То, что раскрытие Реальности является частичным - что высочайшие вершины скрыты туманом, — это свободно допускается. Но сам факт заключает в себе особое очарование. Если то, что мы видим, так чудесно, то что же должно быть за этим?

ГЛАВА V

МИСТИЧЕСКАЯ ВОСПРИИМЧИВОСТЬ

Общий характер главного утверждения естествоиспытателя-мистика теперь будет достаточно очевиден. Он утверждает, что человек и его окружение связаны не каким-либо чисто внешним образом, но что они являются участниками одного и того же вида Бытия и, следовательно, тесно связаны. Если это верно, мы ожидаем обнаружить, что где бы и когда бы люди ни находились в тесном и постоянном контакте с природой, они будут испытывать определенный вид влияния, которое повлияет на их характеры и их мысли. И, как уже было очевидно, мы не разочарованы в этих ожиданиях. Давайте обратимся к несколько более детальному изучению доказательств реальности и силы мистического влияния, постоянно оказываемого физическими явлениями на психическое развитие человека.

Как уже говорилось, мистик природы придает значительное, хотя и ни в коем случае не исключительное значение тому, что он называет "интуицией". Его взгляд на эту способность не совсем соответствует взгляду строгого психолога. Герберт Спенсер, например, в своей "Психологии" использует термин "интуиция" в том смысле, который он считает его "общепринятым" — "как означающий любое познание, достигнутое в результате неразложимого ментального акта". Конечно, многое зависит от того, что подразумевается под познанием, и невозможно погрузиться в безбрежное море эпистемологии или даже в море интуитивных противоречий, чтобы определить этот момент. Собственная иллюстрация Спенсером интуитивно постигаемого факта для познания — отношения, равные одному и тому же отношению, равны друг другу, — по-видимому, сужает его применение до тех так называемых самоочевидных или необходимых истин, которые без колебаний принимаются с первого взгляда. Однако мистик-натуралист, безоговорочно признавая этот вид интуиции (каким бы ни было ее происхождение), требует более широкого значения этого термина. Более близкий подход к тому, чего он хочет, можно найти в подвигах некоторых расчетливых вундеркиндов, которые часто, кажется, достигают своих поразительных результатов скорее благодаря озарениям, чем операциям. Говорят, что знаменитый математик Эйлер обладал, в дополнение к своей экстраординарной памяти на числа, "своего рода способностью к предсказанию", благодаря которой он почти с первого взгляда улавливал сложнейшие соотношения факторов и наилучшие способы манипулирования ими. Что касается вундеркиндов-вычислителей, то напрашивается мысль. Почти неизменно обнаруживалось, что по мере того, как они узнавали больше, их особая сила уменьшалась. Имеет ли это какое-либо отношение к потере силы воображения и эстетического понимания, которые часто сопровождают распространение цивилизации? - или к материализму и доктринам "грубой материи", которые так часто поражают ученых?

Но даже такое расширение смысла не удовлетворяет природного мистика. Возможно, случай с музыкальной интуицией еще ближе подходит к тому, что он ищет, поскольку познание, в смысле определенного знания, здесь сведено к минимуму. С другой стороны, здесь действует нечто большее, чем просто чувство. Душа любителя музыки движется в мире, который одновременно осознан и в то же время нереализован — его восприятия живы и в то же время неопределимы. И важно отметить, что основой является чувственное восприятие.

И поэтому мы говорим о мистической интуиции, что это прохождение разума без обоснованного процесса за пределы мира явлений в более центральную сферу реальности — проникновение в мир, недоступный чувствам, — прямое созерцание духовных фактов, руководствующееся логикой, которая неявна, хотя и не проявляется в сознании. Именно интуиция такого более полного и глубокого рода, по всей вероятности, составляет ядро того, что некоторые называли бы эстетическими и моральными чувствами.

И здесь возникает интересный вопрос. Мистики старшего поколения и более ортодоксальные из современных мистиков хотели бы заставить нас поверить, что интуиция, за которую они борются, является чисто пассивной. Разум должен быть успокоен, воля подавлена до тех пор, пока не будет достигнуто состояние простой восприимчивости. Справедливо ли это утверждение? Трудно оторваться от почтенных традиций, но мистик природы, который хотел бы быть в курсе знаний своего времени, должен иногда быть готов подвергнуть критическому анализу даже саму интуицию. И в данном случае критика тем более необходима, что доктрина чистой пассивности в значительной степени является следствием веры в безусловный Абсолют.

Если мы хотим насладиться единением с таким Абсолютом, воля должна быть лишена пульса, интеллект атрофирован, вся душа бездействует: в противном случае внедрение ограниченных мыслей и желаний препятствует божественному раскрытию!

Итак, при первом упоминании интуиции было отмечено, что, подобно ощущению (которое является элементарной формой интуиции), оно предоставляет "материю" для работы ума. Пока что это можно справедливо считать пассивно—восприимчивым. Но таким образом рассказана только половина истории. Разум реагирует на предоставленный таким образом "материал" и придает ему контекст и значение. Даже орган чувств реагирует на физический стимул и обуславливает его по-своему; в гораздо большей степени проявит себя разум в целом. Действительно, только при условии такого действия и противодействия может быть осуществлен любой союз, или причастие, достойное этого названия. И если есть подозрение, что различие между "материей" и "формой" слишком кантовское и техническое (хотя оно и не предназначено быть таковым), вопрос можно сформулировать в более общих чертах, сказав, что во всех формах интуиции, от низшей до высшей, разум выходит навстречу тому, что к нему приходит — всегда есть какое-то движение изнутри, будь то желание, эмоция, симпатия или другая подобная привязанность. Короче говоря, самость, пока это самость, никогда не может быть чисто пассивной.

Рассмотрим с этой точки зрения следующий отрывок из Джеффериса. "Со всей интенсивностью чувств, которые меня возвышали, со всем напряженным единением, которое я испытывал с землей, солнцем и небом, со звездами, скрытыми светом, с океаном — никаким образом нельзя описать волнующую глубину этих чувств, — я молился ими, как если бы они были клавишами инструмента, органа, с помощью которых я извлекал ноты моей души, удваивая их мощь в моем собственном голосе. Огромное солнце, обжигающее светом; крепкая земля, дорогая земля; теплое небо; чистый воздух; мысль об океане; невыразимая красота всего наполнила меня восторгом, экстазом, надуванием. Этим надуванием я тоже молился". Как сильна во всем деятельность души — достигающая высшей точки в молитве! И под "молитвой" Джефферис отчетливо заявляет, что он имеет в виду не "просьбу о чем-либо предпочтительном божеству", а сильную душевную эмоцию, интенсивное устремление, сильное желание более полной душевной жизни - все признаки высших форм мистицизма и пропорционально усиленной душевной деятельности.

И что же тогда следует сказать о Вордсворте?

"Я полагаю, что существуют Силы,
Которые сами по себе впечатляют наш разум;
Что мы можем подпитывать эти наши умы
мудрой пассивностью.

Вы думаете: "Посреди всего этого огромного количества
вещей для преувеличения,
Что само по себе ничего не придет,
Но мы все еще должны искать".

Разве это, могут спросить, не согласуется со старой доктриной? Это не так. Существует законное и полезное утверждение о необходимости восприимчивого склада ума. Джефферис тоже был чрезвычайно восприимчивым, а также чрезвычайно активным. Но Вордсворт противопоставляет концентрацию ума на определенных исследованиях и книжных знаниях

тому, что он открыт влияниям природы. Он называет это последнее "мудрой пассивностью" — "сновидением", но, тем не менее, это активная пассивность — сон наяву. Все чувства должны быть в здоровом рабочем состоянии; глубокое сознание должно мягко играть с материалом, который природа так спонтанно поставляет. И так происходит то, о чем он может рассказать

"Присутствие, которое тревожит меня радостью
Возвышенных мыслей".

Разве это не то же самое переживание, что и у Джеффриса, только проходящее через разум более спокойного тона? И если временами Вордсворт и впадает в экстаз, когда

"свет смысла
гаснет, но со вспышкой, которая открыла
Невидимый мир",

его разум не находится в абсолютистском состоянии пассивности, а, напротив, устремлен к высшим формам сознания. Переживания могут быть такими, а могут и не быть, которые последующее размышление может привести в порядок — это несущественно для данного вопроса, — но в любом случае они подразумевают активность. Следовательно, мы можем с уверенностью заключить, что интуиция во всех ее степенях требует специальной душевной активности, а также специальной душевной пассивности.

Из предшествующего было очевидно, что существует множество степеней интуиции, восходящих от чувственного восприятия к тому, что известно как экстаз. Некоторые могут усомниться в мудрости признания экстаза среди переживаний здравомыслящего современного природного мистика. Конечно, это слово вызывает предубеждение во многих умах. Конечно, следует избегать фанатизма религиозного мистицизма. Но Джеффрис не боялся этого слова для описания необычного переживания возвышенных чувств; и Вордсворт не боялся описывать само это переживание:

"это безмятежное и блаженное настроение
В котором чувства мягко ведут нас вперед —
До тех пор, пока не затухнет дыхание этого телесного пламени,
И даже движение нашей человеческой крови
Почти подвешенные, мы погружаемся в сон
телом и становимся живой душой;
В то время как взглядом, успокоенным силой
гармонии и глубокой силой радости,
мы проникаем в жизнь вещей".

Это во многих отношениях тот же тип переживания, что описан Платином — "жизнь богов, божественных и счастливых людей", — но лишенный ненужной деградации тела и чувств, которые у Вордсворта неподвижны и превзойдены, но остаются основой для всего остального. Есть еще одно и очень существенное отличие. Порфирий, ученик Платина, рассказывает нам, что его учитель достигал экстатического состояния только четыре раза за те шесть лет, которые он провел в его обществе. Мы не знаем, как часто Вордсворт достигал своей формы экстаза. Но есть маленькое слово "мы", которое встречается во всем его описании, изто, очевидно, связывает прошлое с его читателями. Иными словами, он не отделяет свой опыт от того, что доступно обычному человечеству. Он призывал и ожидал искреннего сочувствия. И он не

ошибся, выдвинув это требование, ибо мало найдется чувствительных любителей природы, которые не способны в какой-то степени сопоставить то, что так чудесно описал английский первосвященник мистицизма Природы. А что касается низших и простых степеней чувства природы, то, учитывая, что условия жизни "естественны", они практически универсальны, хотя и часто невняты.

ГЛАВА VI

РАЗВИТИЕ И ДИСЦИПЛИНА ИНТУИЦИИ

Хотя выдающимся признаком интуиции является ее непосредственность, это не означает, что она независима от умственного развития, культуры или дисциплины. Пока что все классы мистиков были бы согласны. Тем не менее, определенное количество комментариев и критики будет полезно даже в этом отношении. Ибо ошибочные концепции, особенно в вопросах, столь сильно зависящих от веры в безусловный Абсолют, часто могут вылиться во вредную практику. Для доказательства и иллюстрации опасности нужно ли что-то большее, чем указать на ужасные проявления аскетизма, все еще распространенные в Индии?

И, во-первых, о нормальном развитии мистического чувства к природе в случае индивидуального разума. "Ребенок - отец мужчины", - сказал Вордсворт. Но в каком смысле это правда? Обратимся к бессмертной Оде, которая, несомненно, является свидетельством яркого личного опыта.

"Небеса окружают нас в нашем младенчестве!

Тени тюремного дома начинают смыкаться

Над растущим мальчиком,

Но он видит свет и то, откуда он исходит,

Он видит это в своей радости;

Юноша, который с каждым днем должен уходить все дальше от востока

, все еще остается жрецом Природы,

И видением великолепным

Находится в пути, за ним ухаживают;

Наконец человек замечает, что это затихает
И раствориться в свете обычного дня".

Конечно, поэт был совершенно серьезен, когда писал это; но две последние строки заставляют нас задуматься. Как насчет

"Свет, которого никогда не было ни на суше, ни на море"?

Разве это не было с поэтом до конца? Как насчет

"Мысли, которые часто лежат слишком глубоко, чтобы вызвать слезы"?

Было бы ли это возможно для ребенка или растущего мальчика? Если бы была потеря, разве не было бы также очень реального приобретения по мере того, как годы пролетали над его головой? Такие вопросы возникают у нас в результате изучения самих записей. Часть яркости и свежести "великолепного видения" могла испариться, но мистическое сияние, радость, экзальтация остались — и усилились —

"Так было, когда я был ребенком,
Так есть и сейчас, когда я мужчина,
Пусть так будет, когда я состарюсь,
Или дай мне умереть" —

только эта детская фантазия уступает место зрелому воображению. И если это было так с Вордсвортом, чье детство было таким исключительным, то тем более мы обнаружим, что это верно для обычного ребенка. Ранняя свежесть чувств может быть притуплена; нетерпеливое любопытство может быть удовлетворено; но там, где природа остается неиспорченной, чувство удивления и радости расширит свой диапазон и обретет полноту содержания.

Если мы сравним развитие Кингсли, то он был в некотором смысле великим "мальчиком" до конца - но мальчиком с углубляющимся чувством тайны, смягчающим его характер и высказывания. И вот что он мог сказать, оглядываясь назад на свое общение с чудесами природы: "Я долго наслаждался ими, никогда не могу честно признаться в одиночестве, потому что, когда человека не было со мной, у меня были товарищи в каждой пчеле, цветке и камешке, и я никогда не бездельничал, потому что я не мог пройти мимо болота или вересковой поросли, не найдя в них волшебной сказки, из которой я мог лишь кое-где разобрать строчку-другую, и все же находил их интереснее всех книг, кроме одной, которые когда-либо были написаны на земле".

Правда, есть и другой диапазон переживаний, с которыми следует считаться, например, опыт Омара Хайяма —

"И все же, ах, если бы Весна исчезла вместе с Розой!
Благоухающая рукопись этого Юноши должна быть закрыта!
Соловей, который пел на ветвях,
Ах, откуда он взялся и куда улетел снова, кто знает?"

Да, но кем мог бы быть Омар при более благородной жизненной философии и более здоровом самоограничении? Пресыщенный, пьяница, каким бы он ни был, как он начал свой Рубайят? Так прекрасно!

-Проснись! Ибо Солнце, которое обращало в бегство
Звезды перед собой с Поля Ночи,
Низвергает Ночь вместе с ними с Небес и поражает
башню Султана Лучом Света".

В этом человеке все еще была поэзия — и тоже из тех, что пробуждает природа. И от природы
точно так же исходит пафос заключительного стиха —

"Вон та восходящая Луна, которая снова ищет нас —
Как часто в дальнейшем она будет прибывать и убывать;
Как часто после восхождения ищите нас
Через этот же сад—и за *одним* зря! "

И если, несмотря на все сказанное, навязчивая ода Вордсворта все еще сохраняет свое
влияние, то пусть будет еще более прямое обращение к ее автору. Один из его самых
прекрасных сонетов — это тот, который открывается...

"Это прекрасный вечер, спокойный и свободный".

Он рассказывает о священной тишине, заходе яркого солнца, вечном движении моря. Он
наполнен чувством мистического обожания. И тут происходит внезапный поворот мысли —

"Дорогое дитя! дорогая девочка! тот, кто идет со мной здесь,
Если ты кажешься не тронутым серьезными мыслями,
от этого твоя природа не становится менее божественной".

Что это, как не рассматривать способность к интуиции как все еще в значительной степени
латентную, ожидающую процессов созревания с течением лет? Здесь нет места для
дальнейших споров.

То, что только что было сказано о ребенке, можно сказать и о расе, особенно если в теории есть
что-то, что ребенок вкратце описывает стадии, через которые прошла раса в своем восходящем
прогрессе. На заре цивилизации чувства были бы сравнительно свежими и острыми, хотя и
лишенными утонченности эстетического различия; воображение было бы мощным и
активным. Отсюда столь разнообразные и необъятные плоды анимистической тенденции и
мифопоэтической способности. За этими стадиями следуют периоды рефлексивных
размышлений и точных исследований, которые, хотя и притупляют в некоторой степени остроту
чувствительности, с лихвой компенсируют потерю расширением горизонтов и углублением
тайн. Однако мы должны быть осторожны и не заходить слишком далеко в аналогии или
параллели. Настаивают на важных модификациях теории перепросмотра даже в отношении ее
биологической стороны; поэтому разумно быть вдвойне настороже, когда имеешь дело со
сложностями социального развития. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что для
расы, как и для отдельного человека, формы космических эмоций становятся более полными и
обогащенными в "процессе солнц". Легко ли было бы провести параллель с каким—либо
предыдущим периодом истории, приведенным отрывком из Джеффриса? — "Со всей
интенсивностью чувств, которые меня возвышали, со всей интенсивностью общения, которое я
поддерживал с землей, солнцем и небом, со звездами, скрытыми светом, с океаном —
невозможно описать захватывающую глубину этих чувств - я молился обо всем этом, как будто
это были клавиши инструмента".

Если исходить из признания того, что интуитивная способность способна к развитию, то это простой и действительно неизбежный шаг к выводу, что обучение и дисциплина могут способствовать этому развитию. Как отмечалось выше, мистики заходили и все еще заходят так далеко, что заставляют мир удивляться, в своих попытках насладиться высшими формами мистического общения с Реальностью. Нотка сурового отречения сохранялась, подобно бурдону, на протяжении веков в жизни тех, кто посвятил себя поиску Абсолюта. На Востоке, и особенно в Индии, великой целью жизни стало освобождение от вожделений и чувств. Буддист борется за подавление всех естественных желаний и подвергается всевозможным пыткам, причиняемым самому себе, чтобы подняться над миром иллюзии и достичь погружения во Вселенский Дух. Он жертвует телом, чтобы душа могла видеть. Подобные взгляды, хотя и сильно различающиеся в деталях, процветали в основе всех великих религий и составляли почти единственную суть некоторых из меньших. Не избежало этого и христианство. Преувеличенный и бескомпромиссный аскетизм принес многим христианским святым почести на земле и уверенность в особых привилегиях на небесах.

Контрастируйте с этим более суровым и ограниченным типом мистиков, которые любят мир природы, потому что верят, что он, как и он сам, является подлинным проявлением предельно Реального и сродни его собственной сокровенной жизни. Он тоже признает необходимость дисциплины тела — у него тоже есть свой *askesis* — но он дорожит древнегреческим идеалом, который призывает не жертвовать чувствами как таковыми, а мудро воздерживаться от тех чувственных удовольствий или чрезмерного потакания удовольствиям, которые ставят под угрозу баланс сил тела и разума. Мистик природы, в частности, утверждает, что нет такой формы человеческого знания, которая не могла бы сослужить ему службу в достижении более глубокого понимания и более полного опыта в его общении с природой. Таким образом, он студент в лучшем смысле этого слова — не раб простой эрудиции, но внимательный и жадный впитыватель всего нового и старого в соответствии со своими способностями и возможностями. Он пытается рассматривать жизнь в целом и полностью посвятить себя, тело и душу, реализации ее возможностей. И он обращается к природе за некоторыми из своих самых чистых радостей и самых плодотворных переживаний. Он знает, что внешние проявления неба и земли являются проявлениями Реальности, которая общается с ним, как душа с душой.

ГЛАВА VII

ПРИРОДА НЕ СИМВОЛИЧЕСКАЯ

Мистицизм и символизм обычно считаются неразделимыми: некоторые могут зайти так далеко, что сделать их практически синонимами. Отсюда большое место, отведенное символам в большинстве трактатов по мистицизму. Реседжак, например, в своем трактате "Основы мистической веры" посвящает этой теме около двух третей всего текста. Откуда такой преобладающий акцент? Конечно, существует множество заговорщических причин, но концепция Абсолюта по-прежнему остается самой сильной. Данное как Необусловленное, находящееся за пределами досягаемости чувств и разума, феноменальное неизбежно низводится до ранга чисто символического. Природа, находясь на бесконечном расстоянии от Реального, может только "олицетворять" Реальное; и любое знание, которое она может опосредовать, настолько опосредовано, что едва ли заслуживает этого названия.

Против такой деградации феноменального истинный природный мистик вынужден возражать, если он хочет быть верным своему фундаментальному принципу. Он желает прямого общения с Реальным и смотрит на внешнюю природу как на средство достижения своей цели. Подсунуть ему что-то, что "обозначает" Реальное, значит помешать ему достичь его цели; ибо в тот момент, когда появляется символ, Реальное исчезает: его место занимает замена— которая в лучшем случае является Майей - иллюзией; или, используя техническую фразеологию метафизического толка, является "простой видимостью".

Но, кроме того, символическая концепция природы, по—видимому, противоречит требованию непосредственности - требованию, более важному для абсолютиста, чем для подлинного мистика природы, и все же, по-видимому, упускаемому из виду теми, кто является ярыми защитниками символизма. Ибо интуиция подразумевает прямое озарение, независимое от процесса рассуждения и концептуального построения. Принимая во внимание, что символ в любом обычном понимании этого слова, бесспорно, является продуктом сознательных ментальных процессов: само его обращение за пределы самого себя требует сознательного анализа и синтеза, а также сознательного распознавания сложных систем отношений. Таким образом, доктрина символов на самом деле подрывает мистицизм любого рода, и в особенности мистицизм Природы.

Пусть не думают, что рассуждать таким образом - значит отвергать символизм как таковой. Любой, кто понимает природу и условия человеческого познания, видит, что символические системы бесконечного разнообразия являются необходимыми инструментами почти в каждой области теории, исследований и практики. Мы не можем двигаться вперед без них. Некоторые символы насквозь абстрактны и искусственны, но часто имеют исключительную ценность, несмотря на то, что являются чистыми творениями разума. Другие символы основаны на аналогиях и сходстве, заложенных глубоко в природе вещей, и поэтому ближе подходят к вопросу подлинной интуиции. Между двумя крайностями существует бесконечное количество градуированных систем, некоторые из которых входят в саму структуру повседневной жизни. Но до тех пор, пока и в той мере, в какой существует "обозначение" вместо "существа", мистик как мистик лишен своего прямого общения с Основой вещей.

Но мистик, защищающий символизм, может возразить, что определение этого термина не следует понимать так узко и что существует более широкий смысл, в котором его понимают авторы по эстетике. Можно попытаться дать примерно такое определение: символ - это нечто,

что не просто "обозначает" что-то другое, но такое, что, хотя и имеет собственное значение, указывает на другую вещь, лежащую за пределами него самого, и предполагает идеальное содержание, которое само по себе он не может полностью воплотить. Но действительно ли мы избавляемся от нашей трудности, заменяя "предполагает" на "обозначает"? И снова следует настаивать на том, что мистик стремится к прямому общению не с тем, что "предполагается", а с тем, что "есть". Объект может быть низким или высоким по шкале существования, может быть богатым или бедным по содержанию — но он есть то, что он есть, и, как таковой, сам по себе, может быть источником интуиции. Человек, лежавший на берегу мельничного ручья и медитировавший на водяное колесо, хотел узнать секрет самого колеса, а не то, что оно "предлагало". Джеффрис, стремившийся к более полной душевной жизни и чувствительный к аспектам природы, чувствовал, что жизнь есть - что вселенная *есть* жизнь — что жизнь интуитивно ощущается во вселенной и через вселенную, хотя пока не постигается сознательными процессами рассуждения.

В качестве интересного примера можно кратко рассмотреть символ креста. Почему такая простая и знакомая форма приобрела удивительно широкий диапазон и обычно рассматривается как символ жизни? Прежде чем проблема будет решена, необходимо многому научиться. Одно кажется совершенно очевидным — выбор не был полностью произвольным; здесь действовал интуитивный, подсознательный фактор. Возможно ли, что отрицание линии в одном направлении линией в другом направлении вызывает подсознательное чувство напряжения, затем усилия, затем целенаправленной воли и, наконец, жизни? Вероятно, это плод чистого воображения! И все же в самой симметричной форме должна быть какая-то реальная сила, объясняющая ее символическую карьеру. Сознательный разум, смутно побуждаемый этой силой, развил символическое использование; а странное сочетание интуиции, рационального действия и силы обстоятельств на протяжении долгой истории цивилизации довершило остальное.

Начатая таким образом цепочка размышлений придаст особый смысл отрывку из раннего письма Кингсли, процитированному Инге в слегка сокращенном виде, но приводимому здесь полностью. "Великий мистицизм - это вера, которая с каждым днем укрепляется во мне, что все симметричные природные объекты, да, и, возможно, все формы, цвета и ароматы, которые демонстрируют организацию или расположение, являются типами некоторой истины или существования, находящегося на ступени между символическим типом и мистическим типом. Когда я иду по полям, меня время от времени охватывает врожденное чувство, что все, что я вижу, имеет какой-то смысл, если бы я только мог его понять. И это чувство, что я окружен истинами, которые я не могу постичь, иногда достигает неопишуемого благоговения! Все кажется исполненным Божьего отражения, если бы мы только могли это увидеть".

Этот отрывок имеет глубокое значение, если рассматривать его в целом, и послужит замечательным описанием подлинного мистического опыта, который может быть вызван природой, не доходя до "видения", а тем более до экстаза. Но теперь ударение делается на словах "ступень между символическим типом и мистическим типом". Кингсли, очевидно, осознал недостаточность символизма для удовлетворения его требований, в то время как он уклонялся от расплывчатости того, что называлось мистицизмом. Предметы для него имели значение сами по себе, и он искал подходящий термин, чтобы выразить этот факт. Он также отчетливо заявляет, что ему "Кажется, что все наполнено Божьим отражением". Стоит только допустить, что мистицизм Природы, как он определен и проиллюстрирован в предыдущих

главах, является подлинной формой мистицизма, и его трудность была бы решена. Природные объекты, которые будоражили его эмоции, были бы признаны неотъемлемой частью самой изначальной Почвы и, следовательно, компетентными действовать не как заменители чего-то другого, чего на самом деле нет, а сами по себе и в соответствии со своей суверенной прерогативой. Короче говоря, природа - это не просто стимул для буйной фантазии: это сила, которую нужно испытать, тайна, которую нужно разгадать, жизнь, которой можно поделиться.

Знаменитая "Песнь Солнцу" святого Франциска Ассизского дает наивное и спонтанное выражение той же истине. Природные объекты для этого чистейшего из мистиков не были голыми символами, и они не приобретали своего значения, предполагая нечто большее, чем они сами. Он обращался к ним как к существам, которые разделяли с ним радость существования. "Мой брат Солнце" — "моя сестра Луна" - "наша Мать Земля" — "мой брат Ветер" — "наша Сестра Вода" - "Брат Огонь". Одна и та же форма обращения сохраняется для живых и неживых предметов. И очевидно, что привлекательные термины взаимоотношений - это нечто большее, чем метафоры или фигуры речи. Очевидно, что его сердце с ними: он искренне заявляет о родстве. Различия растворяются в ощущении общности. Было бы анахронизмом усматривать в этих ласковых именах более развитый мистицизм Блейка, или Шелли, или Эмерсона. Но обращает на себя внимание отсутствие какого-либо намека на символические знания.

Кингсли, как только что было замечено, искал что-то более удовлетворительное, чем мистический символизм; так же как и Эмерсон. "Мистицизм, - пишет он, - заключается в ошибке случайного и индивидуального символа за универсальный . . . . Мистика нужно постоянно говорить: "Все, что вы говорите, так же верно без утомительного использования этого символа, как и с ним". Беспокойство Эмерсона очевидно. Он бунтует, но не совсем уверен в своей правоте. Одно время он склонялся к мысли, что мистик виноват, потому что он "привязывает символ к одному смыслу, который на мгновение был истинным смыслом, но вскоре становится старым и ложным". В другой раз он склонен вообще осудить символ как имеющий слишком "случайный" характер. Но, безусловно, проще выбросить символизм за борт, когда речь идет о подлинном мистическом опыте. То, что ищет мистик, — это "смысл" сам по себе - "значение", существующее само по себе. Все меньшее - обман. Эмерсон почти пришел к такому выводу, о чем свидетельствует следующий отрывок: "Счастливый символ - это своего рода доказательство того, что ваша мысль справедлива . . . . Если вы согласны со мной, или если Локк или Монтескье согласны, я все еще могу ошибаться; но если вяз думает то же самое, если текущая вода, если горящий уголь, если кристаллы, если щелочи разными способами говорят то, что я говорю, это должно быть правдой ". Здесь Эмерсон почти полностью выпутался из этой путаницы. Он говорит о "счастливом символе". Но поскольку этот "счастливый символ" призван выразить то, что *на самом деле говорят* вяз, бегущая вода и все остальное разными способами, безопаснее вообще отказаться от идеи символизма; ибо то, что они *говорят*, - это не то, что они "обозначают", а то, чем они на самом деле *являются*.

Если возобновить утверждение, что вяз, проточная вода и все остальное *предполагают* истины и мысли, превосходящие их самих, то, конечно, с этим можно легко согласиться. Но это делается только для того, чтобы подтвердить, что каждый объект связан с любым другим объектом множеством отношений — что каждая часть вплетена в структуру большего целого во вселенной взаимопроникновений. Последовательная разработка органической взаимозависимости способов и форм существования обнаруживается в такой системе, как

система Гегеля, где каждая часть предполагает коррелятивы и где каждая стадия или "момент" включает в себя все прошлое и подталкивает к тому, что диалектически следует. Не обязательно быть гегельянцем, чтобы оценить великую идею его доктрины — что все виды и проявления Реального логически и органически связаны. Но говорить, что одна стадия эволюции Идеи зависит от другой или по существу включает в себя другую, не значит делать низшую из стадий символической для высшей. Действительно, вводить понятие символизма вообще в такой контекст - значит вызывать неразрешимую путаницу. Пусть символизм - это одно, а органическая (или диалектическая) связь — другое, тогда мы знаем, где находимся, когда заявляем о природных объектах, что они сами по себе обладают существом и значением и что они сродни душе человека. Эмерсон твердо усвоил неизбежное утверждение мистика природы.

"На округлый мир приятно смотреть,
Девятикратно окутанный тайной:
Хотя сбитые с толку провидцы не могут поделиться
тайной его трудящегося сердца.
Трепещи своей трепещущей грудью Природы,
И все станет ясно от востока до запада.
Дух , который скрывается внутри каждой формы
Манит дух своих сородичей;
Самовозгорающийся каждый атом светится -
И намекает на будущее, которому он обязан".

ГЛАВА VIII

ОБВИНЕНИЕ В АНТРОПОМОРФИЗМЕ

Есть много мыслителей, которые готовы признать, что созерцание природы приводит к различным видам эмоционального и эстетического переживания, но которые в то же время отрицают, что результаты такого созерцания имеют какой-либо иной характер, кроме субъективного; они утверждают, что достоверность результатов испаряется, так сказать, вместе с настроением, вызвавшим их к жизни. Мифы, например, с этой точки зрения являются "просто объективацией субъективных импульсов"; а современная симпатия к природе - это

эстетическое чувство, которое "освобождается от оков, наложенных на него мифологической мыслью, постоянно создавая по своему усмотрению мифы, которые исчезают с завершением цели, которой они служили, и уступают место другим фантазиям". Эта "субъективная" доктрина будет часто встречаться нам и потребует различных ответов. Давайте теперь рассмотрим это в самой общей и грозной форме, то, чему Вундт дал весомую поддержку в своем трактате "Факты нравственной жизни". Предложения, процитированные чуть выше, взяты из тех разделов этой работы, которые касаются эстетического отношения человека к природе; и именно их учению по этому вопросу будет в основном посвящена эта глава.

Вот утверждение, которое поднимает четкую проблему. Влияние природы, говорит Вундт, не является неизменным. "Перед современным европейцем лежат те же горы, реки и леса, что и перед его предками тысячи лет назад; но эффект, который они производят, совсем другой. В этом изменении отражается изменение *вэстетическом* взгляде человека на мир, которое само по себе связано с изменением его морального восприятия жизни". Теперь мистик природы может приветствовать каждое слово этого отрывка, не отказываясь тем самым от своего утверждения, что горы, реки и леса имеют определенное и имманентное объективное значение сами по себе. Явления восхода и захода солнца, которые были известны нашим европейским предкам тысячи лет назад, такие же, как и те, которые представляются современному астроному, и все же насколько по-разному интерпретируются! Означает ли это различие, что ранний наблюдатель не имел перед собой объективных фактов и что современная астрономия достигла свободы, которая позволяет ей формулировать гипотезы по своему суверенному желанию? Такой вывод вполне возможен, поскольку мы размышляем об изменчивости многих научных концепций! Тем не менее, такой вывод был бы расценен как несколько жестокий. Но если допустить, что в последнем случае основа объективных фактов обеспечивает непрерывность развития астрономических знаний, то почему бы той же привилегии не быть предоставленной объективному элементу в непрерывности мистических знаний? По мере роста знаний интерпретации становятся более адекватными объективным фактам, но это не отменяет их. И сам Вундт допускает, что "именно из мифологической формы чувства (к природе), которое восходит к первым зачаткам человеческой цивилизации, медленно и постепенно развилось эстетическое чувство к природе, с которым мы сами знакомы". Как можно было бы обеспечить такую преемственность без какой-либо основы в мире фактов?

И основу на самом деле, несомненно, легко обнаружить. Человек - это не одинокое существо, подвешенное между землей и небом. Напротив, он связан со всем, что ниже его, и со всем, что выше его, узами, которые проникают в самую суть его существа. Он сам - дитя природы, возвращенное на лоне Матери-Земли и поднимающее свой взор к высотам Эмпиреев. Эволюция, какой бы она ни была, — это космический процесс, и человек является звеном в цепи, или, скорее, живым членом живой вселенной. Для эволюциониста было бы вопиющей глупостью утверждать, что отношение человека к его физическому окружению является внешним в своих физических аспектах. Разве для эволюциониста менее глупо изолировать эмоции, чувства и мысли человека?

"Пропорционально" (говорит Вундт) "по мере того, как природа утрачивала свою непосредственную и живую реальность" (с уходом мифологии), "человеческий разум овладевал ею, находя свои собственные субъективные состояния, отраженные в ее чертах". Очевидно, что многое зависит от значения слова "отраженный". Мы питаем большие надежды, когда он

говорит о "родстве эмоций, вызываемых определенными явлениями природы, с настроениями, возникающими изнутри", но он лишает свое утверждение мистического значения, добавляя: "по собственному примеру разума". "Природа, - говорит Ауэрбах более ясно, - не имеет настроений, они принадлежат только человеку". Теннисон выражает эту точку зрения (не от своего имени!):

"весь призрак, Природа, стоит,
Со всей музыкой в ее тоне
Глухое эхо моего собственного —
Пустая фигура с пустыми руками".

Но, несомненно, все это отрицание настроений в природе, это стремление лишить природные явления всякого определенного человеческого значения опровергается одним очень простым соображением. Должно быть *какое-то* соответствие между причиной и следствием. Когда определенные настроения стимулируются определенными физическими явлениями, должна быть *какая-то* реальная причинно-следственная связь. Это не *какая-либо* сцена, которая может гармонировать с *каким-либо* настроением или способствовать ему. Диапазон разнообразия эффектов, производимых горами, реками, закатами и всем остальным, по общему признанию, велик, но он не хаотичен. Мистик природы допускает разнообразие, более того, радуется ему, но он постулирует эквивалентное разнообразие влияний, имманентных феноменам. Конечно, Ауэрбах прав, если под настроением в природе он подразумевает переживание, подобное переживанию человека-наблюдателя; но он ошибается, если подразумевает, что настроение является полностью субъективным творением и что объект или группа объектов, стимулирующих настроение, не обладает качеством или силой, которые соответствуют настроению или существенно связаны с ним.

Знаменитая "Боевая сцена" Тернера объединяет в изысканное целое группу человеческих настроений и природных явлений. Был ли его выбор явлений обусловлен чисто субъективными соображениями? Маленький пароходик буксирует военный корабль-ветеран к своей последней стоянке. Человеческий интерес велик. Проблема в том, чтобы придать этому подобающую и благородную обстановку. Изучите пейзаж, выбранный художником для своей темы, — богатство ярких, но мягко приглушенных красок, — солнце, садящееся, как старый корабль, в сочном великолепии, — полумесяц, говорящий о рождении новой экономической эры, — подкрадывающийся прохладный туман, предвестник ночи, когда работа закончена, — как чудесно все это гармонирует с общим настроением. Следует ли утверждать, что это произвольные условности, просто причудливые продукты объединения идей? Критик, способный отстаивать такую точку зрения, должен быть вооружен тройной медью. Ибо обычное сердце человечества отвергает это и интуитивно чувствует, что в такой картине есть нечто большее, чем демонстрация художественного мастерства, воплощающего тонкие символы, — оно чувствует, что происходит смешение элементов, имеющих общую духовную природу.

К такому же выводу приходят, когда этот вопрос подвергается проверке наукой и философией. Наука в своей собственной области ничуть не менее антропоморфна, чем мистицизм Природы, — и это неизбежно, если ей вообще суждено существовать; ибо она основывается на предположении, что поведение внешних объектов находится в гармонии с работой человеческого разума. Другими словами, она постулирует жизненно важную взаимосвязь между внутренней природой человека и внутренней природой его материального окружения.

Человеческий разум выходит в природу, ожидая найти там что-то похожее на себя, и не разочаровывается в своей надежде. Представления человека об этом родстве поначалу были, как и все другие его представления, грубыми и запутанными; но по мере того, как его опыт расширялся и созрел, его мировоззрение становилось более адекватным бесконечной сложности и разнообразию явлений, с которыми ему приходится иметь дело. И повсюду, как на низших, так и на высших стадиях интеллектуального развития, неизменно утверждается одна и та же истина, что человек - это микрокосм. Его разум доказывает это, обнаруживая себя в макрокосме. И то, что присуще несовершенным и недавно развитым рациональным способностям, в еще большей степени присуще фундаментальным инстинктам и эмоциям, а также интуиции и духовным побуждениям.

Ученый с материалистическими наклонностями может здесь возразить, что по мере расширения сферы человеческих знаний становится все более очевидным, что все процессы во Вселенной находятся под властью неумолимых законов. Поднятые таким образом вопросы, очевидно, слишком масштабны, чтобы их можно было сколько-нибудь подробно обсуждать в данном контексте. Но два замечания общего характера укажут на наличие весомых контраргументов. Первая заключается в том, что человеческое сердце восстает против концепции механически детерминированной вселенной, в то же время считая себя продуктом или неотъемлемой частью этой вселенной. Иными словами, мы отвергаем странную теорию механической вселенной, восстающей против самой себя! Некоторые из неумолимых законов должны, мягко говоря, иметь совершенно иной характер, чем тот, который постулирует ученый! Второе соображение является почти следствием первого, но также занимает новую позицию. Эти "законы", которые так неумолимо навязываются нам, — что это такое? Кто может сказать? Даже в своих простейших проявлениях они выходят за рамки нашего понимания. Самый фундаментальный из них с научной точки зрения — закон сохранения энергии - сейчас открыто ставится под сомнение. Гораздо больше неопределенности существует в отношении законов жизни и неясных тенденций и импульсов, сгруппированных под названием эволюции. Поток критики так сильно воздействует на фундамент дома ученых-физиков, что старое искушение к поспешному, а иногда и высокомерному догматизму быстро исчезает. Знание "законов" все еще оставляет и всегда будет оставлять достаточно места для дыхания поэту, художнику, мистику природы и любящей душе.

Однако есть еще один аспект обвинения в антропоморфизме — тот, с которым труднее иметь дело, потому что иногда он затрагивает самого мистика природы. Пытаясь разобраться с этим, было бы неплохо позволить представительным мыслителям изложить свои собственные аргументы. Джеффрис, например, пишет так: "В природе нет ничего человеческого. Земля, хотя и была так горячо любима, позволила бы мне погибнуть на земле, не принося ни пищи, ни воды. Горящее в небе великое солнце, общество которого я так любил, просто продолжало бы гореть и не сделало бы никакого движения, чтобы помочь мне . . . . Что касается моря, оно предлагает нам соленую воду, которую мы не можем пить. Деревьям нет до нас никакого дела; холм, который я так часто посещал в былые дни, не скучал по мне ... Во всей природе нет ничего человеческого. Вся природа, вся вселенная, которую мы можем видеть, абсолютно безразлична нам, и, кроме нас, человеческая жизнь представляет не большую ценность, чем трава".

Итак, к чему на самом деле сводится обвинение, изложенное таким образом? Нет никакого намека на то, что природа враждебна, как некоторые (возможно, включая Хаксли) хотели бы

заставить нас думать. Просто возникает ощущение, что природа далека от человеческих способов восприятия, безразлична к человеческим интересам. И было бы ребячеством оспаривать правильность этого впечатления, пока принимается точка зрения отдельного человека. Отдельный человек является центром самосознания в особом смысле. У него бесчисленные и нескончаемые особые желания, надежды, страхи, удовольствия, боли. Принимая во внимание, что инфрачеловеческие объекты в природе не достигли его особого режима сознания: их сознание отличается от его по степени, возможно, по виду. Дерево, облако, гора, волна — все это не может вступать в то, что мы называем "личными" отношениями друг с другом или с человеческими существами. Но это не значит, что они могут не обладать сознанием, которое, хотя и отличается от сознания человека, все же сродни ему и связано с ним. Более того, опыт природного мистика, так же как и спекуляции метафизика, заявляют, что соединение должно рассматриваться как факт. И когда мы более внимательно изучим то, что говорит Джеффрис, мы обнаружим, что он никоим образом не оспаривает этот факт. Как это могло быть, с его живым чувством сопричастности к формам бытия, еще более далеким от человека, чем морские чудовища, которых он называет? Что угнетало его, так это чувство странности. Другими словами, природа была для него "далекой", потому что он чувствовал, что недостаточно хорошо ее понимает.

Дальнейшее обсуждение поднятых таким образом важных вопросов будет отложено до тех пор, пока не будут рассмотрены определенные формы современного анимизма. Одно или два предварительных замечания, однако, будут сделаны на этом более раннем этапе. Мудро, например, не забывать об ограниченности наших знаний. Банальность! Да, но такой, который даже величайшие мыслители склонны упускать из виду, с вытекающей отсюда тенденцией к поспешным обобщениям и неоправданному пренебрежению глубоко укоренившимися инстинктами и интуицией. Открытие какого-нибудь нового космического закона может изменить весь облик природы и по-новому осветить ее кажущуюся отдаленность или безразличие. Опять же, как только что было показано, явления природы находятся в определенном отношении к человеческому разуму. Они понятны — следовательно, не чужды. С их помощью мы можем организовать наше поведение и даже наши идеалы — следовательно, они являются факторами нашей самореализации. Таким образом, за их кажущимся безразличием даже сейчас можно проследить их благотворное влияние на эволюционный процесс. И поскольку они воплощают разум, красоту и добродетель, мы можем позволить себе терпеливо ожидать решения многих беспокоящих нас проблем и доверчиво отдаться спокойным, неутомимым силам, которые ткут паутину космических судеб.

Прекрасный пример доверчивого отношения можно найти в статье лорда Данрейвена, описывающей его жизнь в лесах Нью-Брансуика: "Земля спит. Тишина, которую можно почувствовать, опустилась на лес. Звезды начинают меркнуть. Более мягкий и сильный свет проникает внутрь и заливают сцену, когда широкая луна медленно плывет над верхушками деревьев . . . . Стволы деревьев отчетливо выделяются в сгущающемся сумраке; темные сосновые ветви над головой, кажется, ласково склоняются к вам. Среди ужасающей тишины человек не боится. Окруженный ужасающим величием, он не сжимается и не приходит в ужас. В сцене полного одиночества он чувствует, что не одинок. Чувство товарищества, чувство удовлетворения охватывает его. Он чувствует себя единым целым с Природой, покоящимся в ее сильных защищающих объятиях".

Таким образом, нет необходимости бояться обвинения в антропоморфизме, если только наши представления о природе не отстают от нашего ясного знания ее форм и сил. Человек, будучи тем, кто он есть, конечно, вынужден думать как человек и говорить как человек; он не может спрыгнуть со своей собственной тени. Но поскольку он сам является неотъемлемой частью космоса, его мышление и речь находятся *внутри*, а не вне материального космоса. Он настолько совершенен внутри, что знание о самом себе приходит к нему только тогда, когда он видит свое отражение в большем целом. И таким образом, при условии, что мы верны высшим принципам, которых достигли, мы будем в большей безопасности, если будем смотреть на природу по аналогии с человеческой деятельностью в нашем сознании, чем когда будем считать ее течение чуждым и безразличным. Другими словами, Природа - это не просто зоолова арфа, которая воспроизводит звуки, издаваемые человеческой душой, — хотя и этого было бы немало! — но незаменимый фактор в их создании. Это действие взаимно просто потому, что человек и его внешний мир взаимопроникают во всех точках и органично объединены в общей жизни.

ГЛАВА IX

ИММАНЕНТНАЯ ИДЕЯ

Во многом это является прямым ответом на грозную атаку на позицию природного мистика. Обращаясь к более конструктивной работе, которая даст множество косвенных ответов, необходимо будет совершить еще одно краткое, но волнующее погружение в метафизику.

Мы обнаружили, что внешние объекты каким-то образом, через ощущения, проникают в разум и становятся частью его владений в форме опыта. Интуиция различных степеней лежит в основе всего умственного развития. Рефлексивная мысль работает с полученным таким образом материалом и вплетает определенные его части в структуру систематизированного знания. Большая часть этого, однако, никогда не всплывает в ясном сознании — это скорее ощущается, чем познается, иногда даже не ощущается, хотя это влияет на ум, влияет на его настроение или тонус и в значительной степени формирует его характер и продукты его более сознательных

процессов. Таким образом, интуиция имплицитно содержит то, что рефлексия и разум стремятся сделать эксплицитным.

Следует помнить, что в первой главе широко принятой метафизической теорией было то, что можно назвать Идеальным реализмом. Отличительное учение состоит в том, что в то время как материализм не останавливается на внешних объектах, которые могут сопротивляться, и в то время как субъективный идеализм не останавливается на воспринимающем разуме, идеал-реализм утверждает реальность объектов и воспринимающего разума одинаково, но рассматривает их как взаимозависимые и слитые в деятельности сознания. Можно ли привести в полезную связь только что подведенные итоги и принятую метафизическую теорию?

Да, если человеческий разум и внешний мир сделаны из одного и того же материала - если разум невидимой природы, а природа видимого разума. Ибо материализм не может преодолеть пропасть между материей и сознанием; Субъективный идеализм никогда не сможет выйти в реальный мир. Но если природа и разум действительно сродни, как утверждает мистик природы, то нет пропасти, которую нужно преодолеть, нет разума, обреченного на безнадежную изоляцию. Тогда природа рассматривается как проявление тех же ментальных факторов, которые мы обнаруживаем, когда анализируем наш внутренний опыт, а именно сознания, чувств, воли и разума. Общение природного мистика с внешним миром занимает свое место как действенный способ осознания сущностного тождества всех форм существования и всей космической деятельности. Наука — это еще один такой действенный способ, искусство - еще один, философия - еще одна, религия - еще одна - ни один из них в конечном счете не антагонистичен, но взаимно дополняет друг друга. Некоторые мистики скажут, что единение человека с природой на самом деле в любой момент может быть полным, но должно быть вынесено на свет сознательного опыта. Другие мистики, придерживающиеся дуалистических, плюралистических или прагматических взглядов, будут утверждать, что союз может принимать все новые формы и развивать все новые возможности. Но такие различия второстепенны и не могут заслонить фундаментальную доктрину, с которой должны быть согласны все последовательные сторонники естествознания, а именно, что человек и природа, по сути, являются проявлениями одной и той же Реальности.

Очень важно отметить, что на самом заре рефлексивного мышления убеждение в сущностном тождестве всего существующего овладело умами отцов западной философии и доминировало в их рассуждениях. Учение этих смелых пионеров неизбежно было окрашено и ограничено их социальным окружением; но оно также было настолько пронизано вспышками интуиции и острыми рассуждениями, что предвосхитило многие из последних достижений современных исследований. Изучением его основных особенностей мы займемся позже, когда мы разберемся с некоторыми из наиболее поразительных явлений природы. Здесь подчеркивается простой факт, что самым ранним усилием человеческой рефлексивной мысли было открытие *Welt-stoff*— субстанции, лежащей в основе всех способов и форм существования, и что человек рассматривался как неотъемлемая и органическая часть целого.

Греческая философия, начавшаяся с этих грубых, но блестящих рассуждений, достигла удивительного разнообразия и тонкости, когда Платон, движимый тем же желанием постичь Основу вещей, представил свое учение об идеях. Он считал, что тела сами по себе не являются истинной реальностью; они являются проявлениями чего-то другого. Реальность для него - это система реальных мыслей, которые он называет Идеями, а мир объектов обретает свою

реальность, участвуя в них или копируя их. Чувства при таких условиях привязываются к копиям, тогда как ум, мыслящий общими идеями, постигает истинную реальность. Эти идеи следует рассматривать не как простые продукты ума, а как реальные существования, которые, проявляясь в условиях времени и пространства, множатся в бесчисленных объектах. На самом деле, они настолько реальны, что без них вообще не было бы никаких объектов.

Шопенгауэр принял это учение об Идеях и привел его в связь со своей характерной теорией Воли как конечной Основы. Идеи для него представляют собой определенные формы существования, проявляющиеся в отдельных вещах и существах. Таким образом, сказал он, существуют Идеи о простых элементарных силах природы, таких как гравитация и непроницаемость; существуют Идеи о различных формах индивидуальных вещей; и есть Идеи о различных видах органических существ, включая человека. Он последовал за Платоном, отказав отдельным объектам в какой-либо истинной реальности и отделив Идею от ее чувственной формы. "Итак, под Идеей, - пишет он, - я понимаю каждую определенную и фиксированную степень объективации воли, поскольку она является вещью в себе и, следовательно, не имеет множественности. Эти степени относятся к индивидуальным вещам как к их вечным формам или прототипам". Следовательно, мир, известный нашим чувствам, не может быть ничем иным, как простой феноменальной видимостью.

Очевидно, что признание в материальных объектах фактора, или элемента, который сродни высшей деятельности человеческого разума, является огромным шагом в направлении мистицизма Природы. Но, как уже говорилось, излагая точку зрения, известную как Идеальный реализм, мистик природы не может довольствоваться остановкой на этом. Шопенгауэр, в сущности, не был последователен в том, чтобы останавливаться на этом. Если бы он был верен своей концепции Воли как Основы всякого существования, он не смог бы отрицать некоторую степень реальности объектов самих по себе. Это конкретное дерево, этот конкретный стол, это конкретное облако — что они такое, каждое в своем индивидуальном качестве, как не объективации воли? — Следовательно, реальны! Каждый отдельный объект *уникален*, и занимает свое место в совокупности объектов — каждый связан со всеми остальными особыми способами и степенями — каждый проявляет особый тип поведения в особой среде. Зачем же тогда отказывать каждой отдельной вещи в ее собственном качестве и степени реальности?

Таким образом, каждому объекту присуща идея; но она слита с чувственной формой и предстает сознательной человеческой мысли как объективное проявление Реального. Существует органическое взаимопроникновение чувственного и духовного; и именно благодаря этому взаимопроникновению человеческий разум может выйти во внешний мир и найти себя там. Как хорошо выразился Эмерсон — "Природа - это воплощение мысли, и она снова превращается в мысль, как лед становится водой и газом. Мир - это осажденный разум, и изменчивая сущность вечно снова ускользает в состояние свободной мысли. Отсюда сила и острота воздействия на разум природных объектов, будь то неорганические или организованные".

Мистик природы не лишен авторитетной поддержки, даже со стороны идеалистов, в своем требовании, чтобы отдельным объектам была предоставлена некоторая степень реальности. Спиноза, например, допускает, что каждая отдельная вещь является подлинной частью общей Идеи. Гегель также наделяет отдельные вещи определенной "самореференцией", которая делает их реальными существами. Мистик природы, следовательно, может с радостью

утверждать, что даже самое преходящее явление не только "участвует" в имманентной Идее, но и воплощает ее, придает ей конкретную форму и место. Таким образом, он обосновывает свое утверждение о том, что общение с природой есть общение с Основой вещей.

ГЛАВА X

АНИМИЗМ, ДРЕВНИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ

После этой метафизической ванны мы возвращаемся бодрыми в мир конкретного опыта, одинаково дорогой как мыслителю со здравым смыслом, так и современному исследователю. Указывают ли вообще факты жизни, как они обычно представлены или как систематизированы в процессе рефлексии, в направлении доктрины имманентных идей? Будет видно, что этот вопрос допускает утвердительный ответ. Но термин "идея" следует понимать как охватывающий психическое существование во всей его полноте, то есть чувство и волю, а также разум. Сухие кости разума должны быть облечены плотью и кровью. Взываем к реальному опыту. Пусть Уолт Уитмен поделится с нами своим. "Несомненно, наступает время, когда человек всем своим существом, особенно эмоциональной частью, ощущает тождество между собой субъективно и Природой объективно, на которое так любят настаивать Шеллинг и Фихте. Как это происходит, я не знаю, но я часто ощущаю здесь чье—то присутствие - в ясном настроении я уверен в этом, и ни химия, ни рассуждения, ни эстетика не дадут ни малейшего объяснения".

Уолт Уитмен упоминает Фехнера. Вот мастерское изложение Джеймсом общей точки зрения Фехнера на этот счет. "Первородный грех, согласно Фехнеру, как нашего популярного, так и нашего научного мышления, заключается в нашей закоренелой привычке рассматривать духовное не как правило, а как исключение среди природы. Вместо того чтобы верить, что наша жизнь вскармливается грудью высшей жизни, что наша индивидуальность поддерживается высшей индивидуальностью, которая обязательно должна обладать большим сознанием и большей независимостью, чем все, что она порождает, мы обычно относимся ко всему, что лежит за пределами нашей жизни, только как к шлаку и пеплу жизни; или, если мы верим в Божественный Дух, мы представляем его, с одной стороны, бестелесным, а природу - бездушной, с другой. Какое утешение или покой, спрашивает Фехнер, может исходить от такой доктрины? Цветы увядают от его дыхания, звезды превращаются в камень; наше собственное тело становится недостойным нашего духа и превращается в жилище только для плотских

чувств. "Книга природы" превращается в том по механике, в котором все, что имеет жизнь, рассматривается как своего рода аномалия; огромная пропасть, разделяющая нас со всем, что выше нас, и Бог становится гнездом тонких абстракций".

Достаточно хорошо известно, что первобытный человек не придерживался таких "тонких" взглядов на природу. Он интерпретировал события и перемены вокруг себя по аналогии с человеческой деятельностью; он смотрел на них как на проявления живой воли. И действительно, как он мог поступить иначе? Ибо пока что он не знал другого способа деятельности, кроме своей собственной. Сначала были выделены те объекты и события, которые представляли наибольший практический интерес или которые наиболее отчетливо привлекали внимание. Хищный зверь, угрожавший его жизни, шумный ручей, ревущие волны, шепот и потрескивание в лесу — все свидетельствовало о наличии жизни и воли. То же самое с горами, лавинами, солнцем, луной, звездами, облаками, пещерами, огнем, светом, тьмой, жизнью, смертью. То же самое особенно относится к буре, которая проносится по земле, к грому, который сотрясает твердую землю, и к молнии, которая сверкает от одного края небес до другого. Таковы были явления, над которыми работал его интеллект и в которых он обнаружил всевозможные полезные или вредные причинно-следственные связи. Таковы были явления, которые вызывали в нем эмоции благоговения и ужаса, радости и восторга. Всем им он приписывал ментальную жизнь, подобную его собственной. Действительно, только с помощью такого взгляда он мог вообще понять их или установить с ними живую связь.

Начиная с этих примитивных времен, каждое столетие в истории цивилизации приносило более широкий кругозор. Но первоначальная тенденция к анимизму сохранялась и сохраняется до сих пор. За ней стоит неугасающий импульс. Она проявляет свою жизнеспособность не только среди необразованных масс, но и в самых избранных рядах ученых и философов. И поэтому не будет преувеличением сказать, что идея универсальной жизни в природе сегодня так же прочно укоренилась, как это было на заре интеллектуального развития человека. Форма, в которой была представлена эта идея, менялась с течением времени. Мифология пришла на смену анимизму и, в свою очередь, уступила место многим любопытным и исчезнувшим теориям: политеистическим, гностическим, пантеистическим и остальным. Сейчас вера в особые существа, стоящие за природными явлениями, практически исчезла. Не так обстоит дело с верой в какую-то форму универсальной жизни или сознания, репрезентативные типы которой будут даны непосредственно.

О стойкости ментальной установки современного ребенка Рескин приводит очаровательный пример в своей "Этике праха". "Однажды утром, после ухода Алисы, Дотти была очень грустной и беспокойной, когда встала; и ходила, заглядывая во все углы, как будто могла найти там Алису, и, наконец, она подошла ко мне и спросила: "Эли улетела за великое море?" И я сказал: "Да, она уплыла в великое глубокое море, но когда-нибудь она вернется". Тогда Дотти оглядела комнату; а я как раз налил немного воды в таз; и Дотти подбежала к нему, и вскочила на стул, и опустила руку в воду, снова и снова; и закричала: "О, глубокое, глубокое море! Пришлите маленькую Алису обратно ко мне". По этому поводу Рескин замечает — "В этом вся суть греческой мифологии; идея личного существа в силе стихии; о том, что им движет молитва; и о его присутствии повсюду, делающем прерывистое распространение стихии священным". Казалось бы, Дотти определенно не олицетворяла стихию, анаходилась скорее на анимистической стадии. Отождествление природного элемента или объекта с определенной личностью является дальнейшим шагом, предпринятым, как говорит Рескин, преимущественно греками.

Но красота и наводящее на размышления качество инцидента остаются, какой бы точки зрения ни придерживались.

Еще более наводящий на размышления пример можно найти в описании Вордсвортом своего мальчишеского ночного приключения на озере Эстуэйт. Ибо это показывает внутреннюю работу ума, впечатленного особо поразительными природными объектами и смутно осознаваемыми силами, которые они смутно проявляют.

Я погрузил весла в тихое озеро,
И, когда я поднялся на гребок, моя лодка
Обыкновение плыть по водам, как лебедь;—
Когда из-за этого скалистого обрыва до сих пор
виднеется граница горизонта, огромная вершина, черная и громадная,
Как будто подчиняющаяся инстинкту добровольной силы
Подняло голову. Я бил и бил снова;
И, все увеличиваясь в росте, мрачная фигура
Возвышался между мной и звездами, и все еще,
Поскольку так казалось, со своей собственной целью,
размеренными движениями, как живое существо,
Шагал за мной. С дрожащим веслом я повернулся,
И по безмолвным водам проложил свой путь
Вернулся в укрытие ивы;
Там, у ее причала, я оставил свою кору,
И через луга направился домой в серьезном
настроении. Но после того, как я увидел
Это зрелище, в течение многих дней мой мозг
Работал со смутным и неопределенным ощущением
неизвестных способов существования".

Здесь нам открылась душа анимизма, будь то древнего или современного!

Древний анимизм был грубым и некритичным. По мере того, как люди учились размышлять над своим опытом, он неизбежно видоизменялся и подчинялся реакционным влияниям. Так было в самом начале философских и научных изысканий — и так было также на заре "современной" эры. Говоря в целом, можно сказать, что по мере расширения знаний о естественном праве идея ментальной деятельности во внешней природе была вытеснена. Механические взгляды на вселенную постепенно возобладали и достигли своего апогея в утверждении Декарта, что даже животные являются автоматами!

"Скоротечная кульминация" — ибо худшее было впереди. Сам человек должен был попасть под безжалостное влияние физики, интерпретируемой математикой. Идея *Homme Machine* нашла стойких сторонников и приобрела множество приверженцев. Казалось, что все формы анимизма были побеждены раз и навсегда. Мистик природы казался праздным мечтателем или введенным в заблуждение простаком. И поток таких преувеличений еще не закончился. На страницах "Девятнадцатого века" Хаксли мог бы всерьез выдвинуть в качестве тезиса для обсуждения вопрос — "Являются ли животные автоматами?" А книги с такими названиями, как "Человек-машина", до сих пор имеют значительный тираж.

Но точно так же, как критика подрывала незрелость и преувеличения старого анимизма, она подрывает и более опасное высокомерие преувеличенного и бездушного материализма. Спекуляция сейчас возвращается к критическому анимизму и, обогащенная всем, что могла дать физическая наука, открывает новые мировоззрения, представляющие трансцендентный интерес. Мистик природы снова вступает в свои права. Он должен быть в курсе мыслей и открытий и таким образом избегать той тенденции к преувеличению и даже фанатизму, которая в прошлом так сильно вредила делу мистицизма в целом.

Анимистическая теория сейчас выдвигается таким образом. Почему бы всем передачам энергии, будь то в живых или неживых телах, не сопровождаться "чем-то", сродни ментальной жизни человека? Аргументы в пользу такой точки зрения многочисленны, многогранны и суммируются. Гипотеза эволюции придает им остроту и набирающую силу. Люди чувствуют, что за космическим процессом должна стоять творческая сила, оживляющий импульс. Борьба наверх должна что-то значить. Механизм — это всего лишь способ работы, его основой является душа, или дух.

Таким образом, наступает новый день для здраво критического анимизма. Понятно, что формулировать "законы", в соответствии с которыми происходят определенные способы развития событий, — значит не проникать в суть вещей, а оставаться на поверхности. Механизм ничего не объясняет и оставляет нас действительно бедными! Принимая во внимание, что вселенная является величественным проявлением Становления — истинного развития жизни.

Грань между органическим и неорганическим все больше и больше стирается из сознания исследователей. Протоплазма, например, смешивает механическое, химическое и жизненное в единое целое, проанализировать которое человеку не под силу. Аналогичным образом обнаруживается, что связь между телом и душой бросает вызов старым различиям между материей и разумом. Очевидно, что вселенская жизнь пульсирует во всем; подлинные импульсы, а не механические стрессы и напряжения, являются причинами стремления вверх, к более полному сознанию и более богатой сложности опыта. Старая концепция мировой души обретает новую жизнь и придает науке человеческий интерес и мистический блеск, которых ей так катастрофически не хватает.

ГЛАВА XI

ВОЛЯ И СОЗНАНИЕ В ПРИРОДЕ

Идея о том, что неорганическая природа не просто опирается на разум, но также обладает волей и сознанием, покажется многим серьезным исследователям причудливой. Существует огромное количество первоначальных предубеждений, которые еще предстоит преодолеть, прежде чем удастся обеспечить справедливое общее слушание. Поэтому было бы целесообразно рассмотреть учения некоторых современных мыслителей, пользующихся признанным авторитетом, которые поддерживали и открыто защищали эту причудливую идею. И в целях обеспечения дальнейшего доверия, *ipsissima verba* этих органов власти будут свободно цитироваться там, где могут возникнуть опасения недопонимания или введения в заблуждение. Обзор будет ограничен современными мыслителями, потому что взгляды древних на этот счет, хотя и часто вызывают большой интерес, не будут иметь веса в вопросе, который в значительной степени зависит от недавних исследований и спекуляций.

Лейбниц оказал глубокое влияние на ход того, что мы можем назвать "анимистической" мыслью, своим учением о монадах. В то время как Декарт определял субстанцию как протяженность, Лейбниц понимал ее как активность, или активную силу, разделенную на бесконечное количество и разнообразие индивидуальных центров, каждый со своей собственной силой или жизнью, и, до определенного момента, каждый со своим собственным сознанием. Таким образом, все существа по сути схожи, но различаются по уровням сознания, которых они достигают. Но поскольку сознание зависит от организации, а организация постоянно развивается, происходит непрерывный прогресс. Каждая индивидуальная монада развивается изнутри благодаря духовному элементу, которым она обладает, то есть не механически, а на основе внутреннего принципа, подразумевающего ощущение и желание. Эти монады, если смотреть на них извне, группируются вместе в различные протяженные объекты. Если мы спросим Лейбница, как такие внутренне развивающиеся центры объединяются во вселенную, он ответит, что Бог так распорядился вещами, что каждая монада развивается в определенной связи со всеми остальными; все они отсчитывают время, подобно часам с разным механизмом, пружинами, маятниками, но отрегулированным таким образом, чтобы отмечать одновременно каждый период времени по мере его прохождения. Это знаменитая теория предустановленной гармонии.

Эта доктрина предоставляет природному мистiku все, в чем он нуждается, но искусственным способом, который не несет в себе убедительности. Вселенная разделена на изолированные единицы, которые не имеют реальной связи друг с другом, кроме как через идеи в разуме Бога. Общение с природой, однако, должно быть более непосредственным и более органичным, чем то, которое осуществляется посредством заранее установленной гармонии. Возможно ли сохранить сильные стороны теории, обеспечивая при этом органичное взаимопроникновение всех способов существования? Лотце, например, считал это возможным. Вот интересный и типичный отрывок из его "Философии религии". "Если однажды будет признано возможным, что единый высший разум может оказывать влияние на взаимные отношения элементов мира, то подобный разум также можно представить как непосредственно действующий во всех этих отдельных элементах; и вместо того, чтобы представлять их контролируемыми просто слепо действующими силами, их можно представить как одушевленных духовных существ, которые стремятся к определенным состояниям и оказывают сопротивление определенным другим состояниям. В таком случае можно представить постепенное возникновение все более

совершенных отношений из взаимного действия этих элементов, почти подобных взаимному действию человеческого общества; и это тоже без необходимости приводить к предположению, к которому мы здесь склонны, о едином, высшем, разумном Существо. Наши рассуждения основаны скорее на своего рода политеистической или пантеистической концепции, и это тоже вполне сносно согласуется с опытом".

Лотце, таким образом, считает монады органически связанными и, таким образом, объединенными в один мир. Сам он склонен рассматривать их как зависящие от одного высшего Существа. Но следует тщательно подметить, что он не отрицает плюралистическую гипотезу как немыслимую или неосуществимую. Действительно, чуть позже в том же контексте он допускает, что "множество существ, которые разделяют друг с другом участие в создании мира и управлении им", больше согласуется с непосредственными впечатлениями опыта, чем "поспешное принятие единой высшей мудрости, источником которой являются несовершенства мира, которые на самом деле проявляются для нас, но которые гораздо труднее постичь". Таким образом, Лотце можно назвать сторонником утверждения (выдвинутого в предыдущей главе) о том, что плюралист может быть подлинным мистиком. Взаимопроникновение и сотрудничество могут заменить метафизическое единство, к которому стремятся абсолютисты. Но главное здесь в том, что Лотце рассматривает вселенную как органически и духовно связанную во всех ее частях. Все это связано общей жизнью.

Монадистского характера также носят две тесно связанные точки зрения, известные как теория Пыли Разума и теория Вещества разума. Первый постулирует частицы или атомы разума, отличные от материальных атомов, но, подобно им, пронизывающие всю природу и, при определенных условиях, объединяющиеся для формирования сознательного разума. Последнее, таким образом, не разделяет разум и материю, но предполагает, что первичные единицы вещества разума суммируются вместе и порождают более высокие и сложные состояния разума, а сами составляют то, что представляется нам материей. Джеймс в своей книге "Большая психология" резко критиковал этот "психический монадизм", а в своих Оксфордских лекциях о "Плюралистической Вселенной" существенно видоизменил свою критику. Нет необходимости вдаваться в дальнейшие подробности, но следует осознать тот факт, что такие современные ученые, как Клиффорд, склонны видеть в мире, в каждой точке, проявление определенного уровня сознания, а следовательно, и родства. Известный французский философ Ренувье также возродил монадистическую теорию в форме, более близкой к форме Лейбница.

Обсуждение достоинств и недостатков этих различных взглядов сейчас не подлежит сомнению, речь идет лишь об их ценности как свидетельства тенденции к критическому анимизму. Неадекватность механистического взгляда стала очевидной даже для такого математика, как Клиффорд!

Мы обращаемся к совершенно иной форме спекуляции, но в равной степени благоприятной для основного утверждения мистика природы - Шопенгауэра, философа, система которого с годами привлекает все более пристальное внимание. Некоторые из его взглядов были бегло упомянуты в том, что предшествовало, и найдут дальнейшее упоминание в том, что последует далее. Но здесь цель состоит в том, чтобы сосредоточить внимание на его фундаментальной доктрине о том, что основой всего сущего является Воля. Его аргументация при приходе к этому выводу кратко излагается следующим образом. Природа вещей-в-себе оставалась бы для нас вечной

тайной, если бы мы не были способны приблизиться к ней не через знание внешних явлений, а через внутренний опыт. Каждое познающее существо является частью природы, и именно в его собственном самосознании для него открыта дверь, через которую он может приблизиться к природе. То, что наиболее непосредственно познается в нем самом, - это воля; и в этой воле можно найти *Мировоззрение*. Пусть Шопенгауэр говорит сам за себя. "Тот, говорю я, кто вместе со мной обрел это убеждение ... распознает эту волю, о которой мы говорим, не только в тех феноменальных явлениях, которые в точности напоминают его собственное, в людях и животных, как их сокровенную природу, но ход размышлений приведет его к распознаванию силы, которая прорастает и прозябает в растении, и, действительно, силы, с помощью которой образуется кристалл, силы, с помощью которой магнит поворачивается к Северному полюсу, силы, шок от которой он испытывает при соприкосновении двух различных видов металла, силы, которая проявляется в избирательном сродстве материи как отталкивание и притяжение, разложение и соединение и, наконец, даже гравитация, которая так мощно действует во всей материи, притягивая камень к земле, а землю к солнцу, — все это, я говорю, он распознает как различное только в их феноменальном существовании, но по своей внутренней природе как идентичное, как то, что непосредственно известно ему так глубоко и намного лучше, чем что-либо другое, и что в своем наиболее отчетливом проявлении называется волей".

Здесь мы снова имеем прочную основу для веры и опыта мистика природы. Все формы и способы существования схожи и различаются только своими феноменальными условиями. Не придавал ли Шопенгауэр слишком исключительного значения воле; не выбирал ли он без необходимости низшие типы воли в качестве примитивных — эти вопросы следует обсудить в другом месте. Достаточно того, что в этой теории мы имеем определенный возврат к критическому анимизму. Он считает, что вселенная повсюду состоит из одного и того же "материала", и этот материал является психическим или духовным. Тело и душа, материя и дух - это всего лишь разные аспекты одной и той же основополагающей Реальности.

Тем не менее, один вопрос не дает покоя мистiku природы. Осознает ли воля свою деятельность? Основная воля Шопенгауэра - это слепо вздымающееся желание. Если его утверждение будет удовлетворено, мистицизм Природы лишится своего истинного величия. Общение с природой, хотя оно и основывается на пассивной интуиции, должно каким-то образом быть связано с сознанием, если мы хотим быть тем, что мы лучше всего знаем. Иными словами, самодеятельность природы должна быть аналогична нашей собственной во всем — аналогична, а не идентична. И такой вывод заслуживает похвалы такого осторожного и научного мыслителя, как Стаут, который в своем "Руководстве по психологии" пишет следующее: "Индивидуальное сознание, каким мы его знаем, следует рассматривать как часть более широкого целого, которым определяется его происхождение и изменения. Поскольку мозг образует лишь фрагментарную часть общей системы природных явлений, мы должны предположить, что поток индивидуального сознания точно так же является частью нематериальной системы. Далее мы должны предположить, что эта нематериальная система в своей совокупности связана с нервными процессами, происходящими в коре головного мозга".

Точно так же Джеймс в своей книге "Разновидности религиозного опыта" заявляет, что "наше нормальное бодрствующее сознание, рациональное сознание, как мы его называем, - это всего лишь один особый тип сознания; в то время как повсюду вокруг него, отделенные от него тончайшим экраном, лежат потенциальные формы сознания, совершенно разные. Мы можем идти по жизни, не подозревая об их существовании; но применяем необходимый стимул, и при

малейшем прикосновении они проявляются во всей своей полноте, с определенными типами менталитета и адаптации. Ни одно описание вселенной во всей ее полноте не может быть окончательным, если не учитывать эти другие формы сознания".

Мыслитель совершенно иного типа, Ройс в своей книге "Мир и индивид" соглашается с этой идеей более широкого, универсального сознания. "Мы не имеем никакого права говорить о действительно бессознательной Природе, но только о некоммуникабельной Природе, или о Природе, психические процессы которой протекают с такой скоростью, отличной от нашей, что мы не можем приспособиться к живому восприятию их внутренней беглости, хотя наше сознание действительно дает нам знать об их присутствии . . . . Таким образом, природа - это обширный сознательный процесс, отношение которого ко времени сильно различается, но общие характеристики которого во всем одинаковы. С этой точки зрения эволюция была бы серией процессов, предполагающих для нас различные степени и типы сознательных процессов. Процессы, происходящие в случае с так называемой неорганической материей, очень далеки от нас, в то время как в случае с процессами наших собратьев мы понимаем их лучше ". Он снова называет Природу "обширным царством конечного сознания, частью и примером которого является ваше собственное".

Мыслитель еще одного типа, Паульсен, чье влияние в Германии было столь заметно и о смерти которого мы так недавно оплакивали, всем сердцем сочувствовал взглядам Фехнера. О том, как Джеймс также сочувствовал им, мы видели в начале предыдущей главы. Паульсен, по его собственному признанию, пишет так: "Существует ли высшая, более всеобъемлющая психическая жизнь, чем та, которую мы переживаем, точно так же, как существует низшая? Наше тело охватывает клетки как элементарные организмы. Мы предполагаем, что таким же образом наша психическая жизнь охватывает внутреннюю жизнь элементарных форм, включая в себя их сознательные и бессознательные элементы. Наше тело снова само по себе является частью высшего единства, членом общей жизни нашей планеты, и вместе с последней, сочленено с более всеобъемлющей космической системой и, в конечном счете, сочленено со Всем. Сочленяется ли наша психическая жизнь с высшим единством, с более всеобъемлющей системой сознания? Являются ли отдельные небесные тела, для начала, носителями единой внутренней жизни? Являются ли звезды, является ли земля одушевленным существом? Поэты говорят о духе земли; это больше, чем поэтическая метафора? Греческие философы, среди них Платон и Аристотель, говорили об астральных духах; неужели это нечто большее, чем последнее отражение детской фантазии?"

И таким образом мы достигли полноты позиции природного мистика. Разум, воля, чувство, сознание - под нами и над нами. Как выразился известный ботаник Нагели, "человеческий разум - это не что иное, как высшее развитие на нашей земле ментальных процессов, которые повсеместно оживляют и движут природу". К этому мировоззрению дитя природы и философ возвращаются снова и снова. Бездна вызывает к бездне. Преувеличенные и бесчеловечные притязания чисто физических и механических концепций могут на какое-то время заслонить интуицию своей кажущейся ясностью, но чувства и более широкое сознание в человеке заявляют о себе. Небесные звезды больше не вращаются как массы простых физических атомов в мертвой вселенной, они сияют сами по себе, как члены живого целого. Вордсворт говорит о формах жизни под нами, когда восклицает:

"И я верю, что каждый цветок
Наслаждается воздухом, которым дышит".

Эмерсон говорит от имени царства неорганического, когда уверяет, что:

"Само солнце светит от всего сердца
И разделяет радость, которую оно приносит".

Ощущается, что огромный мир вокруг нас пульсирует внутренней жизнью и значением. Мы воспринимаем его не только как реальный, не только как разумно обоснованный, но и как разумный. Старые рассуждения Эмпедокла о том, что любовь и ненависть являются движущими силами всего сущего, предстают в новом свете. И то чувство единства со своим физическим окружением, которое мистик-натуралист так часто испытывает и которым наслаждается, признается неизбежным результатом фактов существования. Гете прав:

"Ihr folget falsche Spur;
Denkt nicht, wir scherzon!
Ist nicht der Kern der Natur
Menschen im Herzen."

ГЛАВА XII

МИФОЛОГИЯ

Теперь материалы достаточно полны для понимания возникновения и развития анимизма. Нетренированный примитивный интеллект был взбудоражен смутными интуициями — стимулированными контактом с внешним миром, состоящим по существу из того же "материала", что и он сам, — и изо всех сил пытался найти конкретное выражение для своих переживаний. Основной идеей, вокруг которой группировалось все остальное, была идея о действии внутренних сил, подобных человеческим, но наделенных более широкой активностью и не стесненных многими человеческими ограничениями. Принятые формы выражения часто кажутся нам почти беспричинно абсурдными; но когда мы ставим себя настолько близко, насколько это возможно, к примитивной точке зрения, мы понимаем, что они даже не были нелогичными. Чудо заключается в том, что из бурлящего хаоса ощущений и эмоций может

возникнуть прочная структура даже простейших видов концептуального, упорядоченного знания.

Однако мало найдется критиков, которые сейчас не готовы проявить сочувствие к первобытному мыслителю; но все еще есть много тех, кто колеблется или отказывается признавать какую-либо ценность продуктам его мышления. Эти продукты слишком часто отвергаются как фантазии и болтовня эпох, в которые реальное знание еще не было практически достижимым. Такая оценка столь же несправедлива, сколь и нефилософична. Она игнорирует роль интуиции и слепа к зародышам истины, которым суждено было вызреть в благородный плод. Мать-Земля с воздухом, солнечным светом и звездным небом над головой питала мысли и души людей так же, как и их тела.

Существует нечто большее, чем аналогия между детством расы и детством отдельного человека. И точно так же, как ребенок временами погружает нас своими вопросами в глубочайшие проблемы, так и с неожиданными вспышками озарения, сохраненными для нас в записях, письменных или неписанных, о самых ранних проявлениях человеческого разума. "Душа человека, - говорит Кэрд, - даже в худшем своем проявлении является прекрасным инструментом, на котором мир может играть; и в превратностях судьбы она не может избежать того, чтобы время от времени не задевались ее высшие аккорды и из нее не извлекалась случайная нота совершенной музыки, как от блуждающей руки по струнам".

Примечательно, что, несмотря на огромные успехи, достигнутые цивилизованной мыслью, наши концепции и гипотезы, не исключая тех, которые считаются наиболее фундаментальными, постоянно видоизменяются. Насколько больше изменений произойдет в те эпохи, когда структурированные знания едва появились на свет. Но независимо от того, будут ли изменения медленными или быстрыми, действует одна и та же движущая причина — решимость человека найти более полное выражение своему интуитивному опыту. Анимизм развился в мифологию, мифология - в гномическую философию, и это снова стало дифференцироваться в науку, искусство, философию и теологию. На более ранних стадиях нестабильность человеческого воображения и концепций была калейдоскопической; но она не более определялась беспричинным непостоянством и капризом, чем ход современной мысли. Человеческий дух стремился тогда, как и сейчас, осознать миры, смутно переживаемые и смутно предполагаемые. Более несовершенное выражение постоянно уступало место менее несовершенному — низшее понятие постоянно уступало место высшему. И в основе всего великого движения вверх лежало ощущение как простейший вид интуиции — ощущение, являющееся в своих различных формах и проявлениях результатом общения человека с внешним миром, который по своей сути духовен, как и он сам.

Главной ошибкой анимизма была его неспособность проводить различия. Он имел тенденцию рассматривать природу как одинаково и полностью человеческую во всех ее частях. Она перевела свои интуитивные представления о родстве в термины недифференцированного сходства и тем самым запуталась в безнадежной путанице. Но постепенно упрямые факты существования произвели свое впечатление и заставили людей осознать, что жизнь на человеческом плане - это одно, и совсем другое на плане внешней природы. Попытка постичь более широкую истину, увиденную таким образом, увенчалась успехом лишь частично и породила удивительный мир мифологии. Его главной характеристикой было то, что воля, которая сначала считалась внутренней или идентичной объекту, была отделена от объекта и

обрела личное, или квазиличностное, существование. Другими словами, был признан нечеловеческий характер внешней природы, но в то же время был сохранен человеческий тип воли. Река, например, сначала рассматривалась как одушевленное существо; затем воля, которую она проявляет, была отделена от материальных явлений и путем персонификации превратилась в бога реки, который управляет этими явлениями. Так солнце дало начало зачатию Аполлона; и, благодаря двойному удалению, молния стала оружием в руке Зевса. Таким образом, к миру вещей человека был добавлен второй мир духовных существ, которые оживляли вещи и управляли ими. Перемена была важной, но она крепко держалась за первоначальную корневую идею природы как проявления духовных сил.

Крах мифологической системы был неизбежен, когда однажды спонтанная игра воображения уступила место самосознательной, систематизирующей рефлексии. Масса бессвязных и часто противоречивых мифов, в которых истинное так странно смешивалось с ложным, прекрасное с уродливым или отвратительным, рухнула почти под собственной тяжестью. Более твердые материалы, которые в нем содержались, сначала были преобразованы в аллегории, а затем выражены на языке науки и философии. Первоначальные интуиции, которые были отягощены унижительными суевериями и оупляющими церемониями, снова заявили о своей силе и постоянстве, хотя иногда под маскировкой, из-за которой их было трудно распознать.

И очень поучительно и захватывающе отметить, как запинаящаяся сознательная рефлексия ассимилировала богатый запас идей, которыми спонтанная интуиция овладела целыми веками ранее. Например, Анаксагор учил, что, поскольку мир представляет собой упорядоченное и целенаправленное целое, формирующая сила или посредник также должны быть целенаправленными. Следуя этому направлению мысли и руководствуясь аналогией с человеческой деятельностью, он объявил эту силу Ноусом, или разумом, или, еще лучше, "веществом разума". Этот вывод был справедливо признан чрезвычайно важным. И все же, когда мы его анализируем, на первый взгляд кажется трудным понять, в чем заключается его оригинальность. Ибо чему еще, кроме этого, учил древний анимизм, предшествовавший ему? И все же все, кто был способен судить, приветствовали это учение как нечто радикально новое. Это всколыхнуло далеко идущие течения в глубоком океане греческой философской мысли! Как мы можем объяснить очевидную аномалию? Дело в том, что здесь мы имеем типичный пример перехода от интуиции к рефлексивному мышлению. Существует сознательное понимание смутно ощущаемых побуждений — понимание, которое сделало возможным переход от мифологии к науке и философии. Выигрыш был огромен и принес обильные плоды; но нельзя допустить, чтобы он затмил достоинства или ценность примитивной интуиции, на которой он был основан.

Должно быть очевидно, что подобные примеры можно множить бесконечно, и некоторые из них будут приведены при более детальном рассмотрении типичных природных мифов. Именно из-за этих зародышевых истин, закрепленных в древних мифах, так много ушедших в прошлое способов мышления и самовыражения сохранились в новом порядке. Рескин, в подлинно мифологическом стиле, часто использовал термин "боги" и объясняет его значение так: "Под богами во множественном числе я подразумеваю совокупность духовных сил, делегированных Владыкой вселенной для исполнения на своих различных высотах или должностях частей Его воли, уважающих человека или мир, в котором человек заключен; не как я, знающий или с уверенностью верящий, что таковые существуют, но с кротостью принимающий свидетельство и веру всех эпох ... я, знающий как неоспоримый факт, что истинного счастья не существует, и

никакая добрая работа никогда не совершалась человеком ". существа, но в смысле или воображении таких присутствий".

Мистику природы не нужно стыдиться мифологии. При внимательном изучении она дает множество доказательств работы интуиции и мистического озарения. Это позволило множествам людей задолго до того, как наука и философия стали осознанными целями, проникнуть в некоторые из глубочайших истин существования и жить как члены обширной духовной иерархии, охватывающей землю и небеса.

ГЛАВА XIII

ПОЭЗИЯ И МИСТИЦИЗМ ПРИРОДЫ

Каким очарованием все еще обладают божества природы Греции и Рима! Какое большое место они по-прежнему занимают в поэзии, искусстве и культуре в целом! Временами некоторые из наших современников испытывают искушение с вполне реальной долей сожаления оглянуться назад, на золотой век мифологии, чувствуя, что по сравнению с ним настоящее часто печально скучно и убого. Великий сонет Вордсворта дает классическое выражение этому настроению и доводит до белого каления негодования:

"Великий боже! Я бы предпочел быть
Язычник, вскормленный изношенным вероучением, —
Так мог бы и я, стоя на этом приятном берегу,
Увидеть проблески, которые сделали бы меня менее несчастным;
Увидеть Протея, поднимающегося из моря;
Или услышать, как старый Тритон трубит в свой увитый венцом рог ".

Можно сказать, что поэт увлечен ощущением момента. Однако более спокойно, хотя и не менее решительно, это выражено в менее известном отрывке:

"О, подумать только, что это был за век для песен!
В ту эпоху, когда не по неодушевленным законам,
Как верили люди, воды приводились в движение,
воздух контролировался, звезды следовали своим курсом;

Но стихия и сфера *действий* выжидали

О Силах, наделенных инстинктом видимой формы,
волей и связанных с их работой страстью".

Очевидно, что мифология и поэзия природы тесно связаны, хотя между ними столетия: они дышат одним воздухом, хотя "устаревшие вероучения" уступили место более глубоким верованиям. И мы вынуждены спросить — уходит ли поэзия в свой черед? — поэзия, во всяком случае, старого, простого, непосредственного толка? Рефлексивный разум заявляет о себе: критические методы разрушают спонтанные творения воображения. Кольридж, в одном из своих настроений, почти убедил бы нас в этом. В своем "Пикколомини" Макс беседует с графией:

"Понятные формы древних поэтов,
справедливая гуманность старой религии,
сила, красота и величие,
Которые обитали в долине или на сосновой горе,
Или в лесу у медленного ручья или источника с галькой,
Или в пропастях и водных глубинах; все это исчезло;
Они больше не живут верой разума".

И все же Кольридж не допускал, что перспективы были совершенно печальными. Его молодой солдат продолжает:

"Но все же сердцу нужен язык, все еще
Неужели старый инстинкт возвращает старые имена?"
... и даже в этот день
именно Юпитер приносит все великое,
А Венера приносит все справедливое".

Нет, поэзия не умерла и никогда не умрет. Определенные стадии человеческого прогресса могут больше других способствовать его спонтанности — критическое осмысление может затуманить наивную и свежую прямоту опыта, — но за каждым природным явлением стоит имманентная идея, фаза космической воли и сознания, которую наука, логика и критический анализ никогда не смогут исчерпать. Интуиция имеет свои права так же, как и силлогизм, и всегда будет в конечном счете отстаивать их. В то время как наука сводит мир к механизму, поэзия интуитивно пытается выразить свою внутреннюю жизнь; и поскольку эта внутренняя жизнь неисчерпаема, поэзия бессмертна. Эмерсон ухватился за эту истину с характерной остротой восприятия, связанной с чувством.

"Ибо Природа бьет в совершенное время
И дополняет рифмой каждую свою руну,
Работает ли она на суше или на море,
Или прячет под землей свою алхимию.

Ты не можешь взмахнуть своим посохом в воздухе,
Или окунуть свое весло в озеро,
Но оно вырезает там красивый лук,
И рябь в рифму заставляет весло оставить.

Лес намного мудрее тебя;

Лес и волна знают друг друга

Не несвязанный, незатронутый,
Но с каждой мыслью и вещью связанный
, каждая частица совершенной Природы,
Уходящая корнями в могучее сердце".

И снова в своей "Оде красоте" он радуется тому, что

"Олимпийские барды, которые воспевали
Божественные Идеи внизу,
Которые всегда находят нас молодыми
И всегда сохраняют нас такими".

Слава Богу, мы еще не пришли к мысли, что высшая форма мудрости заключена в *sesquipedalia monstra* химических формулах, а тем более в крайних абстракциях математики. Не то чтобы такие формулы не обладали красотой и даже собственным мистицизмом; их вредность проистекает из исключительности их утверждений, когда они выдвигаются в качестве адекватного описания (иногда объяснения!) существования в целом и жизни в частности. Биологические формулы, основанные на математике, к которым, например, пришел Ле Данте, если рассматривать их по авторской оценке и последовательно применять, сделали бы самую возвышенную поэзию большей глупостью, чем детский лепет. Мистик природы может признавать или не признавать за ними относительную ценность, в зависимости от того, насколько он считает их достоверными или недействительными абстракциями от наблюдаемых фактов; но он знает, что наиболее достоверные из них чрезвычайно ограничены по своему охвату и поверхностны по своему значению: и для него остается постоянным удивлением, что любой тренированный интеллект может не осознавать их жалкой неадекватности ввиду всего богатого потока жизненного опыта.

Одно из главных достоинств подлинной поэзии о природе заключается в том, что она поддерживает нас в тесном и постоянном контакте с чувственным опытом и в то же время раскрывает внутреннюю жизнь и смысл природы. Это не просто цепочка метафор и символов, основанных на случайных ассоциациях идей, но выражение и интерпретация определенных ощущений и интуиции, которые являются результатом воздействия физического окружения человека на его глубочайшие и тончайшие способности. "Высокое искусство, - говорит Майерс, - основано на недоказуемой интуиции; и из всех искусств именно поэзия черпает самое яркое сияние интуиции и лучше всего освещает тайну вне нас из тайны внутри".

Но что еще более важно, поэзия по своей сути анимистична. Это производит свойственный ему эффект, создавая в уме чувственные образы, которые наилучшим образом стимулируют ум к постижению имманентной идеи, и представляет эти образы как инстинкт, наделенный жизнью и движением — иногда это заходит так далеко, что персонифицирует их. Именно это имел в виду Мэтью Арнольд, когда называл поэзию "простой, чувственной, страстной". У Кольриджа есть хорошая иллюстрация (цитируется Нисбетом). Он замечает, что строки:

"Взгляните на тот ряд сосен, которые были подстрижены и склонились
От морского порыва, видимый в канун сумерек" -

содержит мало стихов или вообще не содержит их, если они переставлены в виде предложения в книге по топографии или описанию тура. Но тот же самый образ, по его словам, приобретает подобие поэзии, если передать его таким образом:

"Вон тот ряд черных и призрачных сосен
Различил сумеречным взглядом! Посмотри, как они убегают
От свирепого морского ветра, и все их растрепанные волосы
Развеваются перед ними".

Разница между двумя представлениями состоит в том, что во втором из них присутствует намек на жизнь и движение, которого нет в первом. Но почему такое различное воздействие на ум? Нисбет отвечает — "зрительный и моторный центры вносят свой вклад в создание образа" — ответ, восхитительно типичный для модной психологии того времени, не обязательно неправильный сам по себе, но такой любопытно неполный! Нисбет считает, что человек сам по себе является машиной, и поэтому ему нелегко было бы продвинуться дальше, тем более что его собственный механизм, очевидно, не стал бы работать дальше. Мистик природы начинает с другого конца. Он считает, что даже неорганический мир — это нечто большее, чем механизм, что он полон жизни и смысла. Поэтому, когда жизнь и движение приписываются, казалось бы, инертным или неподвижным объектам, возникает ответный трепет, вызванный подсознательной игрой примитивной интуиции, основанной на фактах существования. Дух осознает более ярко, чем при обычном опыте, что он находится в контакте с духом.

Противопоставьте психологическому изречению гордое заявление, выдвинутое Эмерсоном.

"Боги говорят в дыхании лесов,
Они говорят в раскачивающихся соснах,
И наполняют простор старого морского берега
божественной мелодией.

И поэт, который подслушивает
Какое-то случайное слово, которое они произносят
Это обреченный человек из людей,
Которому должны повиноваться века".

Здесь представлены два утверждения — одно прямое, другое косвенное. Прямое утверждение заключается в том, что существуют провидцы и толкователи, которые могут уловить мистические слова, произносимые природой. Косвенным является то, что общая масса человечества обладает способностью делиться опытом своих поэтов-лидеров. Один класс в исключительной степени наделен восприимчивостью; другие также восприимчивы, но зависят от тех, кто может выразить интуицию, которая, хотя и в разной степени, является достоянием всего человечества в целом. Как выразился сэр Льюис Моррис:

"Все люди - поэты, если бы они могли только сказать
Смутные невыразимые изменения, которые производит на них вид
естественной красоты".

Он тоже признает посредническую функцию поэта.

"Мы немые,
Если не считать того, что из более утонченных душ иногда могут исходить

Раз в век слабые нечленораздельные звуки,
Низкие прерывистые интонации удивления, такие, какие исходят
От детей, смотрящих на звезды, но все же
С силой, способной открыть внимающему уху
Прекрасное Божественное Неизвестное и раскрыть
Внутренние врата Рая всегда перед нами".

И что это, как не требование к массе людей, в различной, но определенной степени, способности к переживаниям природного мистика? Поэзия и мистицизм природы связаны воедино нетленной жизнью до тех пор, пока человек остается человеком, а мир остается миром.

Было очевидно, что в том, что было сказано об отношении поэзии к науке, не было и тени враждебности к науке как таковой, а только к исключительным заявлениям, которые так часто выдвигались от ее имени. Позвольте французскому философу того времени завершить эту главу поразительным утверждением о взаимосвязи, которая должна существовать между этими, казалось бы, несовместимыми способами умственной деятельности. В недавнем номере "Философского ревью" Жуссен пишет следующее:

"On peut ainsi se demander si le savant, à mesure qu'il tend vers une connaissance plus complète du réel, n'adopte pas, en un certain sens, le point de vue propre au poète. Boileau disait de la physique de Descartes qu'elle avait coupé la gorge à la poésie. La raison en est qu'elle s'en tenait au pur mécanisme et ne définissait la matière que par l'étendue et le mouvement. Mais la physique de Descartes n'a pu subsister. Et, avec la gravitation universelle que Leibniz considérait à juste titre, du point de vue cartésien, comme une *qualité occulte*, avec les attractions, les répulsions, les affinités chimiques, avec la théorie de l'évolution, la science tend de plus en plus à pénétrer la vie réelle des choses. Elle se rapproche, bon gré, mal gré, de la métaphysique et de la poésie, en prenant une conscience plus profonde de la force et du devenir. C'est qu'au fond la pensée humaine est une, quelle que soit la diversité des objets auxquels elle s'applique, art, science, poésie, métaphysique, répondant, chacun à sa façon au même désir, chacun reflétant dans la conscience humaine les multiples aspects de la vie innombrable."

ГЛАВА XIV

ПРЕКРАСНОЕ И УРОДЛИВОЕ

Против мистика природы часто выдвигают обвинение в том, что он игнорирует темную сторону природы и закрывает глаза на уродливые и отталкивающие черты мира внешних явлений. Если природа может влиять на духовное развитие человека, то каким (спрашивается) может быть эффект ее запрещающих и отталкивающих аспектов? Готов ли поборник космических эмоций и природного мистицизма найти место для уродливого в своей общей схеме? Вопрос серьезный, и его не следует обходить стороной. Более того, она имеет давнюю историю, будучи понятой в своих основах многими мыслителями старого света, особенно Платоном, Аристотелем и Платином.

Давайте начнем с изучения одного или двух характерных утверждений обвинительного заключения о том, что в мире, который мы хотели бы считать справедливым, есть уродливые и даже отвратительные объекты. Джеффрис говорит о некоторых существах, пойманных в море: "У них нет ни формы, ни изящества, ни цели; они вызывают смутное ощущение хаоса, от которого разум восстает. ... У них нет враждебных намерений по отношению к человеку, даже к акуле; но акула есть, и этого достаточно. Эти отвратительные морские твари не являются античеловеческими в смысле преследования, они находятся снаружи, они ультра и запредельны. Это все равно что заглядывать в хаос, и это ярко, потому что этих существ, заживо погребенных на глубине ста морских саженей, редко можно увидеть; так что разум видит их так, как если бы они появились на свет только в этот момент. Употребление не приучило их к этому, так что их античеловеческий характер сразу бросается в глаза, и они смотрят на нас остекленевшими глазами".

Кингсли в своем "Наконец-то" спрашивает: "Кто назовет Капскую гадюку или Фер-де-ланс чем угодно, кроме ужаса и уродства; не только из-за враждебности, обозначаемой, по крайней мере, для нас, плоской треугольной головой и тяжелой челюстью, но и из-за выражения недоброжелательности и коварства, обозначаемого, по крайней мере, для нас, глазами и губами?"

Фредерик Харрисон рассматривает этот случай с более общей точки зрения: "В мире не все так лучезарно и гармонично; он часто бывает диким и хаотичным. В мыслях мы можем видеть только светлое, но на самом деле мы сталкиваемся лицом к лицу с темной стороной. Отходы, разруха, конфликты, гниль окружают нас повсюду. . . . Нам так же мало нужно думать о красоте этой земли, как и о ее ужасе. Она состоит из красоты и ужаса, из гармонии и хаоса, из агонии, радости, жизни, смерти. Поклонники природы слепы и глухи к опустошению и воплям, которые встречают искателя истины. . . . Поэты действительно являются истинными создателями красоты и порядка природы; ибо они видят это глазами гения. И только они видят это. При холодном, буквальном рассмотрении красота и ужас, порядок и беспорядок, кажется, ведут равную и вечную войну".

Рассматривая суть этих сильных утверждений, характерных для очень разных типов мышления, мы прежде всего отмечаем, что две разные проблемы в какой—то степени слиты воедино - проблема уродливого и проблема морального зла. Конечно, часто бывает невозможно разделить их; тем не менее, в целях анализа попытка должна быть предпринята; тем более что наши нынешние поиски носят скорее эстетический, чем этический характер.

Во-вторых, следует помнить, что мистик природы ни в коем случае не является поклонником природы. Его утверждение о родстве с природой, несомненно, подразумевает обратное! Он знает, что зло и уродство (как бы они ни интерпретировались) присущи человеку, и поэтому ожидает, что они пронизывают все вокруг.

Ограничивая наше внимание, насколько это возможно, эстетическим аспектом выдвинутых возражений, давайте сразу определимся с реальной проблемой, которая сейчас стоит перед нами, а именно, со значением для мистика природы того, что называется "уродством".

Существуют определенные суждения, известные как эстетические — названные так потому, что они определяют эстетические качества объектов. И практически единодушно признано, что они в гораздо большей степени опираются на чувство и интуицию, чем на дискурсивный разум. В этой степени они причисляются к подлинным "мистическим" способам переживания и с этой точки зрения получили широкое распространение в системах таких мистиков, как Платон и Плотин. Но, называя их мистическими, необходимо отметить, что они обладают характеристикой, которая выделяет их в особый класс. Они подразумевают отсылку к стандарту или идеалу. Ссылка не обязательно должна делаться, действительно, редко делается с каким-либо сознательным пониманием стандарта; но ссылка, тем не менее, присутствует, и в результате получается суждение. Место рефлексивного процесса рассуждения, характеризующего логическое суждение, заполнено особым трепетом, который сопровождает чувство соответствия или несоответствия, в зависимости от того, удовлетворен идеал или нет.

С этим взглядом на эстетическое суждение согласуется тот факт, что, хотя для разума внешняя форма и подобие объекта имеют второстепенное значение, за исключением точки зрения абстрактной формы и физического качества, для эстетического чувства или интуиции это имеет первостепенное значение. Например, ботаник, как ботаник, мало обращает внимания на красоту цвета, изгиба или запаха — действительно, временами его интерес к растению может быть обратно пропорционален его красоте. Но любитель цветов, или поэт, или художник сосредоточится на таких эстетических качествах, которые определяют его настроение и суждения. Нельзя сказать, что рефлексивные и эстетические суждения антагонистичны — они дополняют друг друга и, при правильной оценке, взаимозависимы; тем не менее, их не следует путать.

Доктрина Плотина, князя мистиков, очень полезна, когда обсуждается проблема уродливого, и превосходно согласуется с только что выдвинутыми соображениями. Его теория заключалась в том, что материальные объекты красивы в той мере, в какой они разделяют разум и форму. Обратное утверждение состоит в том, что объекты уродливы в той мере, в какой им не хватает способности разделять разум и форму. Переходя к некоторым другим аспектам его доктрины, давайте посмотрим, как далеко эта теория продвинет нас в ответе на вопрос — существует ли в природе такая вещь, как уродство, в каком-либо абсолютном смысле этого термина?

Материя, как известно современному ученому, повсеместно обладает формой того или иного вида, и, более того, обнаруживается, что она разделяет разум, когда проверяется ее отзывчивость, так сказать, на процессы человеческого рассуждения — или, другими словами, на ее подчинение законам природы. Из этого, казалось бы, следует, что в природе нет абсолютно уродливого объекта. И вывод, несомненно, соответствует здравому смыслу. Если, несмотря на это, определенные объекты называются "уродливыми", что подразумевается? Следуя примеру Плотина, мы, по-видимому, приходим к концепции "степеней красоты" —

"высших" и "низших" форм красоты. И в тот момент, когда существование таких "степеней" признается, эстетический горизонт неограниченно расширяется. Вся проблема приобретает более масштабные масштабы, особенно если рассматривать ее в свете эволюционной гипотезы. Ибо там, где есть ступени, или стадии, легко представить себе переход от стадии к стадии. Уродливый объект уродлив лишь относительно; и, вступая в новые отношения со своим окружением, он может подняться на еще более высокий ранг в эстетической шкале ценностей. Короче говоря, истинный прогресс становится возможным для всей вселенной. Герберт Спенсер остановился на переходе от однородного к гетерогенному. Гораздо интереснее, чтобы не сказать, вдохновляюще, постулировать увеличение способности делиться разумом и формой. Тогда обширный процесс эволюции можно рассматривать как движение вверх, к более совершенной красоте и, соответственно, к более полной жизни.

О том факте, что такой восходящий процесс имеет место, имеется множество и накапливающихся свидетельств. Борьба органической жизни вверх, достигающая пока кульминации в человеке, каким мы его знаем, — все более сложная красота природных форм, — поспешность природы скрыть свои шрамы — все это в равной степени говорит о стремлении ввысь. Более того, нам говорят, что сами атомы, которые так долго считались конечными, подверглись эволюционному стрессу и деформации и продвинулись от простейших форм к более высоким и сложным симметриям. И в другой области искусства, в особенности живопись и драматургия, почти требуют признания какого-то такого принципа прогресса; ибо они постоянно и неизбежно используют элементы, которые сами по себе считаются уродливыми, для создания своей высшей красоты.

Использование диссонансов в музыке особенно наводит на размышления в этом отношении. Существуют сочетания музыкальных звуков, которые, будучи воспроизведены в виде отдельных комбинаций, являются резкими и даже болезненными. Но пусть о них возвестят другие аккорды, и пусть с ними разделятся подходящие решения, и они смогут очаровать, или взволновать, или разжечь глубокие эмоции. Что означает этот факт? Что диссонансы в музыке, когда они используются со знанием дела и мастерством, занимают свое место не как посторонние элементы в музыкальной прогрессии — как вставки уродства в текстуру окружающей красоты, — *но как прекрасные сами по себе*. Их эстетическая ценность достигается тем, что они связаны сетью отношений, которая делает их неотъемлемой частью того, что является упорядоченным и рациональным целым. Короче говоря, дискорды — потенциальные красавицы; они обладают способностью к форме и разуму.

Таким образом, безобразное следует противопоставлять прекрасному не как его противоположность, а как стоящее по отношению к нему на уровне менее совершенного к более совершенному. Таким образом, будут существовать степени красоты, поскольку существуют степени реальности. И мистическая интуиция будет обладать соответствующими степенями достоинства и проницательности. Великий процесс эволюции, таким образом, раскрывается как многогранное целое — количество реального существования увеличивается пропорционально увеличению способности разделять форму и разум; и вместе с этим растет способность ценить все более высокие формы красоты, которые возникают в устремленной ввысь вселенной.

Еще одна мысль требует особого внимания. Для таких существ, как мы, живущих в условиях, которые предполагают так много ограничений, *чисто* эстетическое суждение практически вне

нашей досягаемости. И на этот счет мы также можем рискнуть смягчить резкие выражения, используемые Джеффри в его оценке античеловеческого характера странных существ в море. Индивидуальные симпатии и антипатии являются результатом чрезвычайно сложной системы импульсов, инстинктов, предрассудков, мотивов, привычек, ассоциаций и прочего. Лишь немногие из этих факторов проявляются выше порога сознания, хотя они действуют постоянно и оказывают влияние. Отсюда ни в коем случае не следует, что из того, что конкретный объект неприятен или омерзителен одному индивиду или группе индивидов, он будет таким же для всех. Результирующая относительность наших эстетических суждений настолько несомненна, что Гегель был склонен считать, что ниже уровня человека и искусства настоящего уродства вообще нет. "Существа, - говорит он, - кажутся нам уродливыми, чьи формы типичны для качеств, противоположных жизненности в целом или тому, что мы научились рассматривать как их собственную особую или типичную форму живого существования. Таким образом, ленивец, лишенный жизненной силы, и утконос, который, по-видимому, сочетает в себе непримиримые типы, а крокодилы и многие виды насекомых, по-видимому, просто потому, что мы не привыкли рассматривать их формы как адекватные выражения жизни, - все они уродливы".

Точно так же, как в музыке диссонансы становятся прекрасными, когда их приводят в подходящие отношения с другими частями упорядоченного целого, так и с объектами, которые обычно считаются уродливыми, но которые способны к эстетической красоте, когда мастера своего дела изображают их на картинах. Установить в них новые и подходящие отношения света и тени, цвета и композиции - значит преобразовать их. Шопенгауэр придает большое значение преобразующей силе искусства. Он приводит в пример множество типичных картин голландской школы, простые интерьеры, домашние сцены, фрукты, овощи, самые обычные инструменты и утварь, даже мертвую плоть — все это используется в качестве материала для картин и в своей особой обстановке вызывает наше восхищение.

Эти факты, касающиеся изобразительного искусства, убедительно подтверждают вывод, сделанный на основе использования диссонансов в музыке, — относительность уродства и возможность его постепенной трансформации. Но есть еще один момент, который следует подчеркнуть, тот, который музыка, по причине своей абстрактности, не могла должным образом реализовать, и тот, который имеет глубокое значение для мистика природы. Изобразительное искусство связано с изображением внешних объектов. Чем объяснить его преобразующую силу? У Шопенгауэра есть отличный ответ на этот вопрос. Он говорит, что художник наделен исключительной степенью интуитивного прозрения. Он наслаждается подлинным видением Идеи, имманентной объекту, который он воспроизводит в своем конкретном медиуме — он фиксирует внимание на этой Идее, изолирует ее и раскрывает многое, что в противном случае ускользнуло бы от внимания. В результате его мастерство позволяет другим проникнуться его настроением и поделить его пронизательностью.

Именно в таких направлениях, которые предварительно прослеживаются в нескольких последних абзацах, следует искать наиболее обнадеживающее решение проблемы уродливого. Суть вопроса заключается в том, что во внешней природе нет абсолютно уродливого объекта — нет объекта, который, даже будучи таким, каков он есть, не мог бы быть в какой-то степени преобразован путем приведения в соответствующее соотношение с другими — нет объекта, который не был бы способен прогрессировать в своей способности делиться и проявлять форму и разум, к которым стремится вселенная. Если найдутся мыслители, которые, подобно Кингсли, не могут полностью избавиться от ощущения, что уродство - это абсолютная реальность,

позитивный способ существования в противовес красоте, — им остается только искать убежища в более широкой проблеме зла. Но, как уже отмечалось, необходимо проявлять осторожность, проводя различие между моральным злом и физическим уродством. В какой степени одно может быть отражено в другом - это вопрос, по которому было бы небезопасно догматизировать. Основная теория, однако, четко выделяется и включает в себя веру в то, что материальные явления Вселенной, как великое целое, обладают благотворной свободой от позитивного уродства. "Древний мудрец" Теннисона выражает надежды природного мистика относительно фундаментальной красоты мира, который он любит.

"Сын мой, мир полон скорбей и могил,
Настолько темных, что люди взывают к Небесам,
Кто не знает, что тьма кроется в человеке?

Двери Ночи могут быть вратами Света;
Ибо, если бы ты родился слепым или глухим, а затем
Внезапно исцелился, как бы ты прославился во всем
Великолепие и голоса всего мира!

И мы, бедная земная умирающая раса, и все же
без призраков, наблюдающие с призрачного берега,
Ждем последнего и величайшего смысла, который можно было бы осмыслить
Призрачные стены этой иллюзии исчезают,
И показывают нам, что мир абсолютно справедлив".

ГЛАВА XV

МИСТИЦИЗМ ПРИРОДЫ И РАСА

Фундаментальные постулаты и принципы последовательного мистицизма Природы теперь изложены с полнотой, достаточной для того, чтобы позволить с трезвым энтузиазмом изучить детали нашего предмета. Позвольте, однако, отметить, что, хотя детальное применение общих выводов отныне будет основным делом, от общечеловеческой точки зрения отказываться не следует. Ибо было показано, особенно в главе о поэзии, что мистик природы не присваивает себе какого-либо уникального места среди своих собратьев и не стремится в эзотерической изоляции наслаждаться способами переживания, недоступными основной массе

человечества. Вордсворт, например, хотя и был принцем среди современных мистиков, с доверием взывал к своим соотечественникам в целом: его "мы" было постоянно налицо — и постоянно растущее число любителей природы откликается на его призыв. Иными словами, способность интуиции, которой он требует, должна быть обнаружена, в той или иной степени, по крайней мере, латентной, если не развитой, в нормальном человеческом существе. Одаренный провидец улавливает и интерпретирует то, что смутно чувствует его менее одаренный брат. Можем ли мы проследить эту мистическую силу природы в масштабе истории в целом? Если сила реальна, то должна быть возможность распознать ее более грандиозные действия. Более того, широкий кругозор поможет нам избежать преувеличений, прецизионности и фанатизма.

Итак, вот наша отправная точка для детального изучения. Если верно, что все нормальные представители расы в той или иной степени обладают способностью мистической интуиции, то природа, должно быть, оказала формирующее влияние не только на определенных одаренных индивидуумов, но и на характер и судьбу целых сообществ, народов и империй. Как за языком греков стояли вековые побуждения подсознательной метафизики, так и за эстетическим и духовным развитием этого замечательного народа, должно быть, стояли вековые побуждения подсознательной мистической интуиции, стимулированной влиянием природных явлений. Формирующая сила имманентных идей и внутренней жизни вещей является для расы в целом и для определенных народов в частности непрерывной, кумулятивной, массивной. Правда, это действует главным образом в сфере подсознания. Но он будет плохим изучающим историю, если не сумеет считаться с теми более тонкими силами, которые, хотя и неясны в своем действии, часто простираются так широко и проникают так глубоко.

Красноречивое свидетельство способности природы формировать можно найти в противоположных характеристиках великих религий. Выносливые народы северо-западной Европы росли под грозовым небом, были окружены суровыми, сотрясаемыми лавинами горами и упорно боролись с тяготами суровых и продолжительных зим. Что удивительного, что они наполнили свои небеса *Штурмом и Дрангом* — титаническими битвами богов — и услышали, как им вторили вихрь охоты, буйство пиршеств и лязг битвы? Их религия была такой же напряженной, как и их жизнь — свободной и яростной, — но в то же время окрашенной меланхолией, которая обещала богатое развитие событий.

Любимые греки классических времен, "всегда изящно ступавшие по самому прозрачному воздуху" или качавшиеся на усеянных островами водах сапфирового Эгейского моря, расширяли свою душевную жизнь в окружении, изобилующем светом и красками, гармонией и формой. Поэтому для них Аполлон натянул свой полированный лук и выпустил мириады золотых стрел; Афродита воплотила видения красоты, рожденной из пены; Афина предстала во всем блеске разума и сдержанности. Сама природа побуждала их развивать идеалы закона и порядка, дисциплинированной мысли и искусства с совершенными пропорциями. Неудивительно, что, побуждаемые мистическими импульсами и видениями, они очистили унаследованную ими религию от ее грубых черт и сделали ее проводником философской мысли и духовных устремлений.

Посвящается странствующим детям пустыни, убаюканным среди великого безмолвия пространства и времени, поглощенным необъятностью. Днем над ними пылающий голубой свод, ночью вращающиеся галактики — вокруг них бездорожные уровни измученной жаждой

земли. Такое влияние глубоко проникло в их души и придало глубину и интенсивность их взглядам на источник и значение этой необъятности. Мы также не можем удивляться, что в такой обстановке предчувствия духовного единства существования, которые шевелились во многих сердцах, нашли особую поддержку.

Пусть будет ясно понято, что в только что приведенных поразительных и безошибочных иллюстрациях речь идет не просто о влиянии физической среды на социальную организацию или экономическое развитие — хотя они также тысячами способов воздействуют на идеи и идеалы, — но о формировании духовных концепций под прямым влиянием идей и импульсов, проявляющихся во внешней природе. Душа человека находилась в постоянном, хотя обычно и подсознательном, общении с его материальным окружением, и его мышление, таким образом, было в значительной степени окрашено и сформировано. И хотя вид и качество влияния меняются от эпохи к эпохе и от людей к людям, оно не становится менее мощным. Сложности современной жизни, смешение цивилизаций имеют тенденцию затемнять ее проявления; наука, которой занимаются неправильно, кажется враждебной продолжающейся энергии. Но под игрой встречных течений на поверхности скрывается непреодолимое колебание прилива.

Иллюстрацию другого класса можно найти в блестящих лекциях Макса Мюллера по "Физической религии", главной темой которых является развитие Агни, ведического бога огня. Отправной точкой было чувственное восприятие физических свойств огня. Идея и воля, присущие этим качествам, постепенно поднимали мысли людей от материального к духовному, пока восточный мир не достиг того, что Макс Мюллер называет "драгоценной строкой из Вед" — "Тот, кто выше богов, был Единным Богом", — написанной по крайней мере за тысячу лет до христианской эры. Это был не результат сверхъестественного откровения, а естественный результат человеческих мыслей, направляемых и формируемых впечатлениями от внешних явлений. То есть, как замечает Макс Мюллер, в этом не было ничего искусственного — просто то, что человек не мог не сказать, будучи тем, кем он был, и видя то, что он видел.

В только что приведенных примерах наиболее определенно установлен общий принцип, согласно которому природа оказывает определенное и непрерывное влияние на развитие поведения и мышления человека. И как следствие этого, мы можем утверждать, что опыт Вордсворта в своей мере применим ко всем нормальным представителям расы, которые находятся в контакте с природой:

"Следовательно, я все еще
Любитель лугов, лесов
и гор; и всего, что мы видим
Этой зеленой земли; и то, что они наполовину создают
, И то, что воспринимают; я рад узнать
В природе и языке чувств,
Якорь моих самых чистых мыслей, кормилицу,
проводника, хранителя моего сердца и души
Всего моего морального существа".

Да ведь даже старый доктор Джонсон во времена своего Словаря писал своему другу Лэнгтону в Линкольншир: "Я был бы рад услышать рев океана или увидеть мерцание звезд в компании людей, для которых Природа не распространяет свои тома и не произносит свой голос

напрасно". И давайте заметим, что естественность его чувств удерживает его на самом простом, почти односложном английском!

ГЛАВА XVI

ФАЛЕС

В предыдущей главе упоминалось об этой поистине замечательной группе мыслителей, которые в шестом веке до нашей эры совершили важный переход от мифологии и традиции к философии и науке. Было также отмечено, что эти пионеры, какими бы смелыми они ни были, не могли освободиться от социальных и интеллектуальных условий своего времени. И именно этот факт того, что можно назвать современными ограничениями, делает обзор их рассуждений столь ценным для изучающего мистицизм Природы. Ибо они жили во времена, когда старые спонтанные представления о природе уступали место рефлексивной критике. Их философствование брало свое начало из наиболее приспособленных продуктов мифопоэтической способности и, таким образом, оставалось в живом контакте с первобытным прошлым, в то же время устремляясь вперед, в духе будущего, к упорядоченному знанию упорядоченного целого. Главным объектом их поисков был *Мир*- субстанция вселенной, — и они руководствовались в своих поисках доминирующими концепциями, которые возникли в течение длительного периода анимистической и мифологической стадий. Определенные формы внешнего существования запечатлелись в общем сознании, особенно формы воды, воздуха и огня; и к ним размышляющий разум естественным образом обратился в своих первых попытках обнаружить Основу вещей. Интерес, проявляемый мистиком природы к этой группе мыслителей, двоякий. Во-первых, он обнаруживает, что в их рассуждениях присутствует значительный элемент примитивной интуиции, воплощенный в концепциях, сформированных спонтанной игрой рефлексивной мысли и свободного воображения. Таким образом, обеспечивается близость к природе. И, во-вторых, он радуется тому факту, что эти спекуляции, какими бы грубыми и преждевременными они неизбежно ни были, содержали зародыши мысли и проблески озарения, которые предвосхищают самую передовую спекулятивную науку и философию наших дней. Он утверждает, что это подтверждает его взгляд на интуицию. Природа была учителем — и именно к интуиции она в основном обращалась; а интеллект — острый и свежий, но нетренированный — был способен ухватиться за представленный материал и

зафиксировать его в концепциях и теориях, которые разделяют универсальную и нескончаемую жизнь природы.

Вода, воздух и огонь — какое огромное количество и разнообразие природных явлений объединяются под этими названиями! Если мы попытаемся понять, почему они были выделены по очереди в поисках *Мировоззрения*, мы далеко проникнем в мистицизм Природы этих знаменитых "элементов".

Итак, начиная с Фалеса, мы спрашиваем, почему он остановился на воде в своей попытке (самой ранней из зарегистрированных) определить строение вселенной? Каковы были свойства и функции того "элемента", который привлек его внимание и руководил его грубыми, но острыми и оригинальными рассуждениями? Как уже отмечалось, существующие космологические концепции играли важную роль, особенно представления о великом первобытном океане, по которому, как предполагалось, плавал мир. Этот космографический океан и сопутствующие ему мифы будут рассмотрены в следующей главе. Но, ограничивая наш взгляд в настоящее время физическими аспектами воды, не совсем невозможно восстановить ход его рассуждений и посочувствовать ему.

Вода удивительно подвижна, постоянно меняется, движимая, по-видимому, каким-то присущим ей принципом движения. Его летучесть также очень заметна; он переходит из твердого состояния в жидкое, а из жидкого в пар и легко меняет последовательность. Особенно поразил бы мыслителя старого света феномен круговорота воды. Он видел пар, поднимаемый солнцем из озер и океанов, который, казалось, питал небесные огни и возвращался на землю в виде дождя. Он пришел к выводу, что это, должно быть, отражает течение космического процесса в целом. Опять же, при выпадении росы, при сгущении тумана и при бьющих фонтанах твердые материалы мира, по-видимому, переходят в жидкое состояние.

Фалес был не первым, кто обратил внимание на эти вещи. Они незаметно изменяли мысли людей на протяжении неисчислимых поколений. Но он был первым, кого мы знаем, кто собрал воедино в определенную теорию смутные интуиции, которые так долго действовали бессознательно. Он выделил этот подвижный элемент и увидел в нем субстанцию движения мира в целом.

Его теория движения охватывала широкий диапазон. Он не отделял движущийся предмет от движущей силы; он также не проводил никакого различия между органическим и неорганическим — механическим и витальным. Он рассматривал все способы движения как по существу спонтанные и самодетерминированные. Более того (как говорит нам Аристотель), он отождествлял этот неотъемлемый принцип изменения с тем, что является божественным в природе и в душе. Иными словами, Реальное, по Фалесу, — это живой импульс и непрерывный процесс. Это переживается в сознательной деятельности человека и составляет принцип единства во всех способах и формах существования.

Именно на органической стороне этой спекуляции в основном останавливается Аристотель, вероятно, увлеченный своими биологическими исследованиями. Возможно ли проследить основания, на которых Фалес основывал свою более широкую индукцию? Аристотель помогает нам. Он предполагает, что его предшественник заметил, что вода и жизнь, по-видимому, неразделимы и что влага необходима для прорастания и развития всех известных организмов. Было естественно заключить, что принцип жизни находится в воде — вывод разума, также

гармонирующий с интуицией, стимулируемой движением. И этот вывод не был совершенно необоснованным. Рассматриваемый в исторической перспективе, он по-прежнему сохраняет свою силу и ценность. Новейшие биологические авторитеты говорят нам, что все ветви зоологического генеалогического древа сформировались на влажных берегах больших водных бассейнов и что нет такой формы жизни, не только наземной, но даже глубоководной, которая не прошла бы через прибрежную фазу. Другими словами, все еще допустимо считать, что "влага", как Фалес обычно называл свой первичный элемент, содержит один из секретов жизни. Так близко самое раннее к последнему заявление о происхождении жизни на земном шаре!

Рассматривая это краткое изложение ведущей доктрины древнего умозрения, какое отношение оно имеет к принципам мистицизма природы, изложенным в предыдущих главах? Некоторые довольно очевидные из них. Фалес руководствовался впечатлениями, полученными от качеств, поведения и функций воды; и они привели его к тому, что он приписал материи пластическую жизнь. Называть его гилозоистом было бы слишком суровой модернизацией. Но его приписывание души магниту и янтарю уводит его далеко на пути к такому метафизическому мировоззрению. Глубоко наводящим на размышления является также высказывание, которое если и не справедливо приписывается ему, то, по крайней мере, характерно для его школы— "Все наполнено богами". Следовательно, мы можем сделать вывод, что физические свойства воды таковы, что наводят на мысль об идеях, достигших кульминации в современном анимизме. Иными словами, вода способна производить интеллектуальные и духовные, а также так называемые физические эффекты. Более глубокий взгляд на интуицию оправдан. И Фалес, в силу общего направления и результата своих рассуждений, может претендовать на почетное место в рядах мистиков природы.

ГЛАВА XVII

ВОДЫ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Мы обнаружили, что постоянное движение и перемены, проявляющиеся в круговороте вод земного шара, произвели впечатление на разум Фалеса и в значительной степени определили ход его рассуждений. Когда его великий преемник, Гераклит, перешел от воды к огню в своих поисках *Источника света*, он ни в коем случае не стал нечувствительным к мистической привлекательности текущей воды. "Все течет". Таково было древнее выражение универсального

потока; и оно явно основано на аналогии с ручьем. Если Гераклит и не был ее автором, то, во всяком случае, это стало его любимым сравнением. "Мы не можем войти в одну и ту же реку дважды, - сказал он, - потому что в нее постоянно вливаются свежие воды". И все же, в каком-то смысле, хотя воды меняются, река остается. Отсюда утверждение приняло форму более парадоксальную и мистическую: "Мы входим в одну и ту же реку и не входим в нее; мы есть и нас нет".

Таким образом, движущаяся вода обладает способностью стимулировать эмоции и пробуждать интуицию; и эта сила проявляется в исключительной степени, когда неизвестны источник, из которого вытекает вода, и цель, к которой она течет. Эти условия лучше всего соблюдаются в случае ручьев, которые объемно текут по подземным пещерам. Темнота вносит свой элемент неопределенного страха, а глухой грохот делает темноту ощутимой. Что еще может наполнить разум дитя природы ощущением жизни и воли, стоящей за явлениями? Станные отзвуки интерпретируются им как значительные высказывания могущественных, невидимых сил, а пещеры и пропасти внушают благоговейный трепет из-за входов в мрачные регионы, где правят монархи мертвых.

Можно сказать, что это верно для дитя природы. Но возможны ли подобные переживания для современного ума? Да, если мы сможем проникнуть сквозь разнообразные маски, которые принимает интуитивный материал по мере того, как меняются времена и нравы. Кольридж, например, погружен в глубокий сон под действием обезболивающего. Его воображение обретает крылья само по себе; образы возникают перед ним и без сознательных усилий находят словесные эквиваленты. Непреходящая суть видения воплощена во фрагменте "Кубла хан", очарование которого зависит главным образом от мистической привлекательности подземных вод. Мы перенеслись туда, где

"Альф, священная река, текла
Через пещеры, недоступные человеку,
Вниз, к морю, лишенному солнца.

Эти три строки производят более глубокое впечатление, чем любые другие в стихотворении, и формируют его главную тему.

Также чувство сверхъестественного не остается незамеченным. Духи находятся рядом с пророческими побуждениями. Из глубокой пропасти священная река бьет могучим фонтаном и на короткое время блуждает по лесам и долам только для того, чтобы снова погрузиться в свои безмерные пещеры и в смятении погрузиться в безжизненный океан:

"И посреди этого смятения Кубла услышал издалика
Голоса предков, предсказывающие войну".

Таким образом, когда воображение Кольриджа получило свободу, заявил о себе тот образ чувств, который сохранялся на протяжении веков и по сей день. Первобытный опыт присутствует здесь в своей основе, обогащенный эстетическими и интеллектуальными достижениями прошедших веков. Несомненно, за феноменом подземных вод стоит живая идея, или, скорее, группа живых идей.

Вордсворт описал более личный опыт, который перекликается со всем, что было сказано.

"Через расщелину,
Недалеко от берега, на котором мы стояли, —
Неподвижное, бездонное, мрачное, дышащее место -
Поднимался рев вод, потоков, речушек,
Бесчисленных, ревуших в один голос!

Слышно над землей и морем, и в тот час,
Так казалось, ощущается звездными небесами".

Если современный поэт мог быть так тронут, то насколько больше первобытный человек, смотревший сверху вниз на воду, падающую в пропасти или несущуюся сквозь их глубины. Было естественно, что такие переживания нашли выражение в его мифологических системах. Общая форма, которую они принимают, - это форма источников и рек в подземном мире, наиболее известные из которых фигурируют в греко-римских представлениях об Аиде. Гомер заставляет Цирцею направлять Одиссея таким образом. Он должен вытащить свой корабль на берег в глубоководном Океане, в мрачной киммерийской стране. "Но отправляйся сам в сырой дом Аида. Таким образом, в Ахерон впадают Пирифлегетон и Коцит, притоки Стикса, и там есть скала и место встречи двух ревуших вод".

Таковы были материалы, которые со многими дополнениями и модификациями превратились в Гадес из шестой "Энеиды" Вергилия с его озерами, болотами и унылыми ручьями. Подземные воды фигурировали также в греческих мистериях и с большими подробностями описаны в великом мифе Платона о Федоне - во всех этих случаях со все возрастающей полнотой мистического значения. В массовом сознании они были покрыты слоями неуместных представлений и грубых суеверий. Но, как, например, ясно видел Платон, в их основе всегда лежит группа интуиций, которые имеют отношение к глубочайшим проблемам человеческой жизни и способны формировать духовные концепции.

Еще более очевидно, что тевтонские мифы о водах подземного мира наполнены мистическим смыслом и влиянием. Центральным понятием является Иггдрасиль, древо вселенной - древо времени и жизни. Его ветви тянулись к небесам; самая верхняя ветвь осеняла Валгаллу, чертог героев. Его три корня уходят в темные области под землей; они пронизывают три подземных источника и удерживают вселенскую структуру в своих могучих объятиях. Эти три корня тянутся по линии с севера на юг. Самая северная возвышается над фонтаном Хвергельмер с его ледяной водой. Средняя возвышается над колодцем Мимура с его запасами созидательной силы. Самый южный из них пересекает колодец Урд с его более теплым течением. Внизу их гложет дракон Нидхегг и бесчисленные черви; но вода из источника Урд сохраняет мировой пепел вечно зеленым.

Хвергельмер - главный источник всех рек мира - внизу, на поверхности земли и в небесах вверх. Из этого обширного резервуара вытекают все воды, и туда же они возвращаются. На своем внешнем пути они всасываются и возносятся ввысь северным корнем мирового дерева и там сливаются с соком, который придает дереву его нетленную силу и жизнь. Поднимаясь по стволу, они распространяются на ветви и испаряются с его кроны. В верхней области, достигнутой таким образом, находится огромный резервуар, грозное облако, которое принимает жидкость и изливает ее обратно двумя различными потоками. Первый - это поток огненного тумана, молния, которая своим "ужасающим блеском" обтекает Асгард, обитель богов, как барьер; другой обрушивается плодотворящим дождем на землю, чтобы вернуться к

своему первоначальному источнику в подземном мире. Знаменитый водоворот - это, так сказать, штормовой центр надвигающегося наводнения. Таким образом, фонтан Хвергельмер можно рассматривать как воплощение впечатлений, произведенных на германский разум физическими силами Вселенной в ходе их грандиозной деятельности в вечном круговороте. Но их источник был скрыт.

В самом южном колодце вода теплее, чем в солнечных краях, — в фонтане Урд. Норны, три сестры, возвещавшие предначертания судьбы, приходят из неведомой дали, окутанные темным покрывалом, к мировому древу и ежедневно окропляют его водой из этого источника, чтобы его листва была вечно зеленой и крепкой. Урд - старшая из троих, и она задумчиво смотрит в прошлое; Верданди смотрит в настоящее; а Скульд смотрит в будущее. Ибо из прошлого и настоящего рождается будущее. Фонтан Урд можно рассматривать как воплощение впечатлений духовной силы, которая поддерживает и обновляет вселенную.

Мимур, царь нижнего мира, является хранителем центрального источника, и вокруг его вод расположены его золотые чертоги. Сам фонтан семь раз покрыт золотом, а над ним раскинуло свои укрывающие ветви священное дерево. Это источник драгоценной жидкости, медовухи, которая принадлежит одному Мимуру и поднимается из неизвестных глубин, чтобы орошать центральный корень. В своей чистоте она наделяет богов мудростью и силой. Но медовуха, поднимающаяся в соке, не совсем чистая; ее смешивают с жидкостями из других источников. Таким образом, земля не похожа на небеса. Тем не менее, несмотря на такое разбавление, это плодотворное благословение для того, кто может его получить. Вокруг него растут восхитительные заросли тростника и камыша; а по краям раскинулись Сверкающие Поля, на которых растут цветы, которые никогда не увядают, и урожаи, которые никогда не собирают; на которых прорастают также семена поэзии. Короче говоря, колодец Мимура - это источник вдохновения и творческой силы.

Эти тевтонские представления о подземных водах были рассмотрены довольно подробно, отчасти потому, что они не так хорошо известны — как классические мифы, отчасти потому, что они представляют такой решительный контраст с классическими мифами, но главным образом из-за их богатства мистических намеков. Пусть не думают, что они образуют группу сложных символов — в противном случае их интерес к естественному мистику значительно снизился бы. Они почти полностью являются спонтанным продуктом мифопоэтической способности; в них искренне верили как в отражение реальности. Это примитивные интуиции, воплощенные в примитивную философию жизни. Они светятся мистическим прозрением. В формах подземных источников, извергающих жизнь, физическую, эстетическую, духовную, отражается жизнь Вселенной, которая бьет ключом из неведомых глубин и возвращается в те глубины, из которых она исходила. И поскольку эти идеи были в значительной степени навеяны круговоротом вод на земном шаре, тевтонское дитя природы присоединяется к натурфилософу Фалесу. Реальность в конечном счете одинакова для обоих; субстанция вселенной - это живое движение.

Еще один тип мистического влияния подземных водотоков послужит иллюстрацией углубляющихся процессов, которым должны подвергаться все конкретные формы, производные от интуиции. Недалеко от Баниаса в Северной Палестине, у подножия обширного чашеобразного кургана, вдали от человеческих поселений, находится один из двух главных источников Иордана. Стремительные воды выливаются из-под земли в достаточном объеме, чтобы сразу образовать реку. Рев и суматоха поразительно впечатляют. Питерс, на чье

описание этого места я в значительной степени опирался, предполагает, что на этом месте находился древний храм Дана. Богослужение в этом храме было примитивным, "таким, какое приличествовало поклонению Богу, который проявлял себя в таких природных силах". Таким образом, мы возвращаемся к мифологической стадии, для которой мощный поток подземных вод был проявлением жизни внутри природного явления или за ним и вызывал особого рода эмоции.

Мы переходим на гораздо более продвинутую стадию, когда подходим к чувствам, представленным в 42-м Псалме. Питерс утверждает, что этот псалом, который так ярко описывает рев вод, был "в своей первоначальной форме литургическим гимном, исполняемым на великом осеннем празднике верующими в этом святилище, где служили, согласно традиции, потомки Моисея". Исходя из этого предположения, насколько важным историческим значением обладают хорошо известные слова: "Одна бездна зовет другую из-за шума водопроводных труб; все твои волны прошли надо мной". Здесь используется не просто аналогия или символ (хотя такие элементы могут быть смешаны в сложном целом), но интуиция, стремящаяся выразить себя, что бремя жизни было бы облегчено, если бы можно было разгадать тайну бьющих вод.

И именно таким образом мы приходим к фундаментальной интуиции, общей для различных только что рассмотренных способов переживания. Подземные воды берут начало из неизвестного источника или падают в неизвестную бездну. В обоих случаях возникает ощущение достижения пределов познаваемого в сочетании с ощущением неисчерпаемой силы. Запредельное расплывчато инесущественно, но это инстинкт жизни и цели. Дух человека может сжиматься перед неизвестным, но он заполняет пустые области формами и объектами, которые лишают их большей части их странности и отчужденности и вводят их в сферу его надежд и страхов. Там, как и здесь (он чувствует), должно происходить взаимопроникновение духа духом.

ГЛАВА XVIII

РОДНИКИ И КОЛОДЦЫ

Мильтон в своей благородной "Оде на Рождество Христово" поет, что с пришествием Спасителя

"Из призрачной весны и долины,
Окаймленной бледными тополями, со вздохом отправляется
Прощальный гений".

Является ли это констатацией факта? В значительной степени так, если речь идет о речных богах, Наядах и водных эльфах классической мифологии. Но это неверно, если принимать во внимание более смутную веру в духов, которые правят замшелыми колодцами и журчащими источниками, или если вера в целебные или другие свойства вытекающих из них вод включена в основную идею. Нет, даже в самых христианских странах современности такая вера не исчезла. Достаточно вспомнить знаменитый колодец в Оре или священный фонтан в крипте церкви Сен-Мелар, к которому до сих пор прибегают целые толпы паломников, чтобы понять, насколько это далеко от истины. Сама Шотландия, несмотря на все столетия своего пуританства, не совсем начисто стерла свой след; еще меньше таких стран, как Ирландия и Бретань, которые так цепко относятся к прошлому. Нет, нынешняя эпоха не довольствуется обильным запасом священных источников, она должна пополнять свои запасы новыми! Пусть Лурд будет свидетелем. И кто скажет, сколько их еще впереди?

Очень примечательной, как иллюстрация к Оде Мильтона, так и к живучести этой особой формы суеверия, является история о единственном настоящем источнике недалеко от Иерусалима - Энрогеле. Высшие авторитеты отождествляют его с Колодцем Дракона, упомянутым в романтической отрывке из книги патриота Неемии. Допуская обоснованность этого отождествления, мы имеем представление о временах гораздо более ранних, чем заселение земли евреями. У первобытных народов змеи часто ассоциировались с источниками и колодцами как воплощения духа вод. Таким образом, обеспечивается связь, которая возвращает историю к анимистическому и мифологическому периодам, в данном случае к доисторическому.

Возвращаясь к нашему курсу, мы приходим ко времени еврейской оккупации страны. Более чистая форма религии отвергла большую часть мифологического материала. Но старое название источника осталось, и, что еще более уместно, старая вера в его целебную силу. У нас есть свидетельства этой веры в Евангелии от святого Иоанна, которое содержит своеобразную историю об исцелении в купальне Вифезда, скорее всего, связанную с этим же источником. Популярное мнение о том, что время от времени ангел приходил беспокоить воду, возможно, является попыткой объяснить ее прерывистое действие.

Теперь, по словам Мильтона, должно было наступить время ухода вздыхающего гения — отмирания суеверия. Но те, кто предвидит такую *развязку*, будут жестоко разочарованы. Ибо евреи до сих пор купаются в его водах, во время разлива, для излечения от различных недугов. А с христианской стороны истории он получил название Бассейна Пресвятой Богородицы!

Подобные истории можно найти в любой части земного шара, где традиция достаточно продолжительна, чтобы сохранить их, свидетельствуя о почти поразительной стойкости веры в силу бьющей ключом воды. Несомненно, исцеление простой верой сыграло свою роль, но эта роль очень второстепенна; самое сильное влияние оказало движение самой воды, наводящее на мысль о спонтанной жизни. Не менее удивительно, что такие источники оказывают влияние на воображение и привязанности. Трогательное доказательство этого встречается путешественнику на каждом шагу на западном побережье Ирландии. Когда он бродит по закоулкам и малолюдным тропинкам графства Клэр, его внимание время от времени привлекает

безыскусственное множество полок на пологих берегах какого-нибудь лугового источника. На полках стоят скудные подношения по обету, на которые жалко смотреть. Достойны сожаления не из—за суеверия, которое ими движет, — к этому вопросу следует подходить в духе широкого сочувствия, исходя из его исторических и социальных достоинств, - а из-за ужасающей бедности, которую они демонстрируют. Даже осколки битой посуды считаются достойными места в этих маленьких святилищах; так лишены крестьяне простейших атрибутов цивилизованной жизни.

Насколько совершенно естественным является рост таких чувств и убеждений! Джеффрис почувствовал очарование. "Там был уединенный источник, - пишет он, - к которому я иногда ходил попить чистой воды, набирая ее в ладонь. Выпивая прозрачную воду, прозрачную, как сам свет в растворе, я впитывал ее красоту и чистоту. Я упивался мыслью о стихии; я желал чистой и прозрачной природы души".

Очарование не утратило своей силы и для нового человека в новом мире. Уолт Уитмен знал это. Вот восхитительный абзац из его заметок о "Днях образцов": "Итак, продолжаю неторопливо идти к источнику под ивами — музыкальному и мягкому, как звон бокалов, — изливающему изрядную струю толщиной с мою шею, чистую и прозрачную, из своего жерла, где берег выгибается дугой, как огромная коричневая косматая бровь или небо рта, — журчащую, журчащую непрерывно — что—то означающую, говорящую, конечно (если бы только можно было это перевести) — всегда журчащую там, весь год напролет — никогда не иссякающую — океаны мяты, ежевика летом — выбор цветов. свет и тень - как раз то место, где я принимаю июльские солнечные и водные ванны, но в основном это неповторимый мягкий звук - бульканье, когда я сижу там жаркими днями. Как они и все остальные вырастают в меня день за днем — сохраняя все — дикий, едва ощутимый аромат, и пестроту теней от листьев, и все естественное-целительное, стихийно-нравственное влияние этого места".

Если эти два отрывка взять вместе, то останется несколько элементов мистического влияния, оставшихся незамеченными. И насколько глубоко важен тот факт, что каждый автор инстинктивно и спонтанно связывает с прозрачным течением воды идеи жизни и здоровья! Были ли древние мифологи так уж далеки от истины? Неужели так трудно понять, почему колодцы и источники на протяжении тысячелетий пользовались доверием и привязанностью? Был ли это простой каприз, побудивший наших тевтонских отцов поместить под корнями мирового дерева три источника силы, жизни и вдохновения?

Прекрасный пример более определенно мистического использования идей, навеянных видом бьющей ключом воды, можно найти в "Земном рае" Данте — пример тем более интересный, что в нем сохраняется то, что можно назвать "элементами природы" в переживании.

"Вода, которую ты видишь, вытекает не из вены,
Восстановленной паром, который преобразует холод;
Как ручей, который периодически восстанавливает
И расходует свой жизненный пульс; но вытекает
Из источника, твердая, неувядающая, уверенная:
И, по воле всевышнего, полный запас
Питает то, что льется с обеих сторон;
На это возложена власть отнимать
Воспоминание об обиде; для этого нужно вернуть

Воспоминание о каждом совершенном добром поступке.

Отсюда его название Lethe в этой части;
В другой - Eupoe: оба из них нужно сначала
попробовать, прежде чем они действуют; последний превосходит
все остальные вкусы".

Этот отрывок, как утверждают авторитетные источники, связан со старой мистерией Прозерпины и параллелен тевтонским концепциям, описанным в предыдущей главе. Совершенно исключительным характером, но лучше всего рассматриваемым в данной связи, обладают "колодцы" восточных земель. Там, где источники родниковой воды редки и находятся далеко друг от друга, запас воды должен быть дополнен водой из искусственных карьеров, вырытых тяжелым трудом, часто в твердой породе, и оцениваться соответствующим образом. Такие "колодцы" в более строгом смысле слишком непосредственно связаны с человеческим трудом в исторические времена, чтобы позволять накапливаться вокруг них большому количеству мифического материала. Тем не менее, исходя из простого факта раздачи воды в засушливых и измученных жаждой землях, они нередко обладают богатым запасом семейных и племенных легенд. И далее, по причине их свободы от грубых суеверий, интуиция, которую они подсказывали, с самого начала была прозрачной и духовной. В таких условиях вода буквально является "жизнью". И по мере того, как углублялось представление о жизни, интуиция становилась все более тонкой.

Мы ощущаем раннюю свежесть чувства, вызванного древним звучанием, восхитительным в своей наивной непосредственности.

"Тогда спел Израиль эту песню:
Поднимайся, о колодец, пой ей:
Колодец, который выкопали князя,
Который копали знатные люди,
скипетром и своими посохами".

Углубление этого чувства произошло быстро и приняло изысканную форму в заверении пророка о том, что его народ должен "черпать воду из источников спасения". Но здесь мистицизм начал смешиваться с символизмом, и более поздние разработки этой идеи почти полностью переходят в сферу рефлексивной аналогии.

Что касается мистика природы, то он подчеркивает непрерывность чувства, с самых ранних веков до наших дней, что в феномене воды, бьющей из источника, мы имеем проявление самодетельности в виде имманентной Идеи и конкретной воли. Убежденный в справедливости своего утверждения, он не удивляется, в отличие от некоторых, тому влиянию, которое колодцы и родники оказывали и продолжают оказывать на человеческую душу.

ГЛАВА XIX

РУЧЬИ И РЕЧУШКИ

В книге Тайлора "Первобытная культура" есть поразительный отрывок, который прекрасно послужит введением к этой главе и к следующей, посвященной "Рекам и водопадам". "В те моменты жизни цивилизованного человека, когда он отбрасывает тяжелую скучную науку и возвращается к детским фантазиям, старая как мир книга природы открывается для него заново. Тогда к нему возвращаются свежие затащенные мысли о жизни ручья, которая так похожа на его собственную; он снова может видеть, как ручеек сбегает по склону холма, как ребенок, чтобы побродить, играя среди цветов; или может следовать за ним, как, превратившись в реку, он мчится через горное ущелье, отныне набирая силу, чтобы нести тяжелую ношу через равнину. Во всем, что делает вода, фантазия поэта может разглядеть ее жизненную индивидуальность. Оно дает рыбу рыболову и урожай земледельцу; оно бушует в ярости и опустошает землю; оно сковывает купальщика холодом и судорогами и держит своей неумолимой хваткой тонущую жертву. Этнография может научить этому великому элементу религии человечества, поклонению колодцу и озеру, ручью и реке, просто следующему: то, что для нас является поэзией, для древнего человека было философией; что, по его мнению, вода действовала не по законам силы, а по жизни и воле; что духи воды из первобытной мифологии подобны душам, вызывающим течение и покой воды, ее доброту и жестокость; что, наконец, человек находит в существах, обладающих такой властью приносить ему благо или горести, божества, оказывающие более широкое влияние на его жизнь, божества, которых нужно бояться и любить, которым нужно молиться, восхвалять и умиловать жертвенными дарами".

Тайлор здесь дал мастерское резюме большой группы фактов и рассмотрел их под особым углом зрения — не совсем с точки зрения природоведа-мистика, хотя и не настолько далеким от истины, как может показаться. Он не делает вид, что существовала какая-либо органическая связь между феноменами и мифологией, или даже между феноменами и чувствами, которые современный человек при определенных настроениях чувствует пробуждающимися в нем по их подсказке. Эти мифы — просто "фантазии"; "чувства" — это просто чувства "поэта". Более широкий взгляд, принятый столь многими философами и учеными (как было показано в главе об анимизме), похоже, не завоевал его приверженности — возможно, он не был известен. И все же предложение за предложением он балансирует на грани подлинного Природного мистицизма. Его симпатия к журчащему ручейку и стремительной реке глубока и непосредственна; он явно рад заново открыть "старую как мир книгу природы" и читать ее в свете "детских фантазий". Мистик природы утверждает, что то, что он считал повторением бессмысленных, хотя и приятных, "затащенных мыслей", на самом деле было приближением к сердцу природы, от

которого его унесло несовершенное понимание места и функций науки. Не то чтобы старые формы должны быть увековечены, но следует лелеять детскую проницательность.

Вода в движении в ручьях и речушках! Раскрыли ли мы ее секрет, когда рассказываем о жидкостях в неустойчивом равновесии, которые следуют линиям наименьшего сопротивления? Получение таких абстрактных терминов и законов - ценный шаг вперед, если мы помним, что они являются абстракциями. Но отдыхать в них смертельно опасно. Насколько бесконечно мудрее Уолт Уитмен в своем обращении к любимому ручью, чем человек, который хладнокровно анализирует, используя в помощь заученные формулы, и не видит и не чувствует ничего за их пределами. "Продолжай журчать, о ручеек" (воскликает Уолт Уитмен), "с этим твоим высказыванием! ... Кружись и петляй своей дорогой — я с тобой, по крайней мере, ненадолго. Поскольку я так часто преследую тебя, сезон за сезоном, ты знаешь, не считаешься со мной (хотя почему ты так уверен — кто может сказать?), Но я буду учиться у тебя и останавливаться на тебе — получать, копировать, печатать от тебя".

Значит ли это предаваться смутным антропоморфным фантазиям — хотя и не более грубым, но все же имеющим лишь субъективную ценность? Постоянство, яркость и частота таких "фантазий" доказывают, что субъективное объяснение не раскрывает всей истории целиком. Насколько естественен, в самом простом смысле этого слова, Кольридж:

"Шум, похожий на журчание скрытого ручейка
В лиственный месяц июнь,
Который всю ночь спящему лесу
Поет тихую мелодию".

Насколько серьезен Вордсворт, открывающий проблески неизвестных способов существования в своем обращении к Бруку:

"Если бы я хотел увидеть какой-нибудь твой образ
Тебя, а не тебя самого, я бы не стал делать
Подобно греческим художникам, сделай человеческие щеки
Каналами для слез; ты не должна быть Наядой — У
Нет ни конечностей, ни ступней, ни перьев, ни суставов, ни волос;
Кажется, что Вечная Душа облачена в тебя
В более чистые одежды, чем одежды из плоти и крови,
И даровала тебе более надежное благо;
Неутомимую радость и жизнь без ее забот".

И снова, какое естественное чувство заявляет о себе в восхитительном испанском стихотворении, переведенном Лонгфелло:

"Смех горы! лира птицы и дерева!
Великолепие луга! зеркало утра!
Душа Эйприл, для которой рождены
роза и жасмин, неистовствует в тебе!"

Как глубоко еще раз прозвучала нота Брауна в его строках о "Колодце":

"Я пружина —
Зачем ограждать меня бордюром?

...

О жестокая сила,
Которая не дает мне шанса
Следовать своим естественным путем;
Математическим путем
Спасаящий Бог;
Призывающий меня к заранее предопределенным обстоятельствам
И не заставляющий меня танцевать
По приятному гравию,
С музыкой, утешающей мое путешествие -
С музыкой и молодыми бутонами, которые колышутся
На свету, с корешками и кусочками мха!"

Стремление к свободе, позволяющее расширить смутно осознаваемые мистические элементы в его душевной жизни, было пробуждено в нем радостным журчанием источника. Сдерживать бесхитростный, естественный поток — значит "экономить Бога", поэтому ограничения нынешней жизни искусственно создают и заглушают божественное внутри нас. В таком сравнении есть нечто большее, чем метафора; здесь присутствует связь с имманентной идеей. Его эмоция достигает кульминации в заключительных строках:

"Остается одна вера —
В то, что через какие бы протоки ни текли,
Какие метаморфические штаммы,
Какие химические фильтрующие кольца Я пройду
Туда, где, о Боже,
Ты любишь обрушивать
Свои дожди на скалы и затемнять сферу.
Итак, когда сердце ночи затрепещет от пронзительной тишины,
Возьми меня и оплачь на пустынных холмах".

Действительно, лишь немногие обладают каким-либо чувством к природе, кого журчание и своенравные блуждания ручьев и речушек не подтолкнули к особому ходу мыслей, являющемуся результатом характерных настроений. Таким образом, мы апеллируем к нашему богатому опыту. Можем ли мы быть удовлетворены, разделяя с Тайлором его чувство разочарования? Или нам следует стремиться подобраться еще ближе к сути вещей? Если мы будем цепляться за более глубокий взгляд, для нас, как для людей древности, бегущий ручей будет петь о душе в природе.

РЕКИ И ЖИЗНЬ

Река - это всего лишь более крупный ручей. И все же в силу своего объема она проявляет черты, присущие только ей, и оказывает влияние, которое не только влияло на индивидуальные настроения и воображение, но часто глубоко изменяло и формировало судьбы народов и цивилизаций. Два выдающихся примера - это Нил и Ганг.

С незапамятных времен и до наших дней Нил привлекал к себе особое внимание удивлением и известностью. Это самая длинная река на своем континенте, а возможно, и во всем мире, и исследование ее истоков только что завершено. Она протекает по известняковой местности, по которой, если бы не ее благотворное действие, пронесли бы выжженные пески ливийской пустыни. Его периодические наводнения с их богатыми залежами аллювиальной почвы отталкивают вторгающиеся отходы и решают проблему снабжения продовольствием. Египет не без оснований называли "даром Нила".

Таким образом, эта река в значительной степени обладает всеми мистическими влияниями движущейся воды и подчеркивает их благодаря физическим и историческим особенностям исключительной важности. Что удивительного, что она оказала столь непосредственное влияние на духовное развитие людей на своих берегах и что она вошла в самую ткань их жизни! Для египтянина это была преимущественно священная река, считавшаяся одной из первобытных сущностей, стоявшая в одном ряду с теми высшими божествами, которые не были видимыми объектами поклонения. Как форма Бога, "его нельзя (говорит древний автор гимнов) изобразить в камне; его нельзя увидеть в скульптурных изображениях, на которые люди возлагают соединенные короны Севера и Юга, украшенные уреями". Оказанная таким образом честь была лишь соизмерима с благословениями, которые он принес. Ибо в том, что могло бы стать долиной смерти, он был единственным источником и опорой жизни. Следующая цитата из только что упомянутого прекрасного гимна укажет на привязанность и мистические эмоции, которые он внушал. "Почтение тебе, о Хапи! (то есть Нил). Ты пришел в эту землю и пришел с миром, чтобы оживить Египет, о ты, сокрытый, ты, проводник тьмы, когда бы тебе ни было угодно быть ее проводником. Ты поливаешь поля, которые сотворил Ра, ты даешь жизнь всем животным, ты даешь земле непрестанное питье; ты спускаешься по небесному пути, ты - друг мяса и питья, ты - податель зерна, и ты делаешь процветающим каждое рабочее место, о Птах! ... Если бы ты был побежден на небесах, боги рухнули бы вниз головой, и человечество погибло бы".

В этом отрывке мистик наблюдает, как естественная способность текущей воды предполагать спонтанное движение и, следовательно, жизнь, подчеркивается и определяется реальными результатами благотворного разлива реки. И делается следующий шаг, когда к Хапи обращаются по именам Птах (как указано выше) и Хнемуу; ибо таким образом его не путают с богами, названными таким образом, но, будучи великим поставщиком жизни для земли, он, как

и они, рассматривается как созидательная сила. Таким образом, развитие предложенных идей по существу параллельно тому, что описано в главе о тевтонских мифах о трех подземных колодцах и Мировом древе.

Но могут ли какие-либо отличительные черты египетской религии быть прослежены до влияний, оказанных феноменами Нила? Наиболее определенно это так - особенно в двух направлениях. Эта религия полна контрастов; она представляет мир как арену титанического конфликта. Царство Осириса противопоставлено царству Тифона — созидание разрушению. И главным фактором, повлиявшим на формирование формы, в которой были задуманы эти контрасты, несомненно, был Нил. С одной стороны, бесплодные скалы и выжженный песок, а с другой - оплодотворяющая сила священного потока. Повсюду бескрайние пустынные места, а вдоль реки - гул изобильных сообществ и богатая полнота процветающих цивилизаций. Очевидно, что для египтянина мир был ожесточенной повторяющейся битвой между жизнью и смертью.

И отсюда вытекает второе большое влияние, которое можно приписать знаменитой реке. Египтянин твердо усвоил и полностью развил доктрину бессмертия. Несомненно, многие факторы способствовали той особой форме, которую приняла его вера, но ни один из них не был более важным, чем постоянно обновляющийся дар жизни, который приносил Нил из неведомого и невидимого мира. Отсюда также вытекает связь между богом Нила и Осирисом, богом воскресения. Столь глубокое влияние оказали на мировоззрение и духовный опыт египтян мистические силы Нила — воплощенные в них имманентные идеи. Египтяне, в свою очередь, повлияли на евреев, греков и римлян; а они, опять же, повлияли на расу. Кто оценит воздействие на человеческий разум физических явлений, происходящих в этой единственной реке?

Когда мы обращаемся к истории о Ганге, на ум приходит еще одна мистическая концепция — концепция очищения. Это явно вытекает из очищающих свойств воды и выполняет важную функцию в развитии определенных моральных идей и идеалов. Купание в проточной воде для очищения тела от загрязнений привело к концепции очищения души и объединилось с ней. Но даже при этом доминирующее внушение жизни заявляет о себе, что особенно очевидно в случае христианского крещения, где омовение водой символизирует не только очищение души, но и новое рождение, высшую жизнь духа. Именно имея в виду эти смешанные концепции, мы лучше всего поймем историю Ганга.

Все крупные реки Индии рассматриваются как обители и проводники божественной сущности и, следовательно, обладают силой очищать от моральной вины. Их берега, от истока до моря, являются священной землей, и паломники прокладывают свой путь по ним, чтобы заслужить заслугу — заслугу, которая измеряется годами путешествия и святостью ручья. Из всех великих рек на этой древней земле, Ганг - самая благородная. Мать Ганга возвышается над всеми. Такой воды, как у нее, нет, чтобы смыть пятна самых отвратительных преступлений. У нее есть группы священников, которые называют себя ее "Сыновьями" и которые ведут паломников вниз по ступеням, окаймляющим ее берега, помогают им в омовении и объявляют их чистыми. Умереть и быть похороненным у ручья само по себе достаточно, чтобы завоевать доступ в царство блаженства. "Те, кто даже на расстоянии ста лиг кричит "Ганга, ганга", искупают грехи, совершенные в течение трех предыдущих жизней". Короче говоря, влияние, которое река оказала на чувства и воображение индусов, удивительно прочно и надолго.

Конечно, столь знаменитая река окутана мифами и легендами, характеризующимися, в данном случае, расточительностью восточного ума. Нет необходимости останавливаться на них, за исключением того, что они приписывают священному потоку божественное происхождение; ощущение силы и движения, исходящее из мира невидимого, не менее сильно, чем то, которое вызывает Нил; хотя оно находит странно отличающиеся способы выражения, его сущностный характер тот же. Интересным и типичным является индуистское поверье о том, что место, где сливаются воды Ганга, Джамны и Сарасвати, является одним из самых почитаемых в стране святых мест. "Эти три священные реки образуют своего рода Три-мурти, или триаду, часто персонифицируемую в виде богинь и называемую "Матерями". "Принимая во внимание такие факты, было бы трудно преувеличить влияние рек на развитие спекуляций и практики индуистов, и особенно на их мистицизм.

Такие интуиции и верования обретают свой полный расцвет в концепции реки жизни — чистого, как хрусталь, потока, который с ликующим движением вперед приносит людям трепет надежды и вдохновение на продвижение в запредельный мир. Он пульсирует и раскачивается в великолепном солнечном свете — в нем отражается небесная синева — он великолепно проносится незапятнанным потоком мимо любого препятствия и прорывается сквозь все преграды:

в ille

Labitur et labetur in omne volubilis aevum.

Да, Нил, Ганг, Рейн, Темза и тысячи других знаменитых рек играли и продолжают играть свою роль в космической драме и в развитии духовной природы человека. Поколение за поколением обнаруживало, что они способны вызывать особые эмоции и побуждать к глубоким размышлениям о тайне жизни. И все эти силы сконцентрированы и возвышены в этом великолепном видении "реки воды жизни, текущей от престола Божьего".

ГЛАВА XXI

РЕКИ И СМЕРТЬ

Мир фактов, в не меньшей степени, чем мир абстрактной мысли, полон противоречий и неразрешенных антиномий. Вот одно из таких противоречий или антиномий. Было показано, что движущаяся вода наводит на мысль о жизни. Но напротив нее мы находим намек на смерть. Действительно, вера в реку смерти была широко распространена — поразительный контраст с вдохновляющим мистицизмом реки жизни. Мифология старого света в различных формах, но с основополагающим единством концепции, учила, что существует река или залив, который должна пересечь уходящая душа на своем пути в страну ушедших. Очевидно, расширение первоначальной мысли до охвата ее кажущейся противоположности имеет основание в природе вещей. Его наиболее подробное изложение содержится в древних мифах о нижних областях и семи потоках, которые их орошали — от Стикса, который после девятикратных утомительных скитаний ограничивал Тартар, до того места, где

"Вдали от них течет медленный и безмолвный поток,
Лета, река забвения".

Христианство также не побрезговало адаптировать эту идею. Баньян, например, приводит двух своих паломников к небесному Граду. Теперь я увидел дальше, что между ними и воротами была река; но моста не было, и река была очень глубокой. Поэтому при виде этой реки паломники были сильно ошеломлены; но люди, которые шли с ними, сказали: "Вы должны пройти через нее, иначе вы не сможете войти в ворота".

Какой наводящей силой обладает река, чтобы вызвать эту более мрачную череду размышлений? Несомненно, это воплощено в старой пословице — Следуй за рекой, и ты придешь к морю. Клаф в своем маленьком стихотворении "Поток жизни" завершает его ноткой грусти, почти отчаяния:

"О конец, к которому стремятся все течения,
Неизбежное море,
К которому мы плывем, что мы знаем,
Что нам догадаться о тебе?

Рев, который мы слышим на твоём берегу,
Когда мы выполняем наш курс;
Едва мы догадываемся, что солнце засияет
И все еще будет над нами".

Стремительный поток и низвергающийся водопад сами по себе оказывают влияние, пробуждая интуицию о чем-то большем, чем человеческая жизнь и могущество. Ослепительные и стремительные радуги брызг вызывают к зрению — внутреннее ритмичное звучание от более легких тонов, которые разлетаются вокруг, как ноты волшебной арфы Стрема Карла, или манящей песни Лорелеи, до грома Ниагары, диапазон природы, звучащий самой низкой нотой, которую могут уловить уши смертного, вызывают к чувству слуха — и в основе всего этого лежит смутное ощущение непреодолимой силы. Как трогательна, как глубоко правдива история в "Эккехарде" о маленьком мальчике и его сестре, которые блуждали, пока не добрались до Рейнфалля. Там, любясь размахом этого великолепного водопада, малыш бросает в изумрудные водовороты у своих ног золотой кубок в качестве подношения Богу, который, как он чувствовал, был так близок. Подсознательно он был прирожденным мистиком. Движение, звук и цвет в сочетании создавали в нем то, что они должны вызывать во всем, - ощущение имманентной

Реальности, самодвижущейся, самодостаточной. И все же даже водопад может навести на совершенно другие мысли — о нисходящем потоке от свежести юности к расширяющемуся потоку зрелости, идущему на убыль к старости и последнему погружению. Само падение, таким образом, передавало бы смутные ощущения потери силы - потери, которая набирает скорость по мере приближения конца. Так в хорошо известной "Реке жизни" Кэмпбелла:

"Когда радости утратили свой цвет и дыхание,
А сама жизнь пресна,
Почему, приближаясь к Падению Смерти,
мы чувствуем, что ее течение ускоряется?"

Если стремнины и водопады рек могут навевать на столь печальную череду размышлений, то насколько более печально то, что они заканчиваются в океане! Старость и смерть вряд ли могут не утвердиться в умах тех, кто плывет по какой-нибудь благородной реке и медитирует:

"Когда берега становятся все более тусклыми,
Когда появляются звезды и дует ночной ветер
Приносит с собой журчание ручья
и ароматы бесконечного моря".

Допуская, что впадение реки в море предполагает завершение жизни в том виде, в каком мы ее знаем здесь, должны ли мы также допустить, что мистик-натуралист должен уступить место частичной, если не абсолютной, склонности к пессимизму? То, что мистик-натуралист должен быть пессимистом, казалось бы аномалией. Ибо он считает, что может поддерживать живое общение с Реальным; и такое общение, несомненно, несло бы с собой сильную надежду, если не убеждение, что изменение материальной формы не может повлиять на внутреннее существо, назовем это духовной сущностью, частным проявлением которой является эта форма. Отрицайте, что у природы есть душа, и оптимизм превратится в ужасную насмешку. Поверьте, что природа и человек связаны друг с другом как родственные формы духовного существования, и тогда, хотя формальных доказательств бессмертия на самом деле не будет, появится интуитивная вера в будущее. Каковы могут быть последствия такого доверия, предстоит определить различным философиям и теологиям; но, если принять его за наименьшую ценность, оно обезопасило бы человека от пессимизма.

В свете этих общих наблюдений давайте рассмотрим частный случай, представленный сейчас. Река вливается в море — она поглощается - ее существование как реки прекращается. Но "субстанция" его бытия остается; рассеянная в более обширном целом, но не утраченная. Что это за более обширное целое? Если мы рассматриваем это как Абсолют, то, возможно, есть основания для пессимизма. Если, как и некоторые ученые, мы не остановимся на сохранении энергии, впереди нет ничего, кроме пустоты. Но если мы придерживаемся сохранения ценностей, по крайней мере, как параллели с этим сохранением энергии, мы вынуждены придерживаться также сохранения всего, что является высшим в индивидуальностях. Ибо ценности подразумевают способы бытия, которые могут позволить переживать ценности как таковые. И непосредственное общение Природного Мистика со своим окружением рассматривается как один из способов, с помощью которого индивидуальный центр жизни учится все больше жить жизнью Целого - тотальной Реальностью. Таким образом, там, где сохраняются ценности, происходит не поглощение, а все более богатоесодержание опыта, все

более глубокое понимание его значимости и все более острое наслаждение материалом, который он дает.

Как частный случай оптимистического вероучения, основанного на интуиции сущностного родства всех вещей, полезно изучить поэзию суфийского мистика XIII века. Насколько тонкая мысль заключена в следующих строках:

"Когда человек перешел от растения к животному состоянию,
у него не осталось никаких воспоминаний о своем растительном состоянии,
кроме склонности, которую он испытывал к миру растений,
особенно в пору весны и сладких цветов".

Что это, как не предвосхищение "Нарциссов" Вордсворта или даже его "Оды Бессмертию"?

Концепции и фразеология теории переселения - это всего лишь временные формы, в которые облачается глубокая мысль: во всяком случае, они не являются необходимыми дополнениями к этой мысли; они также не препятствуют симпатии к следующему сжатому изложению мировой философии того же мистика:

"Я умер от минерала и стал растением;
я умер от растения и вновь появился как животное;
я умер от животного и стал человеком.
Почему же тогда я должен бояться? Когда я стал меньше от смерти?
В следующий раз я умру от человека
Чтобы у меня могли вырасти крылья ангела.
От ангела я тоже должен уйти.
Все погибнет, кроме Его лица".

С таким пониманием мистику не нужно бояться, потому что река впадает в море! Несмотря на внешность, идея жизни все еще может царить безраздельно. Река смерти воплощает истинное понимание — но только переходного, а не постоянного состояния. Мы умираем, чтобы жить более полно.

Это чувство непрерывности течения потока жизни и неизменности его существования во всех превращениях было поразительно выражено Джеффри. Он сидит на заросшем травой кургане, где две тысячи лет назад был похоронен какой-то старый воин, и его мысли скользят назад, к тому промежутку времени. "Две тысячи лет, которые являются секундой для души, не могут привести к ее исчезновению. ... Покоящийся у кургана дух человека, который был похоронен там, был для меня действительно живым и очень близким. Это было вполне естественно и просто, как колышущаяся на ветру трава, жужжание пчел и песни жаворонка. Только сильнейшим усилием разума я мог понять идею исчезновения; это было сверхъестественно, требовало чуда; бессмертие души естественно, как земля. Слушая шелест травы, я ощущал бессмертие так же, как ощущал красоту летнего утра, и я думал о том, что находится за пределами бессмертия, о других условиях, более прекрасных, чем существование, более высоких, чем бессмертие".

Позвольте Моррису суммировать мысли и эмоции, вызванные мистическим влиянием воды, текущей вперед, чтобы влиться в океан.

"Теки дальше, о мистическая река, теки дальше через пустыню и города;
Прерывистый или плавный поток устремляется в Бесконечное море.
Кто знает, что побуждает тебя к этому?

...

Конечно, мы совсем не знаем, но цикл Бытия вечен,
Жизнь вечна, как смерть, слезы вечны, как радость.

Как тек ручей, так и будет течь; хотя он сладкий, все же море будет горьким;
Загрязняет его нечистотами, но Дельты зеленеют, а океан прозрачен.

Солнце и ветры всегда будут освещать его широкую поверхность и собирать
несколько более чистых капель из его глубин, чтобы они плыли в облаках по небу;
Скоро они снова упадут и наполнят полноводную реку.

Вращайся же, о мистический круг! теки вперед, невыразимый поток!"

ГЛАВА XXII

ОКЕАН

Океан! В чем его мистическое значение? Вопрос, столь же полный жизненных проблем, как и его физический объект, обширен и глубок. Бесконечно разнообразный и все же неизменный; нежный и все же ужасный; лучезарный и все же ужасный;

"Затишье или конвульсии, при бризе, шторме или буре,
Обледенении полюса или в жарком климате
Темное вздымание"—

нет ни настроения, с которым океан не мог бы связать себя, ни проблемы, на решение которой он не мог бы намекнуть, пусть и туманно. Попытаться описать его внешние явления было непростой задачей — гораздо труднее было разобраться с его разнообразным влиянием на души людей.

Пусть этот подход будет основан на мифологии. Было показано, что Фалес частично руководствовался своим выбором Воды в качестве *Источника Света* из-за ее места и функции в древних космологиях. Многочисленными и широко распространенными были мифы о

первобытном океане, из которого возникла структурированная вселенная. Вавилонская табличка повествует о времени, предшествовавшем временам, "когда вверху еще не возвышались небеса, а внизу, на земле, не росло растение; бездна также не разрушала своих границ. Хаос, море, было производящей матерью всего этого". Отрывок из Ригведы также говорит о времени, или, скорее, о безвременье, которое предшествовало всему сущему. "Тогда не было ни смерти, ни бессмертия; не было различия между днем и ночью. Только *Нечто* дышало без дыхания, внутренне обращенное к самому себе. Кроме этого, не было ничего". И как эти древние мистики лучше всего представляли себе первобытное, или неподвластное времени, *Нечто*? "Что было покрывающим покровом всего сущего?" — спрашивают они сами. И они отвечают другим вопросом — "Была ли это глубокая бездна воды?" Они думают о ней как об "океане без света". "Тогда (говорят они) из небытия, окутанного пустым мраком, возникло Желание (Любовь), которое было первым зародышем разума. Этот любовный импульс Мудрецы, ищущие в своем сердце, распознали как связь между Бытием и Небытием". Как глубоко погружение здесь в сферу абстрактной мысли! И все же мистическое влияние океана на примитивный разум было настолько тонким и сильным, что оно заявляло о себе как о рабочем элементе в их самых заумных рассуждениях.

И это мистическое влияние, предполагающее тайны происхождения, не перестало действовать. Вот Теннисон, обращаясь к своему новорожденному сыну:

"Из глубины, дитя мое, из глубины".

И снова, приближаясь к концу своей собственной жизни, он задевает ту же старую мистическую струну:

"Когда то, что черпало из бескрайних глубин
Возвращается домой".

Вордсворт, конечно, почувствовал силу этой рожденной в океане интуиции и уверяет нас, что здесь и сейчас:

"Хотя мы далеко в глубь материка,
Наши души видят это бессмертное море
Что и привело нас сюда.

И представляет большой интерес как модернизация древней концепции "*Чего-то*, что дышало без дыхания", его призыв:

"Слушай, могущественное Существо пробудилось,
И своим вечным движением творит
Звук — подобный раскату грома - непрекращающийся".

Будет невозможно сделать больше, чем привлечь внимание к тем главным характеристикам океана, которые отвели ему такое большое место в умах людей. И прежде всего, необъятность моря, которое вызывает смутные предчувствия тайны и бесконечности. Вид его безграничных просторов все еще обладает этой силой. "Море (говорит Холмс) принадлежит вечности, а не времени, и об этом оно поет во веки веков". Насколько же естественна в таком случае тенденция только что упомянутой мифологии и вера в первобытный океан — бесформенную бездну — Тиамат, — которая, как великолепно выразился Мильтон, такова:

"Утроба природы и, возможно, ее могила".

Но к мистическому влиянию абсолютной безграничности добавляются проявления силы и величия, которые вызывают благоговейный трепет и изумление у тех, кто "спускается к морю на кораблях и совершает свои дела в больших водах". В сознании первых мореплавателей переживание ужасов моря порождало чувство родства с враждебными силами. Одно из древнейших арийских слов, обозначающих море, немецкое *Meer*, древнеанглийское *Mere*, означает смерть или разрушение; а разрушительное действие необузданной элементарной силы океана нашло олицетворение в тевтонском Oegir (Ужас) с его наводящей ужас дочерью и морской богиней Ран, его женой, которая бушевала во время штормов и топила корабли. Восточные народы, включая евреев, считали море обителью злых сил, о чем убедительно свидетельствуют некоторые видения в Книге Даниила. И это ощущение действия враждебных сил все еще не исчезло. Виктор Гюго прекрасно использует его в своем описании шторма в "Тружениках моря".

Джеффрис всегда был глубоко потрясен необъятностью и силой моря. "Позвольте мне стартовать, - пишет он, - и переплыть вон тот край моря, а когда над ним поднимется другой край, снова вперед, во все расширяющийся океан идей и жизни. Ибо со всей силой волны и следующей за ней волны, глубиной и стремительностью прилива, четкостью очертаний неба; со всей утонченной мощью великого моря поднимается равное желание. Дай мне жизнь сильную и полную, как океан, наполненный до краев; дай мне мысли широкие, как его равнина. . . . Моя душа, возносящаяся к необъятности, произносит свое желание-молитву со всей силой моря".

Во многих своих аспектах океан может стимулировать и смягчать настроение грусти. Особая сила игры волн приберегается для следующей главы. Но более общие влияния этого характера многочисленны и имеют несомненное значение. Бескрайнее одиночество его водных, беспокойных равнин; его неизменность; его кажущееся пренебрежение к человеческим судьбам; тайны, погребенные под его вздымающимися водами, — эти и множество подобных явлений связаны с более печальными мечтами человека. Моррис спрашивает:

"Мир, стонущее море; какую историю ты можешь рассказать,
Какие мистические вести, ранее неизвестные?"

Его ответ выражается в тоске по нереализованному:

"Голос тоски, глубокой, но едва выраженной,
По чему-то, чего нет, но что еще может быть;
Слишком полный печального продолжения, чтобы забыть,
Слишком обеспокоенный желаниями, чтобы успокоиться,
Слишком противоречивый, чтобы когда-либо быть благословенным".

С этим резко контрастирует бодрящая, тонизирующая сила моря. Кольридж, вновь оказавшись на морском берегу, восклицает:

"Да пребудет с тобой Бог, радостный Океан!
С какой радостью приветствую я тебя еще раз".

Майерс подчеркивает тот факт, что Суинберн в своей главной автобиографической поэме "Талассий, или Дитя моря" раскрывает природу, для которой игра стихий океана является

сильнейшим стимулом. Автор этого стихотворения рассказывает, как однажды он удалился, потакая личным чувствам, и как его мать, море, отозвала его из таких странствий в

"очаруй его из обособленного чувства его собственной души
бесконечным и агрессивным влиянием,
Которое сделало силу в нем сладкой, а сладость сильной,
Теперь он больше не певец, а песня".

И сродни этому волнующему воздействию на чувствительность поэта является то, что оно оказало масштабное влияние на формирование характеров и судеб мореплавательных наций. Лонгфелло твердо усвоил этот исторический факт:

"Хочешь ли ты (так ответил рулевой)
Узнать тайну моря?
Только те, кто отваживается на его опасности,
Постигают его тайну".

Морские песни Аллана Каннингема представляют собой классическое выражение духа в его современном обличье, воплощенное в британском моряке — защитнике острова, "окруженного нетронутым морем":

"Море! море! открытое море!
Вечно свежее, вечно свободное".

Байрона можно критиковать за то, что он слишком сознательно "позирует" в своем известном обращении к океану; тем не менее, в нем чувствуется дух викингов:

"И я любил тебя, Океан! и моя радость
Юношеский спорт был на твоей груди, чтобы быть
Носимым, как твои пузыри, вперед: от мальчика
Я мечтал о твоих волнах".

В чем суть этой жизнерадостности и воодушевления викингов? Несомненно, чувство свободы, вдохновленное жизнью в океане и усиленное теми самыми трудностями и опасностями, которые влечет за собой эта жизнь.

Таким образом, накапливаются свидетельства того, что настоящее, при всем его материализме, наследует сущность древнего мистицизма; или, скорее, оно открыто для тех же импульсов и интуиций, какие бы измененные формы они ни принимали. С одной стороны, бесконечная сложность развивающейся душевной жизни человека; с другой - безграничный диапазон настроений и аспектов океана: они духовно связаны высшим сообществом природы: глубинные призывы к глубинным: ответ живой и вечный.

ГЛАВА XXIII

ВОЛНЫ

Самая знакомая привлекательность океана - это волна, которая набегаёт на его поверхность или разбивается о его берега. Поэты нашли здесь неисчерпаемую тему. Художники приложили здесь все свои силы. Будь то крошечная рябь, затихающая на извилистом песке, или веселый, шуршащий прибой с гребнями, который спешит разгуляться в каменистых заводях, или штормовой вал, который яростно набрасывается на окованный железом берег, поднимая вверх столбы брызг или обрушивая свою угрожающую массу на дрожащий берег, — в любой форме волна представляет собой трогательное чудо. При каждом изменении контура и взаимодействии изгибов его линии всегда отличаются неподражаемым изяществом. Его цветовые оттенки, полупрозрачная опалесценция, обрамленная мерцающими зелеными и нежно-серыми тонами, окутанная сиянием пены, обладают неподражаемым очарованием. Его гамма звуков, слабое шуршание волны о галечный пляж, ритмичный подъем и спад набегающего прибоя, рев и визг прибоя и грохот прибоя обладают неподражаемым диапазоном. Что за чудо, что даже обычные сыны человеческие с радостью поддаются чарам, которые они не могут проанализировать, довольствуясь тем, что задерживаются, созерцают и размышляют!

Если очарование волн завораживает обычного смертного, то насколько больше тех, чьи эстетические и духовные чувства обострены и дисциплинированы? Кольридж, слушая шум прибоя с закрытыми глазами, но с настороженным умом, обнаруживает, что его мысли возвращаются к

"тот слепой бард, который на берегу Чиян
этими глубокими звуками, одержимый внутренним светом,
Узрел "Илиаду" и "Одиссею"
Поднимись к волнующемуся голосащему морю".

Суинберн, слушая ту же музыку, восклицает:

"Да, несомненно, море, как арфист,
Положило свою руку на берег, как на лиру".

Иногда акцент делается на сочувствии борющимся силам, проявляющемся в непрекращающейся активности океана, когда он

"бьется о суровый безмолвный берег
Бурная страсть его могучего сердца".

Иногда акцент делается на субъективном настрое, который вызывает эта деятельность:

"Разбивайся, разбивайся, разбивайся,
О свои холодные серые камни, о море.
И я хотел бы, чтобы мой язык мог выражать
мысли, которые возникают у меня",

Иногда они неразрывно сливаются, как в песне "Am Meer", так изысканно положенной на музыку Шуберта, где ритмичное эхо вздымающегося прилива сопровождает бушующие эмоции встревоженного сердца.

Непосредственное впечатление, производимое объективными явлениями игры волн, находит обильное выражение во всем спектре литературы — не в последнюю очередь ярко у Теннисона. Как прекрасно он изобразил волну в открытом море.

"Как бурная волна в широком Северном море
Зеленое мерцание, устремленное к вершине, несет со всей
Его бурные гребни, которые дымятся на фоне небес,
Опускаются на кору и господствуют над ней,
И над тем, кто ею управляет".

Насколько прекрасно также описание волны, разбивающейся о ровный песчаный пляж:

"Гребень какой-то медленно изгибающейся волны,
слышимый глухой ночью вдоль этого плоского берега,
обрушивается плашмя, и после того, как большие воды разбиваются
Белеют на пол-лиги и истончаются,
Далеко над песками, подернутыми мрамором луны и облаков,
Превращаясь все меньше и меньше в ничто.

Что касается настроений, стимулируемых таким образом, то наиболее часто провоцируемым, по-видимому, является настроение печали. Или правильнее было бы сказать, что те, чьи мысли окрашены меланхолией или отягощены печалью, находят в беспокойных, бесконечных бросках волн своих самых подходящих спутников?

Как печален этот отрывок французского поэта-философа Гийо. "Я помню, что однажды, сидя на пляже, я наблюдал, как сомкнутые волны накатывают на меня. Они непрерывно появлялись из морских просторов, ревушие и белые. За одним, умирающим у моих ног, я заметил другого; и еще дальше за этим, еще одного; и еще дальше, и еще - множество. Наконец, насколько я мог видеть, весь горизонт, казалось, поднялся и покатился ко мне. Там был резервуар бесконечных, неисчерпаемых сил. Как глубоко я чувствовал бессилие человека остановить движение всего этого океана! Дамба может разбить одну из волн; она может разбить сотни и тысячи волн; но разве огромный и неутомимый океан не одержит победу? И этот прилив казался мне образом всей природы, атакующей человечество, которое тщетно желает направить свое течение, запрудить его, овладеть им. Человек храбро борется; он умножает свои усилия. Иногда он считает себя победителем. Это потому, что он не смотрит достаточно далеко вперед и потому, что он не замечает далеко на горизонте огромные волны, которые рано или поздно должны разрушить его работу и унести его самого".

Подобный ход мыслей находит поэтическое выражение в романе Мэтью Арнольда "Пляж в Дувре".

"Подойди к окну, ночной воздух сладок!
Только от длинной струи
Там, где море встречается с озаренной луной землей
Послушай! ты слышишь скрежещущий рев
Из камешков, которые волны отбрасывают назад и
выбрасывают,
возвращаясь, на высокую отмель,
Начинаются и прекращаются, а затем начинаются снова,
С трепетной медлительностью, и вносят
вечную ноту печали..... ...
Софокл слышал это давным-давно,
слышал на Эгейском море, и это вызвало
в его сознании мутные приливы и отливы
О человеческом страдании; мы
находим также в этом звуке мысль;
Слыша его у этого далекого северного моря".

И мысль! "Меланхоличный, протяжный, удаляющийся рев" Моря Веры, отступающего вниз по "голой гальке мира"!

Но если пессимистическое настроение, таким образом, может найти поддержку в наблюдении за морскими волнами, то не менее верно, что то же влияние может развить и стимулировать обнадеживающее и радостное настроение. До Софокла был Эсхил. Величайшим героем этого раннего поэта был Прометей, друг человека, который, измученный, но непоколебимый, взирает со своей кавказской скалы на проявления первозданной природы. Как возвышенна его привлекательность!

"Небесный эфир, и Ветры, не устающие летать,
Реки, чьи источники не иссякают, и ты, Море
Смех бесчисленными волнами!"

Ему ветры и волны приносили послание неутомимой энергии — движение, блеск, вселяли свежую жизнь и надежду. Идеи, присущие океанской волне, столь же разнообразны, как и человеческий опыт, с которым они сродни.

Или возьмем другую группу этих идей, имманентных феноменам волны, — группу, которая пробуждает и возвращает эстетическую сторону природы человека. Очень показательным в этом отношении является тот факт, что не только у греков, но также у индусов и германцев богини красоты были рождены волнами. Когда Афродита ходила по земле, цветы распускались у нее под ногами; но местом ее рождения был гребень смеющейся волны. Так Кама, индуистский Купидон, и Апсары, прекрасные нимфы, поднялись с волнуемой ветром поверхности моря, влекомые ввысь струящимся туманом под лучами жаркого солнца. Точно так же тевтонская Фрейя обрела форму в рожденных морем облаках верхнего слоя воздуха.

Красота волны, танцующей, подбрасывающей или разбивающейся, должно быть, с самых ранних дней глубоко проникла в сердце и воображение человека и оказала глубокое влияние на

его мифологию, искусство и поэзию. Мы прослеживаем это влияние в древности по мифам о Посейдоне с его морскими коньками и отрядами тритонов, nereид и океанид — все без исключения придавало смысл смутным интуициям и подсознательному восприятию физической красоты океана.

А что касается наших собственных ближайших предков, то мистическое очарование океанской волны глубоко проникло в их суровые души. "Когда ты так танцуешь" (говорит Шекспир девушке), "Я желаю тебе морской волны, чтобы ты никогда не могла делать ничего, кроме этого". Опыт бесчисленных наблюдателей волны лег в основу этого желания!

И, как было убедительно доказано цитатами наших современных поэтов, мистические чары набирают силу по мере того, как эстетические способности человека становятся острее и дисциплинированнее. Современный мистик природы не нуждается в воображаемых олицетворениях, чтобы приобщиться к красоте, тайне океанской волны. Он воспринимает это как проявление определенных способов бытия, которые сродни ему самому и которые говорят с ним на языке, слишком простом, чтобы его можно было проигнорировать или неправильно истолковать. Человеческое знание еще не продвинулось достаточно далеко, чтобы более точно определить такие способы переживания; но факт переживания остается.

ГЛАВА XXIX

ТИХИЕ ВОДЫ

Tiefer Stille herrscht im Wasser,
Ohno Regung ruht das Meer,
Und bekümmert sieht der Schiffer
Glatte Fläche rings umher.

Keine Luft von keiner Seite!
Todesstille fürchterlich!
In der ungeheuern Weite
Reget keine Welle sich.

Так Гете в этом маленьком стихотворении из двух строф с виртуозной легкостью, несущей убежденность, намекает нам на неуловимую силу морского штиля. Гора тарн, находящаяся наедине с небом, обладает особым очарованием. Сверкающие поверхности озера в нижних ложбинах холмов; тихие участки реки, где поток, кажется, останавливается и набирается сил для своего дальнейшего течения; даже тихая заводь, которая прячется на лугу среди ольхи и ив: в каждом из них есть свое особое очарование — очарование, которое трудно поддается анализу, но которое почти универсально по своему диапазону притягательности. Но могущественнее всего этот Мерестиль, это затишье на море — когда, как прекрасно переводит Боуринг второй стих Гете:

"Ни один зефир не движется!
Тишина, страшная, как могила!
В могучей пустыне океана
Покоится каждая волна".

Тернер в своей "Liber Studiorum" попытался изобразить спокойствие на море. Эта картина - не самая удачная из его работ, но такой великий художник не мог не ухватиться за существенные черты своего предмета. Солнце возвещает о своем пришествии, отбрасывая вверх сквозь туманы и облака поток рассеянного света, который наполняет сцену мягким всепроникающим сиянием. Поверхность воды стеклянная, не намного более плотная, чем дымка, которая плавает над ней. Но каким бы глубоким ни был спокойный старый океан, он не может полностью забыть о своем врожденном беспокойстве; он мягко подталкивает вперед череду медленных подъемов и спадов, с широкой рябью, обозначающей их границы и говорящей об иссякших волнах и далеко vzdымающихся приливах. Движение вод как бы ощущается подсознательно, а не воспринимается; или, если и воспринимается, то теряется во всепроникающем ощущении безмятежного простора. Лодки и их обитатели не только не нарушают ощущение спокойствия, но и усиливают его. А невозмутимая поверхность воды становится ощутимо неосоздаваемой благодаря магии отражений.

Моррис дал нам словесную картинку аналогичного значения.

"О, смотрите! море уснуло,
Парус все еще бездействует;
Все еще поднимающаяся из внешних глубин
Низкая волна рыдает на берегу.
Безмолвная темная пещера убывает и заполняется
Безмолвно колышутся широкие сорняки;
И все же вон та сказочная бахрома брызг
Рождается из волн, огромных, как холмы".

Джеффрис дает нам сопутствующую фотографию спокойного моря при ярком солнечном свете. "Сразу же впереди начинался глубокий спуск в чашеобразную впадину, которая принимала и доносила до меня слабый шум летних волн. Там лежала необъятная морская равнина, бледно-зеленая под непрекращающимся солнечным светом, как будто жара испарила из нее весь цвет; отчетливого горизонта не было, его окутывал тепловой туман, и он казался дальше, чем мог бы быть горизонт".

В каждом из этих морских пейзажей находят место одни и те же существенные черты — спокойный простор без каких-либо определенных границ— тишина, игра нежных красок, намеки на отдых после тяжелого труда, умиротворение после шторма — и, прежде всего, странно волнующий контраст мощи и мягкости, намеков на скрытую силу. Несомненно, в них кроется секрет большей части мистического влияния могучего океана в его самых безмятежных настроениях; несомненно, в них мы видим проявления имманентных идей, которые обладают неуловимой силой подчинять человеческую душу задумчивости и непривычному покою.

Схожие с ними по общему характеру и функциям, за исключением элемента необъятности, они оказывают влияние на спокойствие вечерних пейзажей. У Гете есть изысканный фрагмент, который является подходящим дополнением к его стилю:

Ueber alien Gipfeln
Ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vögelein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

Так перевел Боуринг:

"На холме затихает легкий ветерок
;
Едва уловимый зефир
Мягко колышет
деревья;
Лесная птица спит на ветке.
Тогда жди, и ты
Скоро обретешь покой".

Кто не сочувствует, в той мере, в какой это возможно для него, интерпретациям и предчувствиям Вордсворта?

"Это прекрасный вечер, спокойный и свободный,
Святое время тихо, как монахиня
Затаив дыхание от обожания; яркое солнце
садится в своем спокойствии;
Нежность небес лежит на море".

И менее известный отрывок:

"Твой час покоя, пурпурный канун,
Но пока богоподобное желание или божественная надежда
наполняют мой дух, я никогда не смогу поверить
Что это великолепие всецело принадлежит тебе!
— Из миров, не оживленных солнцем
Часть подарка выиграна".

Да, мистик природы вполне мог бы довольствоваться влиянием затишья на море или мирного заката. Они будут сохранять свою силу до тех пор, пока есть человеческие глаза, которые можно увидеть, и человеческие эмоции, которые можно пробудить.

Не последнее из очарования стоячей воды — то, о котором говорилось в описании картины Тернера, - очарование отражений. И здесь мы обнаруживаем свежую жилу мистицизма природы. Как говорит Хоторн, "нет фонтана настолько маленького, чтобы в его недрах неотражались небеса". Более того, как хорошо известно художникам, сами лужи на проселочной дороге или лондонской улице могут преобразиться, отражая таким образом свет и краски, и стать незаменимыми элементами композиции.

Феномены совершенного отражения часто обладают исключительной красотой. Насколько совершенен эффект строк Вордсворта:

"Лебедь на озере Свит-Сент-Мэри"
Плывет вдвоем, лебедь и тень".

И, в более общем плане, о другом озере:

"Само море
кажется твердым, как цельный кристалл, бездыханным, чистым
и неподвижным; и, на взгляд смотрящего,
Глубже океана, в необъятности
его расплывчатых гор и нереального неба".

Таким образом, отражения неба и пейзажа в широких, медленно текущих водах торфянистых рек, кажется, почти превосходят оригиналы по блеску и тонкости деталей. Некоторые реки Тасмании обладают этим отражающим свойством в исключительной степени.

Феномен разбитых отражений также не уступает по красоте и внушению. Вместо неподвижного повторения заданных деталей наблюдаются мерцающие, извилистые, запутанные изгибы цвета, света и тени — капризное перескакивание с поверхности на поверхность. Знание оптики не может лишить их чуда и очарования. И если таково их влияние на современный разум, каким оно должно было быть на разум первобытного человека! Законы отражения были ему неизвестны. Он посмотрел вниз, на спокойную поверхность озера, или пруда, или фонтана, и увидел, опускающийся вниз, другой мир, другое небо, теряющиеся в тайне. Простое удивление уступило бы место медитации. Ах! какие тайны, должно быть, таятся в этих хрустальных глубинах, если бы только можно было удивить их — вырвать их у существ, населяющих это нижнее царство! Возможно, даже загадка мира могла бы быть решена таким образом! И так случилось, что большинство духов воды считались наделенными пророческими дарами.

Тевтонские боги воды были "мудрыми" — они могли предсказывать будущее. В классической мифологии Протей, морской старец, предстает как хорошо развитое воплощение этой веры. Старый Гомер знал, как использовать предоставленный таким образом материал, и Вергилий в своей самой отборной манере следует данному примеру. В четвертой книге "Георгики" Аристей, потерявший своих пчел, в отчаянии взывал к своей матери, речной нимфе Кирене. Она велит ему посоветоваться с Протеем, старым морским пророком. Он следует ее совету, захватывает Протея в плен и заставляет его рассказать о причине своего беспокойства.

"Провидец, наконец, сдержанный силой, устремил на него свирепые глаза, сверкающие серым светом, и, скрежеща зубами от гнева, разомкнул уста, чтобы произнести предсказание судьбы".

Еще раз нужно позволить преходящему отпасть, а центральной интуиции быть распознанной и схваченной. Ощущение тайны, которую нужно постичь, тайны, которую нужно раскрыть, — искаженного отражения какого—то более полного мира - было воспитано отражениями формы, света и цвета в зеркале природы. Старые, более простые впечатления, производимые такими явлениями, сохраняют более глубокий смысл. "Естественные" эмоции, которые они вызывают, обеспечивают ту поддержку, на которой может процветать мистицизм Природы. Лонгфелло в своем стихотворении "Мост" берет более глубокую ноту. Стремительный бег воды уводит размышления поэта от несовершенного мира в сферу идеального.

"И во веки веков,
Пока течет река,
Пока в сердце есть страсти,
Пока в жизни есть горести;

Луна, ее ломаное отражение
И ее тени должны появиться,
Как символ любви на небесах
И ее колеблющийся образ здесь".

И таким образом, горное озеро, тихие речные просторы, скрытый пруд и океан в покое - все без исключения имеют свой язык души и могут говорить с человеком как с носителем природы души. Еврейский псалмопевец вполне мог бы дать нам один из признаков Божественного Пастыря: "Он ведет меня к тихим водам".

ГЛАВА XXV

АНАКСИМЕН И ВОЗДУХ

До сих пор наше внимание было почти исключительно приковано к мистическому воздействию воды в движении или в состоянии покоя. И хотя мы не продвинулись дальше в этой области, было получено справедливое представление о том, что современный мистик природы мог бы

продвинуть в объяснении и защите своих характерных взглядов и способов переживания. Теперь мы переходим к рассмотрению других диапазонов физических явлений, которые, хотя и имеют равное достоинство и значимость, не будут подвергнуты столь же полному рассмотрению — в противном случае пределы, предложенные для этого исследования, были бы серьезно превышены.

Мы видели, как и почему Фалес считал воду *Источником света*. Его непосредственные преемники, придерживаясь его принципов и целей, не были удовлетворены его выбором. Они последовательно искали что-то менее материальное. Одного из них, Анаксимена, привлекли качества и функции атмосферы, и его рассуждения послужат введением в мистицизм ветров, бурь и облаков. Только одно его высказывание сохранилось в первоначальном виде, но, к счастью, оно полно значения. "Как наша душа, - сказал мудрец, - которая есть воздух, удерживает нас вместе, так и ветер и воздух охватывают весь мир". Это, истолкованное в свете древних комментариев, показывает, что Анаксимен сравнивал дыхание жизни с воздухом и считал их существенно связанными — фактически идентичными. Ибо дыхание, думал он, скрепляет жизнь как животного, так и человека; и точно так же воздух скрепляет весь мир в сложном единстве. Он развил более широкую доктрину, заметив, что воздух, по всей видимости, бесконечно протяжен и что земля, вода и огонь кажутся всего лишь островками в океане, который простирается вокруг них со всех сторон, проникает в их глубочайшие поры и омывает мельчайшие атомы. Именно на таких фактах и видимостях он основывал свою основную доктрину. Если мы подумаем о современной теории светоносного эфира, мы недалеко уйдем от его точки зрения. Но более простые и очевидные свойства воздуха, конечно, не были бы без их влияния — его подвижность и непрерывное движение; его нематериальность; его неисчерпаемость; его кажущаяся вечность. Поэтому неудивительно, что, сосредоточив свое внимание на группе поистине удивительных явлений, древний натурфилософ выбрал воздух в качестве своей первичной субстанции — универсального проводника витальной и психической силы.

Для мистика природы особый интерес представляет тот факт, что Анаксимен был верен доктрине о том, что первичная субстанция должна содержать в себе причину своего собственного движения. И этот интерес усиливается ввиду того факта, что его утверждение о животворящих свойствах воздуха опирается на широко распространенную группу анимистических представлений, которые оказали необычайное влияние на мир в целом. Позвольте Тайлору подвести итог. "Иврит показывает, что *нефеш*, "дыхание", переходит во все значения жизни, души, разума, животного, в то время как *руах* и *нешама* совершают аналогичный переход от "дыхания" к "духу"; и им соответствуют арабские *нефс* и *рух*. Такова же история санскритских атман и прана, греческих *психея* и *пневма*, латинских *анима*, *анимус*, *спиритус*. Таким образом, славянский *duch* превратил значение "дыхание" в значение "душа" или "дух"; и в диалектах цыган есть это слово *duk* со значениями "дыхание, дух, привидение", независимо от того, принесли ли эти парии это слово из Индии как часть унаследованного ими арийского языка, или же они переняли его во время своего переселения через славянские земли. Немецкий *geist* и английский *ghost*, возможно, тоже обладают одним и тем же изначальным ощущением дыхания ". Как удивительно значимо это восхождение от представлений о ветре и дыхании к тому, что мы теперь понимаем под душой и духом! Самые тонкие концепции имеют свою основу в физическом мире. Даже по сей день, как замечает Макс Мюллер, "душа или дух остается дыханием, воздушным дуновением, ибо это наименьший материальный образ души, который они могут себе представить".

Еще одно учение Анаксимена заслуживает внимания как мистиков природы, так и ученых. Оно хорошо изложено Теофрастом. "Воздух отличается разреженностью и плотностью, поскольку различна природа вещей; при сильном разрежении он становится огнем, при большем сгущении - ветром, а затем облаком; а при еще большем сгущении - водой, землей и камнем; и все другие вещи состоят из них; и он считает движение вечным, и этим вызываются изменения". Здесь мы имеем четкое изложение атомной теории в ее наиболее оправданной форме, то есть концепции, согласно которой различия в различных веществах заключаются в различиях в конденсации или разрежении частиц первичной субстанции. Простым нормальным состоянием этого вещества он считал воздух. В разреженном состоянии оно становится огнем, а в конденсированном состоянии переходит поэтапно из жидкого состояния в твердое. И точно так же, как у современного химика появляются веские основания полагать, что все вещества, или так называемые элементы, могут быть результатом ряда дифференцировок и составов первоначально однородного вещества, несмотря на то, что он еще не в состоянии произвести преобразования в своей лаборатории, так и милезийский мудрец много веков назад ухватился за ту же основную идею и сделал ее основой мировой философии. От старой идеи, знакомой Гомеру, что туман или пар - это конденсированный воздух, до космологии Герберта Спенсера долгий путь, и все же природа настолько богата материалом для интуитивного постижения своих глубочайших истин, что одна конечная причина материальной эволюции была раскрыта в те дни, когда наука едва зарождалась.

Таким образом, изучение, хотя и поверхностное, этой древней теории выявило, во всяком случае, два результата, имеющих первостепенное значение в изучении мистицизма Природы. Первая заключается в том, что воздух создал первичный тип души как принцип жизни — мимолетное дыхание человека навело на мысль о бессмертии и поддержало ее; ветер, который дует, где ему вздумается, - идею царства неизменного духа! Другой результат заключается в том, что некоторые из наиболее очевидных явлений природы, если их уловить интуитивно, могут дать ключ к некоторым из ее самых глубоких тайн. Разве эти результаты не должны быть столь же верны для современного мира, как и для времен расцвета древнего Милета?

ГЛАВА XXVI

ВЕТРЫ И ОБЛАКА

Признание мистического элемента во внешней природе имело свои колебания в большинстве эпох и стран, и не в последнюю очередь в Англии. Марвел в свое время почувствовал подкрадывающееся оцепенение, которое возникает при расставании с природой, и пожаловался на "Косилку против садов".

"Все это навязано, фонтан и грот,
В то время как сладкие поля действительно забыты,

Где природа по своей воле дарит всем
дикую и благоухающую невинность".

И заявил о полированных статуях, сделанных для украшения садов, что

"насколько превосходны фигуры, настолько
сами боги обитают с нами".

Однако его протесты не помогли опровергнуть искусственность правления папы римского. Вот две строки из "Очерка о человеке".

"Смотри, бедный индеец! чей неискушенный ум
Видит Бога в облаках или слышит Его в шуме ветра".

- Необразованный! Бедный индеец мог бы многому научить Поупа и, возможно, сделать из него более благородного человека! Ибо поэзия и мистическое влияние ветров были пережиты и выражены с полнотой переживания и чувства, которым выросший в городе поэт был слишком чужд. Размах, красота и сила мифа о четырех ветрах, сложившегося среди коренных народов Америки (говорит Тайлор), едва ли имели соперника где-либо еще в мифологии мира. Они развили "мистический кватернион" — дикий и жестокий Северный Ветер - ленивый Южный, влюбленный - Восточный Ветер, приносящий утро — и Запад, Мадж Кив, отец их всех. За пределами кватерниона находились танцующие Пауппуккиви, Вихрь, и свирепый и изворотливый герой Монобобо, Северо-Западный Ветер. Дух этих легенд, если не их точные детали, можно оценить в романе Лонгфелло "Гайавата".

Великолепные образы еврейских псалмопевцев должны были вызвать у Папы по крайней мере нотку симпатии к "неискушенному уму", ибо они любят представлять Бога, делающего "ветры Своими вестниками", или как Самого Себя, "летающего на крыльях ветра". Или же пророк Иезекииль мог бы донести до него некоторые из более глубоких мыслей, которые ветер заронил в душу человека. "Тогда сказал он мне: пророчествуй ветру, пророчествуй, сын человеческий, и скажи ветру:... Приди от четырех ветров, о дыхание, и дохни на этих убитых, чтобы они могли ожить". Индейцу, несомненно, не хватало обучения, но не совсем такого, которое мог бы дать его потенциальный наставник. Мужчина, говорит Браунинг,

"отпечатки навсегда

Его присутствие во всем безжизненном: ветры
отныне становятся голосами, завыванием или криком,
Ворчливым бормотанием или быстрым веселым смехом".

Так-то лучше. Но почему "безжизненный"? Почему "отпечатки"? Лучше всего подходит еврейский апостроф — "приди от четырех ветров, о дыхание, и дыши — чтобы мы могли жить. Дай нам часть жизни, которая есть в тебе". И это молитва мистика.

Небесные ветры должны были произвести неизгладимое впечатление на примитивный разум. Но мало кто будет готов к заявлению Макса Мюллера о том, что ветер, наряду с огнем, является самым важным явлением в природе, которое привело к представлению о божественном существе. Но нашему удивлению приходит конец, когда мы осознаем, насколько очевидной и универсальной является роль ветра в благе или горе человека — он приносит дождь, он разгоняет бурю, он очищает воздух. Сухопутный человек знает много — моряк еще больше. Ги

де Мопассан заставляет моряка сказать: "Вы не знаете точки соприкосновения, земляне! Nous autres, nous le connaissons plus que notre père ou que notre mère, cet invisible, ce terrible, ce capricieux, ce sournois, ce féroce. Nous l'aimons et nous le redoutons, nous savons ses malices et ses colères . . . car la lutte entre nous et lui ne s'interrompt jamais."

Боги ветра и мифы о ветре распространены практически по всему миру. Боги американских индейцев уже упоминались. Похожие, хотя и менее яркие и поэтичные, обычаи преобладают у полинезийцев и маори. Наиболее известны обычаи греков и римлян, но они имеют множество параллелей в других странах. Маруты из ведических гимнов однозначно являются богами бури, которые выкорчевывают леса и сокрушают скалы — нападающие, крикуны, воины, — хотя и способные вскоре принимать облик новорожденных младенцев. У вавилонян были свои боги ветра, добрые и злые, созданные в нижней части небес и временами вступавшие в роковую битву с драконом. И у наших тевтонских отцов были свои боги бурь, которые были храбрыми воинами, Один, или Водин, был вождем. Гримм таким образом суммирует характеристики Водина. "Он - всепроникающая и формирующая сила, который придает форму и красоту человеку и всему существу, от которого исходит дар пения, ведения войны и победы, от которого в то же время зависит плодородие почвы, более того, желание и все высшие дары и благословения". Здесь мы имеем дело с типичным переходом. Абстрактная концепция "всепроникающей созидательной и формирующей силы", очевидно, возникла позже, чем концепция бога-бури, несущегося по воздуху посреди воющей бури, - даже позже, чем концепция бога, который пьет глоток вдохновения и делится им с провидцами, бардами и верными павшими воинами. Идея жизни, или души, возникает и освобождается от своих более грубых элементов; бог бури уступает место Всеотцу, восседающему на троне мира. Та же эволюция наблюдается и в случае с Зевсом, повелевающим облаками. Более того, Сам Иегова, по-видимому, изначально был богом бурь, восседающим над пологом воздушного потока, "делающим облака Своей колесницей" и "ходящим на крыльях ветра", Его голос - громом, Его стрела - молнией. Как странны и неожиданны трансформации этих имманентных идей! И все же во всем прослеживается органическая преемственность. Пространство, заполненное феноменами ветров, настолько велико, что человеческое воображение не всегда останавливалось на их простой персонификации или обожествлении. Нам говорят, что во многих американских языках одно и то же слово используется для обозначения бури и бога; то же самое происходит и с некоторыми племенами Центральной Африки. Иными словами, название штормового ветра стало общим названием божества!

Но как насчет настоящего? Можно ли сказать, что в наши дни среди цивилизованных народов феномен ветров играет какую-либо важную роль? Обращение к литературе имеет решающее значение в этом вопросе. Никакое описание жизни на открытом воздухе или даже жизни за закрытыми дверями, где природа не совсем закрыта, не может пройти мимо эмоционального влияния ветров. Они рыдают, они стонут, они вздыхают; они шуршат, рычат или режут; они возбуждают или угнетают; они наводят на множество разнообразных размышлений.

"Дуй, дуй, зимний ветер,
Ты не так жесток,
Как человеческая неблагодарность" —

связь здесь основана не только на фантазии — пронизывающие зимние ветры имеют свой собственный эмоциональный "тон" для восприимчивых умов, так же верно, как шлепающий

бриз, "который быстро следует за ними", или благоухающий зефир лета, и они сформировали современную мысль разнообразными и неожиданными способами. Шелли, которого называли великим лауреатом "ветра", размышляя о надвигающейся буре и неистовом кружении осенних листьев, глубоко тронут и восклицает:

"О дикий Западный ветер, ты дыхание бытия Осени -
... Будь ты, яростный дух,
Моим духом! Будь мной, порывистый,
Гони мои мертвые мысли по вселенной
Как увядшие листья, чтобы ускорить новое рождение".

Александр Смит, воодушевленный взрывом, рассказывает, как

"Ветер, этот великий старый арфист, ударил по
Его громовой сосновой арфе".

Ги де Мопассан в отрывке, который уже частично цитировался, показывает, что современный моряк все еще может олицетворять. "Quel personnage, le vent, pour les marins! On en parle comme d'un homme, d'un souverain tout puissant, tantôt terrible et tantôt bienveillant. . . . Aucun ennemi ne nous donne que lui la sensation du combat, ne nous force a tant de prévoyance, car il est le maitre de la mer, celui qu'on peut éviter, utiliser ou fuir, mais qu'on ne dompte jamais." Kingsley breaks forth:

"Добро пожаловать, дикий Север - Пасха!
Стыдно видеть
Оды каждому зефиру;
Ни одной оды тебе.
...
Приди, как приходили наши отцы,
Возвещенные тобою,
Завоеватели с востока,
Владыки на суше и на море.

Приди, и сила внутри нас
Взбудоражит кровь викингов,
Укрепит мозг и сухожилия;
Дуй, ты, ветер Божий!"

Нет, способность видения со стороны человека не ослабла; и со стороны небесных ветров не ослабла их естественная способность управлять настроениями людей, как они управляют отзывчивым океаном. Те, чья мистическая пронизательность не затуманена материалистическими тенденциями нашего времени, все еще могут иметь проблески

"небесные херувимы, восседающие
На незрячих воздушных курьерах".

Неискушенный ум индейца, говорит Поуп, видит Бога не только в ветрах, но и в облаках. Облака, так сказать, являются творениями воздуха и разделяют его мистическую судьбу. Даже Кебл мог бы откликнуться на их предположение о жизни и спрашивает:

"Облака, закрывающие заходящее солнце,
Почему, когда мы наблюдаем за их плывущим венком,
кажется, что они - дыхание жизни?"

Вордсворт не мог не испытать этот опыт:

"Я бродил одинокий, как облако
Которое плывет высоко над долинами и холмами".

Это подлинные отголоски первобытных чувств. Нет необходимости подробно останавливаться на свидетельствах древних мифов или верованиях первобытных народов. Не то чтобы доказательства не могли в полной мере вознаградить за изучение, но для понимания общих принципов, которые только что были приведены в случае с ветрами, нам достаточно пригодились. Однако следующая старинная финская молитва настолько многозначительна, что было бы непростительно пройти мимо нее. Она адресована Укко, богу Небес:

"Укко, Ты, о Бог над нами,
Ты, о Отец на небесах,
Ты, кто правит страной облаков,
И возглавляешь маленьких облачных ягнят,
Ниспошли нам дождь с небес,
Сделай так, чтобы капли капали медом,
Пусть поникшая кукуруза смотрит вверх,
Пусть изобильно шелестит зерно".

Это прекрасное маленькое стихотворение-молитва помещает нас примерно на полпути к сознательному выражению мистических влияний, оказываемых страной облаков. Мы видим, как, подобно ветрам, облака сыграли важную практическую роль среди условий, которые сделали возможной человеческую жизнь на земном шаре. Первоначальная анимистическая концепция облаков как личностных агентов уступила место концепции бога, правящего облаками, хотя анимистическая тенденция все еще сохраняется в выражении "маленькие облачные ягнята". Теперь мы перешли к стадии современного анимизма, который рассматривает облака как часть обширной системы, сущность которой должна быть описана как сознание.

Главной из идей, присущих облачному пейзажу, по-видимому, является расплывчатость и несущественность его постоянно меняющегося великолепия, пробуждающего мечты о великолепных возможностях, которые наше земное окружение еще слишком грубо, чтобы реализовать. Во всяком случае, можно с уверенностью утверждать, что в этом и заключалось его главное очарование для страстно мечтательной души Шелли. Изучите это описание облачного пейзажа - одно из множества, которое можно почерпнуть из его стихотворений:

"Очарование, в котором утонуло солнце, закрыто
Самыми темными барьерами огромных облаков,
сгрудившихся, как гора над горой, но
Растет и движется вверх толпа,
А над ней водянисто-голубое пространство,
Сквозь которое просвечивает яркая вечерняя звезда".

Или изучите это стихотворение, непревзойденное в своем роде, полностью посвященное этой теме, особенно строфу, которая ее завершает:

"Я дочь земли и воды,
И нянька неба;
Я прохожу сквозь поры океана и берегов;
Я меняюсь, но не могу умереть.
Ибо после дождя, когда ни единого пятнышка,
Небесный шатер пуст,
А ветры и солнечные лучи с их выпуклыми отблесками,
Воздвигаю голубой воздушный купол,
Я беззвучно смеюсь над своим собственным кенотафом,
И выхожу из пещер дождя,
Как дитя из утробы матери, как призрак из могилы
Я встаю и разрушаю его снова".

Как переполнены эти строки чистейшим природным мистицизмом, как его понимают современные люди! Чувство жизненного процесса царит безраздельно. Они являются порождением не фантазии и даже не воображения, как это обычно понимается, а проницательности, видения, живого общения с живым миром.

Имея дело с воздушными царствами страны облаков, возникает соблазн подробно остановиться на мистическом влиянии царицы воздушных явлений — радуги. Это влияние в прошлом было огромным; оно по-прежнему является и всегда будет силой, с которой нужно считаться. Наука не может отнять у нее ее величие. Златокрылая Ирис Гомера, быстроногая, как ветер, ушла. История зарождения "лука в облаке" может раствориться в перегонном кубе критики, но сама радуга остается, по-прежнему являясь семичастным мостом душ от этой, кажущейся твердой, земли к более редкой стране за ее пределами. Кто здесь не может сочувствовать Вордсворту?

"Мое сердце подпрыгивает, когда я вижу
Радугу в небе.
Так было, когда я был ребенком;
Так стало теперь, когда я мужчина;
Так пусть будет, когда я состарюсь —
Или позволь мне умереть".

Заманчиво также поговорить о птицах — обитателях воздуха - прокомментировать изысканное трио стихотворений о птицах: "Кукушку" Вордсворта, "Оду жаворонку" Шелли и "Оду соловью" Китса. Ибо, несомненно, именно среда, в которой эти нежные создания проводят свою жизнь, придает им главную долю их волшебства и таинственности. Но этой жемчужины из Виктора Гюго должно хватить для всего мелодичного хора:

"Подобно певчей птице, будь ты на ветке жизни,
Поднимая свой покров любви.
Так пойте под его сотрясение,
Так прыгайте при его разрушении,
Взлетая В небеса над головой".

Таким образом, воздушный купол расширяется до небесного свода с его вечными огнями и призывает нас обратиться к третьему из древних мудрецов, чьи размышления помогают нам в этом предварительном исследовании.

ГЛАВА XXVII

ГЕРАКЛИТ И КОСМИЧЕСКИЙ ОГОНЬ

Гераклит - философ, чьи рассуждения представляют исключительный интерес для изучающих мистицизм Природы. Он родился около 540 года до нашей эры в Эфесе и прожил около шестидесяти лет. Он был одним из самых замечательных мыслителей древности, и основная суть его учения остается живым и стимулирующим элементом в самых передовых научных и метафизических доктринах наших дней. Но с точки зрения природного мистика, он черпает свое особое значение из способа своего раннего обучения и из источника своего раннего вдохновения.

Еще будучи юношей, он отказался от городской суеты ради уединения и очарования прекрасной страны, которая окружала его дом, и он определенно поставил перед собой задачу подпитывать свое воображение конкретными и чувственными образами поэтов. Он открыл себя впечатлениям и интуиции, которые столь щедро давало такое окружение, и таким образом заложил основу для тех размышлений о природе вселенной и жизни, которые сделали его влияние столь продолжительным, а его славу столь великой.

Его, несомненно, трудно понять, и его загадочные высказывания заслужили ему сомнительный титул Темного. Но его защитники указывали, что его нечеткая дикция была результатом не гордыни или намеренного напускания таинственности, а подлинных трудностей, с которыми он столкнулся, выражая свои новые мысли. Он становится неистовым в своей борьбе за подчинение своего языка своим целям, своим смутным интуициям, своим перемещениям в мирах, не до конца осознанных; и в этом отношении он, во всяком случае, может претендовать на сочувствие мистиков любой школы.

Таков был человек и таково его воспитание. Какова была его центральная, доминирующая мысль? Какова была его концепция универсальной основы существования? Именно это —

движение чистого Огня — является секретом вечного изменения, которое характеризует все известные явления любой степени и вида. "Все течет" - широко известный афоризм, который подводит итог его философии. Это вечное движение, однако, не бесформенно, оно стремится к постоянно повторяющимся формам и подчиняется закону и ритму.

Таким образом, Он учил, что вечное движение, составляющее существование, есть Огонь. "Этот единый порядок всех вещей (утверждает он) не был создан ни одним из богов, ни еще кем-либо из людей; но он всегда был, есть и будет вечным огнем - от меры воспламеняемым и от меры угасающим". Но более того — он считал, что это Огненное движение живое. Следует помнить, что Фалес помещал причину движения в саму материю, а не в нечто иное, кроме материи; иными словами, он был во всех отношениях гилозоистом. Гераклит пошел еще дальше и утверждал, что жизнь в движении Огня *органична*, подобна той, которая проявляется в растительном и животном мирах. Его идея о сущностном родстве всех вещей очень ясна и полна.

Следовательно, он полагал, что душа никоим образом принципиально не отличается от любого другого превращения вечно живого Огня. И, таким образом, проблема, которая так мучает современных психологов, проблема связи между душой и телом, для него не существовала. И примечательным следствием его взгляда является следующее. Поскольку человек имеет существенное родство со своим окружением, он может постигать как внешнюю поверхность вещей, так и их внутренний закон; и именно в этом признании их внутреннего закона заключается его истинная природа. Теперь, если допустить, что этот внутренний закон может быть постигнут как интуицией, так и сознательным процессом рассуждения, то мистик-натуралист может искренне согласиться с таким выводом. На самом деле, он признает в этом утверждение своего собственного главного принципа.

Душа, как огонь, зависит от космического Огня в качестве источника питания, физическим посредником которого является дыхание; и в этом отношении все, что было сказано об Анаксимене и "Дыхании", или Воздухе, будет иметь свое место. Но у Гераклита есть еще одна мысль, которая находится в полной гармонии с главным утверждением естествоиспытателя. Он считает, что *чувственное восприятие* также является средством, поскольку внешний огонь, таким образом, поглощается внутренним огнем. Ценность этой мысли остается неизменной, несмотря на учение мудреца о теле. Ибо, хотя тело рассматривается им как препятствие деятельности внутреннего огня, поскольку оно состоит из воды и земли (двух форм, в которых движение Огня значительно ограничено), оно, тем не менее, сродни душе и само обречено в ходе непрерывных изменений стать Огнем в его наиболее живой и деятельной форме.

Такова центральная доктрина этого выдающегося мыслителя, вокруг которой вращалось все его остальное учение. Давайте теперь зададимся вопросом, как в соответствующих случаях с Фалесом и Анаксимандром, почему именно этот элемент был выбран в качестве Основы всех вещей. Ответ на этот вопрос, как и в предыдущих случаях, даст много информации для нашей специальной цели, поскольку акцент будет сделан скорее на физических свойствах и функциях огня, чем на его более абстрактной онтологии.

Очевидно, что Гераклит начал бы со знания теорий своих более непосредственных предшественников и данных, на которых они основывались, — явлений круговорота в природе, испарения, тумана, дождя, таяния, замерзания и остального. И мы обнаруживаем, что в этом направлении он просто усилил старые системы, взяв огонь вместо воды или воздуха в качестве

своегоосновного средства. Он также с особой тщательностью наблюдал некоторые наводящие на размышления случаи разрежения под действием тепла и конденсации под действием холода, а также факты постоянного разложения и обновления в растительном и животном мирах. Но феномен, который выделяется как главный определяющий фактор его мышления, всегда должен действовать как мощный стимулятор на вдумчивый ум, — это горение.

Пламя обычного костра все еще может вызывать удивление у человека, чей разум открыт для восприятия впечатлений даже от обыденности. Как это иллюзорно! — танцующее, стремительное, мерцающее, вспыхивающее — появляющееся, исчезающее — невещественное, но активное и почти чудесным образом могущественное. Воздействие на разум первобытного человека должно было быть в высшей степени острым и живым и должно было привести к результатам соответствующего значения для его духовного развития.

Но более глубокий вид удивления предназначен для систематического спекулятивного мыслителя, чье внимание приковано к феномену постоянно горящего пламени, скажем, лампы. Масло всасывается в фитиль и медленно уменьшается в объеме. В точке, где начинается пламя, оно поднимается в виде пара, становится блестящим и, в случае яркого пламени, исчезает. Таким образом, происходит постоянное движение снизу вверх. Пламя имеет видимость "вещи" со сравнительно определенной формой и продолжающимся существованием, и все же на самом деле оно никогда не бывает одним и тем же, ни на малейшую долю мгновения. Это видимость, рожденная непрерывным движением — пусть движение прекратится, пламя погаснет. Там, где горение сопровождается появлением дыма, происходит очевидное возвращение улетучившегося вещества в твердую форму.

Теперь, пусть такой философ, как Гераклит, размышляет о природе как о системе кровообращения, и пусть он, случайно или нет, сведет воедино в своем уме феномен горячей лампы и космические факты, которым он ищет объяснение, — трудно ли представить себе его Эврику? Во всяком случае, Гераклит чувствовал, что в феномене горения он получил представление об окончательном устройстве природы. И из них он сделал вывод, что не существует такой вещи, как субстанция, называемая в собственном смысле этого слова, а просто постоянное движение; движение *есть* субстанция. Великий, кажущийся твердым космос — это движение; часть его видима, часть неощутима; часть его поднимается вверх, чтобы служить топливом, часть его падает вниз, подпитав пламя, образуя составляющие нынешнего мира. Движение постоянно, поток вечно течет: ни одна "вещь" никогда не находится в покое, и, если бы она была в покое, исчезла бы.

Удивительно, что, располагая такими скудными данными, Гераклит смог прийти к взглядам, которые находятся в поистине замечательной гармонии с самыми передовыми теориями о строении материи. В наши дни такие качества, как твердость и непроницаемость, приписываются движению — почти непостижимой скорости вращения электронов внутри системы атома. Лебон, например, в своих "Эволюции материи" и "Эволюции сил" утверждает, что атомы постоянно распадаются, радий представляет собой всего лишь крайний случай общего правила и что конечным продуктом является нечто, что больше не является материей. Лишенное движения, то, что мы называем материей, исчезает! Оно ускользает от обнаружения любыми известными нам методами и, следовательно, перестает существовать для нас. Таким образом, согласно этой современной доктрине, атомы представляют собой сложные системы

движения; а тела, по общему мнению, представляют собой совокупности атомов. Из этого, по-видимому, следует, что основой реальности, с точки зрения физики, является движение. Короче говоря, как учил Гераклит, мир является результатом непрерывного движения. Учение Тиндаля о "теплоте как способе движения" обобщается до тех пор, пока не охватит всю область материальных явлений. Или подойдите к теории Гераклита со стороны современной астрономии, гармония между старым и новым одинаково поразительна. Все вещества, сказал он, происходят из огня, и в огонь они обязательно вернутся. Не требуется особых знаний, чтобы понять, что в этом утверждении содержится суть новейших теорий рождения и смерти миров. Из огненного тумана, говорит современный астроном, они сконденсировались, и в огненный туман, в результате столкновений или иным образом, они вернутся. Каковы могут быть конкретные стадии, каково значение туманности, каковы космические функции электричества и другие подобные проблемы — могут быть и будут предметом острых дебатов. Но великое обобщение остается — от огненного тумана обратно к огненному туману. Насколько современно также то великое единство, которое такая теория придает существованию в целом. Физика, психология, социология, даже духовные факты - все находятся под влиянием обширного обобщения, потому что все они связаны с одной и той же конечной Реальностью. Возможно, самая поразительная параллель обнаруживается в доктрине энергии, которая в настоящее время привлекает так много внимания и доблестным поборником которой является Оствальд. Она воплощает в себе попытку свести в одну категорию различные физические силы вместе с явлениями органической эволюции, психологии и социологии в самом широком смысле этого слова. Успешна попытка или нет, это дань уважения гению древнего мудреца, хотя в ней, по-видимому, отсутствует тот определенный элемент сознания, или душевной жизни, который был столь адекватно признан ее великим предшественником.

Многие другие моменты в системе Гераклита заслуживают самого пристального изучения. Чрезвычайно интересна, например, его доктрина о том, что борьба является условием гармонии и действительно существования. Шеллинг воспроизвел эту идею в своей хорошо известной теории полярности; Гегель развил ее в своей диалектической триаде - тезис, антитезис, Синтез; и электрические теорииматерии и силы, которые сейчас в моде, легко согласуются с ней, не говоря уже о доминирующей теории эволюции как включающей борьбу за существование и применяемой практически во всех областях исследований. Но достаточно понять центральный принцип движения Огня, чтобы доказать, что феномены огня оказали влияние на развитие интеллектуальной и духовной жизни человека — влияние, которое нелегко преувеличить. Гераклит претендует на почетное место в ряду естествоиспытателей.

ОГОНЬ И СОЛНЦЕ

Как уже говорилось, не может быть никаких сомнений в том, что из всех физических явлений огонь оказывал наиболее заметное воздействие на воображение первобытного человека. Он увидел, что это совершенно не похоже ни на что другое, известное ему, как по своим свойствам, так и по своему действию. Если и можно было предположить божественную природу чего-либо, так это огня — постоянного чуда, одновременно разрушающего и дающего жизнь - материального и нематериального, — в высшей степени агента, обладающего странными и огромными силами, известными и неизвестными. Для многих объектов и институтов искали божественное происхождение; так не могло не быть и в случае с огнем. Даже бедные туземцы Тасмании чувствовали, что это не может быть земным предметом, и рассказывали друг другу, как его сбросили, как звезду, два черных парня, которые сейчас находятся на небе, звезды-близнецы Кастор и Поллукс. Огромный разрыв отделяет эту простую историю от тщательно продуманного мифа о Прометее, и все же в обоих присутствуют одни и те же существенные черты: а между ними обнаруживаются разнообразные серии историй и преданий, относящихся ко многим странам и эпохам, которые отражают изменения в одних и тех же фундаментальных идеях. Весь древний мир верил, что происхождение огня должно быть божественным. И можно ясно проследить различные этапы, с помощью которых поклонение, первоначально воздававшееся самой силе природы, было перенесено на дух, стоящий за этой силой, и, наконец, сосредоточилось на верховном Божестве.

Для первобытного человека, как хорошо отмечает Макс Мюллер, феномен огня представлял бы двойственный аспект — с одной стороны, как фатальный и разрушительный элемент, с другой стороны, как благотворное и даже домашнее средство. Можно было видеть, как молнии вспыхивают от одного края небес до другого, иногда падая вниз, чтобы поджечь леса и прерии, иногда калеча и убивая как животных, так и людей. Пережитое таким образом, оно вселяло ужас в зрителей и производило на них впечатление живого ощущения присутствия духовных сил. Как поздний продукт вызванных таким образом эмоций и представлений, мы имеем прекрасный миф о древней богине природы Афине, возникшей из головы Зевса, суровой девственнице, которой суждено было стать олицетворением благоразумия, сдержанности и культуры, небесной представительницей самых высоких интеллектуальных и духовных идеалов греческого мира в лучшем их проявлении. Отсюда также группа концепций, которые превращают молнию и раскаты грома в небесное оружие, отдавая их в руки верховного правителя и, в конце концов, превращая их в символы закона и порядка. "Из огня, - говорит Иезекииль, - вышла молния". "Из престола, - говорит пророк Апокалипсиса, - исходили молнии".

Резко контрастирует с этим благотворный аспект огня, который, будучи однажды познан и "приручен", становится почти необходимостью для человеческой жизни. Это обеспечивает новую защиту от холода, превращает человека в особое кулинарное животное и, прежде всего, создает семейный очаг со всем, что подразумевается под "домом". Более отчетливо утилитарное значение имеет использование огня при изготовлении орудий труда, а также при

выплавке металлов. И важно отметить, что использование человеком огня почти наверняка возникло из-за его эмоционального отношения к нему, кульминацией которого стало поклонение. Как указывали многие антропологи, огонь в очаге имел свой несомненный религиозный аспект, результат чувства почитания "стихии" огня до того, как было понято его производство или использование. А разжигание огня в очаге было в такой же степени жертвоприношением богам, как и средством для приготовления пищи. Каждый дом становился настоящим храмом огня.

Удивительно поучительно и увлекательно проследить развитие идеи домашнего очага, основанной на эмоциональных переживаниях, вызванных мистическим влиянием огня. Каждый дом, как только что было сказано, считался храмом божественного элемента; но общий дом, дом племени, был специально выделен для этой чести и стал храмом в собственном смысле этого слова. Когда группы граждан отправлялись основывать колонии в чужих землях, они брали с собой тлеющие угли из племенного или национального очага, подобно тому, как Эней привез с собой в Италию священный огонь Трои. До недавнего времени, как нам рассказывали, немецкий крестьянин, только что женившийся, приносил в свой новый дом горящее полено из семейного очага.

Классический пример развития этой идеи можно найти в культе греческой Гестии, латинской Весты, богини, которая была олицетворением огня, хранительницей домашнего алтаря и благополучия городов и наций. Ей поклонялись довольно широко в Греции и Малой Азии, но главным образом в Риме, где для ее служения был посвящен красивый круглый храм; ее служительницы, девы-весталки, пользовались величайшим почетом и выбирались из числа самых красивых и благородных римских дев. В этом храме постоянно ярко горел священный огонь, который, как предполагалось, был зажжен лучами солнца и принесен Энеем, когда он основал свое царство на новой земле Италии. Тушение этого пожара было бы расценено как самое серьезное общественное бедствие, предвестие катастрофы. Его пламя должно было символизировать *чистоту* богини, подчеркивая таким образом мистический аспект другого физического свойства огня — его очищающую силу. "Бог наш, - сказал автор Послания к Евреям, - есть огонь поядающий".

У Греции был общий очаг в Дельфах. Также предполагалось, что в центре земли был очаг, соответствующий этому. В Апокалипсисе мы читаем о жертвеннике со священным огнем в центре небес. Воистину, эти концепции устойчивы! И почему? Потому что в них есть нечто большее, чем воображение; они являются продуктами идей, имманентных материальным явлениям, в которых они воплощены и через которые они проявляют себя человеческой душе.

Богов огня не могло не быть много, и изучение их соответствующих характеров, особенно на ранних стадиях их развития, часто дает ключ к интуитивной работе примитивного разума, подсказанный всегда захватывающим и часто наводящим ужас феноменом огня. Подробное исследование Макса Мюллера о развитии индуистского бога Агни упоминалось в предыдущей главе. Первоначально это название означало "Движущий" и возникло, несомненно, из-за бегущего, стремительного, скачущего движения пламени. Начав свой путь как чисто физический бог, он прошел различные стадии одухотворения, пока не стал верховным божеством. Разве проблема движения до сих пор не является одной из самых захватывающих и глубоких? "Творческая эволюция" Бергсона - одна из последних попыток справиться с этим, и

те, кто в ранней Индии олицетворял огонь как Движущую Силу, были его законными предшественниками.

Греческий Гефест олицетворял яркость пламени и принимал облик бога зрелого возраста, мускулистого, с серьезным выражением лица, но хромого. Почему хромым? Почему этот физический дефект является недостатком такой физической красоты и силы? А Frenchman, Emérie, suggests—"attendu la marche inégale et vacillante de la flamme." Конечно, огонь, по сравнению с водой и воздухом, зависит от средств к существованию, как это хорошо понимал Гераклит, а также от вытекающих из этого ограничений в отношении свободного и независимого движения: но мудрец решил эту трудность, заставив движение Огня питаться, так сказать, само собой. Бог был представлен щедушным при рождении, потому что пламя, особенно зажженное искусственно, так часто начинается с крошечной искры. Его брак с Афродитой олицетворяет "ассоциацию огня с животворящими силами природы". Итак, замечает Макс Мюллер, индуистский Агни был покровителем брака. Сколько направлений мысли открывается здесь перед нами, ставя нас лицом к лицу, с помощью донаучных способов умственной деятельности, с некоторыми из глубочайших тайн человеческой жизни!

Вулкан, латинская параллель имени Гефест, наводит нас на мысль о внушающих благоговейный трепет явлениях вулканов, которые, хотя и встречаются нечасто, рассчитаны в силу своей величины и величия на то, чтобы в исключительной степени стимулировать эмоции и интуицию. Страх, естественно, преобладал бы, но даже для примитивного разума он был бы лишь одним фактором в сложном целом. Мэтью Арнольд попытался изобразить душевную бурю, вызванную видом расплавленного кратера Этны. Он заставляет Эмпедокла, поэта-философа, подняться на вершину горы, в последний раз взглянуть на раскинувшееся вокруг царство природы и воззвать к звездам над головой и вулканическому пламени у себя под ногами.

"И ты, огненный мир,
Питающий жизненно важные органы этой ужасной горы, На
обугленной и дрожащей корке которой я стою, —
Ты тоже полон жизни".

Обратите здесь еще раз внимание на чувство жизни-родства, столь фундаментальное для мистицизма природы. И так до конца.

"И поэтому, о вы, стихии! Я знаю —
Вы тоже это знаете — мне было даровано
Не умереть полностью, не быть полностью поработанным.
Я чувствую это в этот час. Оцепенелое облако
Поднимается с моей души; Я чувствую это, я дышу свободно,
Это всего лишь на мгновение?
— Ах, вскипайте, испарения!
Прыгайте и ревите, море огня!
Моя душа горит навстречу вам.
Пока оно не угасло, пока туман
уныния и мрака
Не окутал его снова,
Прими меня, спаси меня!
[Он ныряет в кратер.]"

Из древних верований и мифов о подземных огнях выросли чрезвычайно важные верования в Ад и Чистилище, которые достигли таких ненормальных масштабов во времена средневековья и которые ни в коем случае до сих пор не исчезли. Наиболее яркую картину Ада, основанную в основном на древнем материале, хотя и имеющую библейскую основу, можно найти у Мильтона. Языком, напоминающим о Титаномахии, поэт рассказывает о сатане и его мирмидонах, низвергнутых с небес.

"Он - всемогущая Сила "

Низвергнутый очертя голову пылающим с эфирного неба,
С отвратительными руинами и сгоранием, вниз,
К бездонной гибели, чтобы там обитать
В адамантиновых цепях и карательном огне".

На какое-то время сбитый с толку своим падением, он лежит, перекатываясь в огненной бездне; но наконец, округлив свои зловещие глаза, он видит

"Ужасная темница, окруженная со всех сторон,
Как одна огромная печь, пылающая; но от этого пламени
не видно света, а скорее видна тьма

Служил только для того, чтобы открывать для себя картины горя,
Области скорби, унылые тени, где мир
И покой никогда не смогут воцариться, надежда никогда не придет
Это случается со всеми; но пытка без конца
Все еще побуждает, и огненный потоп подпитывается
Вечно горящей серой, которая не израсходована ".

Какого рода интуиции воплощены здесь? Возможно, мы начинаем относиться к ним слишком легкомысленно, как и к индуистскому учению о Карме; ибо вселенная, в конце концов, является аренной правления закона. Но как бы то ни было, мы рады выйти вместе с Данте из областей карательного пламени в области очищающих огней — в чистый воздух, который окружает остров Чистилище.

"Сладкий оттенок восточного сапфира, который был распространен

При виде безмятежного вида чистого воздуха,
Возвышающегося над первым кругом, в моих глазах
Непривычная радость возобновилась, как только я "вырвался"
из атмосферы смертельного мрака
От этого мои глаза и грудь наполнились горем".

Должны ли мы наделить подобной силой чистилища пылающие мечи, преградившие путь в Рай? Таков внутренний смысл призыва:

"вдохновляешь ли ты язык мой Того,
Кто огнем коснулся священных уст Исаяи"?

Наиболее враждебные аспекты огня наиболее ярко воплощены в тевтонском гиганте Логи (Пламя) и его детях, которые, как предполагалось, были виновниками каждого большого пожара и которых можно было увидеть посреди пламени, их головы были увенчаны огненными венками. Их можно рассматривать, подобно греческим гигантам и титанам, как олицетворения диких

грубых сил природы, которые стремятся помешать работе человека и разрушить то, что он создал. Ибо, как говорит Шиллер:

"стихии враждебны
Творению рук человеческих".

Ибо таковы лишь некоторые из множества форм, в которых человек из всех сил пытался выразить свою интуицию о том, что в природе что—то не так, - свое глубокое чувство разделения и конфликта в космическом процессе. Гераклит, как мы видели, считал, что конфликт является существенным условием существования. В любом случае, это правда, что порядок достигается только в результате серьезного конфликта с разрушительными и нерегулярными силами. Древнее выражение этого опыта можно найти в длительном состязании, которое велось между Зевсом и другими детьми Кроноса. Современное выражение можно найти в иллюстрации Хаксли, изображающей огороженный сад, который, если за ним не ухаживать, быстро возвращается в свое дикое состояние. В формировании этого опыта немаловажную роль сыграли враждебные аспекты огня.

В этом контексте было бы естественно рассматривать Солнце как преобладающее проявление огня, о котором Шелли сказал в своем "Гимне Аполлону":

"Я есмь око, которым Вселенная
Созерцает саму себя и познает себя божественной".

Будут рассмотрены различные боги солнца, Ра у египтян, Аполлон у греков, и различные формы поклонения солнцу, начиная с самых примитивных времен, через персидскую религию, религию перуанцев, "детей солнца", до религии современных парсов - и безымянного множества людей, которые, по сути, повторили слова, которые Мур вкладывает в уста гиперборейцев:

"Богу Солнца принадлежат все наши сердца и лиры
днем и ночью;
И дыхание, которое мы черпаем из его живых огней,
Мы возвращаем ему в песне".

Но тема слишком велика и заслуживает особого рассмотрения. Некоторые из наиболее важных концепций, связанных с ней, будут представлены нам в главе о свете. Мирабо на смертном одре, по-видимому, изложил все это в предельно краткой форме— "Si ce n'est pas la Dieu, c'est мой сын, двоюродный брат-немец". Тернер на смертном одре был еще краток и смелее— "Солнце - это Бог". Зная этого человека и его работу, мы можем понять, что он имел в виду. Иными словами, мы имеем ту же самую, но более полную истину: "Господь Бог есть Солнце".

ГЛАВА XXIX

СВЕТ И ТЬМА

Роберт Фладд, английский розенкрейцер, умерший в 1637 году, написал трактат "О вселенной", в котором учил, что человек - это микрокосм макрокосма и что свет и тьма - это два великих принципа существования, один живой, другой неживой природы. Он считал, что душа и жизнь каждый день изливаются солнцем на все объекты, открытые его лучам. За подобные доктрины его объявили практически атеистом! К счастью, времена изменились, хотя нам еще многому предстоит научиться на пути рациональной терпимости и сочувственной восприимчивости.

Кто скажет, насколько стара эта идея о двух различных и в целом противоположных принципах, свете и тьме? Вавилонская космология уводит нас далеко назад, но не к истокам подобных мистических концепций. Ибо в этой космологии Мардук - хорошо развитый бог света, а Тиамат - его антитеза, богиня тьмы, и природа и ход смертельного противостояния между ними обрели форму в четко определенной серии мифов.

Одним из наиболее очевидных эмоциональных эффектов темноты является внушение страха, и мало кто не испытывал в той или иной степени и в некоторых случаях чувство дискомфорта в темноте — озноб или съеживание, которое в определенных случаях, особенно у детей, может быть равносильно ужасу. Вполне возможно, что мы имеем здесь, как часто утверждается, органическое воспоминание об опыте наших далеких предков. Конечно, нам нетрудно ни посочувствовать первобытному страху перед темнотой, ни понять переход к представлению о тьме как о враждебной силе. Но есть также элемент, который можно рассматривать как просто личный и неповторимый — естественное ожидание неизвестных опасностей и чувство беспомощности, если опасения оправдаются. Более того, здесь присутствует элемент еще более мистического характера, который Эверетт описывает как ощущение того, что в темноте знакомый мир исчезает и что мы прикасаемся к границам естественного. Отсюда холод неизвестного и сверхъестественного.

Как бы то ни было, факт остается фактом: с самых ранних известных времен силы тьмы противостояли силам света; и конфликт между ними с исключительной яркостью показал конфликт между добром и злом. Начальные стихи Библии с их хаосом и тьмой, а также возвышенное повеление — "Да будет свет" — соответствуют обширному массиву примитивных мифов и спекуляций, которые представляют благого Бога как Творца света или как сам свет, противостоящий тьме. Мистицизм пролога к Евангелию от Иоанна одновременно представлял и поощрял идеи, которые были распространены в самых ранних христианских общинах и окрасили всю первобытную христианскую литературу.

Итак, в древнейшей из классических мифологий Ночь была одним из древнейших божеств, дочерью Хаоса и сестрой Эреба, темного подземного мира. Итак, в персидской догматике мы имеем те же основные концепции. С самого начала существовали нетварный свет и нетварная тьма — противоположные царства Ахура и Ариман.

Кто скажет, какие великие космические факты скрываются за этими смутными и неясными интуициями? Физическое постепенно переходит в эстетическое, моральное, духовное. С одной стороны, холод, пустота, отрицание, иногда ужас темноты. И, с другой стороны, чистота и красота, цвет и сияние света — прежде всего, его дарящая радость, животворящая, хотя и бесшумная энергия.

Возвращаясь к настоящему, мы спрашиваем, сохраняют ли еще свою силу эти мистические влияния света и тьмы. Можем ли мы сомневаться в этом? У нас есть Меланхолия Мильтона "о Цербере и рождении самой черной полуночи" — "где задумчивая тьма расправляет свои ревнивые крылья". Все это не просто обновление классических знаний, но результат глубокой симпатии к поэтам расцвета. И то же самое верно в отношении его жизнерадостных строк, описывающих начало дня, когда наступило утро

"Разбуженный бегущими часами, розовой рукой
Открываю врата света".

Также со старой верой в окончательную победу Ахуры согласуется заявление Эмерсона о том, что "ночь - это день, но день - это не ночь".

Браунинг тонко различает оттенки тьмы в "Сорделло", где он обращается к Данте как

"иноходец берега,
Где пресыщенный ад отвергает самый грязный мрак,
Незатронутый его жужжащей серной пеной;
Или откуда скорбные и мрачные воды скатываются
Во тьму, успокоенную надеждой;
Собиратель амарантов, выращенных под Божьим оком
В милостивых сумерках, где покоятся Его избранные".

Гомер и Иов едины в том, что ассоциируют тьму с могилой и всем, что она подразумевает. "Прежде чем я отправлюсь туда, откуда не вернусь, даже в страну тьмы и тени смерти". Гомер и Экклезиаст едины в любви к залитому солнцем небу: "Воистину, свет приятен, и глазам приятно созерцать солнце". И Шекспир в полном сочувствии восклицает:

- Посмотри, как солнце
Поднимается над вершиной вон того восточного холма.

Восходы и закаты пробуждают в душе Вордсворта мысль о

"Свет, которого никогда не было ни на море, ни на суше".

И именно древним как мир ощущением жизни и радости дышат строки Блейка "К утру":

"О святая дева! одетый в чистейшую белизну,
Открой золотые врата небес и выйди вперед;

Разбуди зарю, которая спит на небесах; впусти свет
Восстань из покоев востока и принеси
медовую росу, которая появляется в день пробуждения.
О лучезарное утро, приветствуй солнце,
Поднятое, как охотник, на охоту, и с
Твои босоножки ступают по нашим холмам".

Но что же с современной наукой? Разве это не устраняет мистический элемент? Напротив, усиливает его. Доминирующая теория состоит в том, что свет - это ощущение, вызываемое волнами в эфире, которые распространяются со скоростью 186 000 миль в секунду. Об этой теории Уэвелл писал в 1857 году, что оптика "достигла своего великого обобщения за несколько лет благодаря мудрым и удачным рассуждениям". Но остановка была достигнута не таким образом. Ибо за этим последовали открытия Фарадея, Клерка Максвелла, Герца и других великих физиков, которые использовали старую теорию просто как фундамент для надстройки неожиданных и удивительных пропорций. Теория электронов вышла на передний план, и явления света связываются с явлениями электричества. Явления электричества, опять же, связываются с явлениями жизни. И таким образом, как всегда, когда дело касается нашей глубочайшей интуиции, мистик природы оказывается в гармонии с последними достижениями современного знания и в курсе их.

На заре человеческой мысли свет и жизнь смутно, но настойчиво ощущались как нечто родственное, если не идентичное. И теперь мы знаем, что это было глубокое побуждение матери—природы, которое побудило людей дать своим божественным существам простое название - "Светлые".

ГЛАВА XXX

ПРОСТОР НЕБЕСНОГО ЦВЕТА

"Широко открытый глаз одинокого неба".

Чарльз Лэмб, с присущей ему чуткостью, счел эту строчку слишком ужасной для искусства. Его предположение о "безответственной пустоте вселенной" было для него слишком обнаженным и

пронзительным. И все же, в некоторых своих аспектах природа, несомненно, безответственна по отношению к человеку — отстранена от его дел — особенно в своей великолепии небес, солнца, луны и звезд. Но это чувство отчужденности не является постоянным и даже нормальным, о чем свидетельствуют изысканные строки Питера Белла:

"В полдень, когда на опушке леса
Он лежал под высокими ветвями,
Мягкое голубое небо так и не растаяло
В его сердце — он никогда не чувствовал
Колдовство нежно-голубого неба!"

Будь то в своем дружественном или чуждом аспекте, широко распространенный, всеобъемлющий небесный свод во все времена и в любом климате оказывал глубокое влияние на человеческую мысль, особенно в странах, где небо чистое и яркое, а горизонты расширены. Его влияние на развитие монотеистических верований в равнинных и пустынных регионах было отмечено в одной из первых глав. В Индии это сыграло важнейшую роль в развитии абстрактного универсализма и концепции пантеистического Абсолюта и соблазнило людей к взглядам, которые не оставляют места ни человеческой инициативе, ни вере в объективную реальность. И когда мы осознаем широкое и глубокое влияние, оказанное буддизмом на этику и метафизику древности и современности, мы осознаем, что небесный купол проявил себя как мистическая сила первого ранга.

Однако мы должны быть настороже, чтобы не преувеличивать это пантеистическое или универсалистское влияние. Мы имеем достаточную поправку к развитию Дьяуса, древнего бога неба, который в одной из своих более поздних форм стал греческим Зевсом, то есть царем как богов, так и людей, правителем Олимпа — высшим членом политеистического сообщества. И это развитие является лишь представителем большого класса, который шел по сходному пути, — класса, который пришел к самостоятельности в концепции Небесного Отца. Например, Тайлор показывает, что в религии североамериканских индейцев "небесный бог прекрасно демонстрирует постепенное слияние самого материального неба с его личным божеством"; и что китайский Тянь, Небеса, высшее божество государственной религии, претерпели аналогичное теологическое развитие. Мистическое влияние сохраняется в христианстве, о чем свидетельствует Кебл:

"Великолепное небо, охватывающее все
Подобно любви Создателя".

Это может быть подтверждено, то, не боясь ошибиться, что стихийные явления неба, в котором представлены все с неограниченным сроком, привел мужчин с идеей все-обнима божества,— эта идея, в частности, пребывает там и ждет до сих пор дальнейшего развития.

Ожидает дальнейшего развития, поскольку мистические влияния сохраняются и предполагают более глубокие интерпретации. Браунинг, хотя и не был общепризнанным мистиком природы, испытывал трепет и эмоции, связанные с небом.

"Утро наполнено предприимчивостью, глубокая тишина опускается
Вместе с вечером, триумф наступает в час заката".

Что касается эмоциональной ценности вселенского простора неба, его способности успокаивать чувством огромной гармонии и единства, Кристина Россетти знала это:

"Небеса окружают тебя и меня,
И все сады земли, и ее могилы.
Посмотри вверх вместе со мной, пока мы не увидим,
Наступает день и тени рассеиваются.
Что, если сегодняшняя ночь погубит тебя и меня
Если так, то завтрашний день спасет?"

Здесь, как это почти неизбежно, мысль о просторе ассоциируется с попеременным наступлением темноты и рассветом; но перемены и чередование обретают свое единство и окончательное значение благодаря всеохватности неба как неизменного элемента.

Уолт Уитмен раскрывает еще один аспект этого тонкого, но мощного влияния. Он обращается к небу: "Есть ли у Тебя, прозрачный, в Твоих лазурных глубинах лекарство для такого случая, как мой? (Ах, какое физическое потрясение и беспокойный дух были у меня последние три года.) И теперь Ты тонко, мистически невидимо капаешь этим по воздуху на меня?"

В подобном настроении Джеффрис пишет: "Я повернулся к голубому небу, вглядываясь в его глубину, вдыхая его изысканный цвет и сладость. Насыщенная синева недостижимого небесного цветка привлекла к нему мою душу, и там она отдохнула, ибо чистый цвет - это покой сердца".

И, таким образом, "волшебство нежно-голубого неба" естественным образом подводит нас к теме неба как цвета; и не только синего, но и того обширного диапазона оттенков и градаций, которые демонстрируют свою красоту и великолепие в четырех четвертях неба во время каждого движения земли от восхода до восхода солнца. Описание Теннисона яркое и великолепное. Потерпевший кораблекрушение Енох Арден ждет отплытия и видит

"Каждый день
Восход солнца вспыхнул алыми лучами
Среди пальм, папоротников и обрывов;
Зарево на водах на востоке;
Зарево на его острове над головой;
Зарево на водах на западе;
Затем на Небе появились огромные звезды,
еще более глухой, ревуший океан, и снова
Алые лучи восхода солнца".

Но особый интерес здесь представляет тот факт, что синева свода нигде не упоминается — только алые лучи восхода и зарево. Было ли это упущение преднамеренным или нет, может быть неясно.

Но это наводит на мысль о странном факте, что восприятие и присвоение названий этому синему цвету появились сравнительно недавно. В старых гимнах Ригведы колесница солнца описывается как сияющая разнообразными цветами, а ее кони - как похожие на золото или переливающиеся семичастными оттенками; но хотя существовало слово, обозначающее синеву моря и краску индиго, это слово никогда не применялось к яркости залитого солнцем свода. И так, что еще более странно, мы обнаруживаем, что, несмотря на веселую синеву

греческого неба, старый Гомер никогда не называет его голубым! У него есть свой розовощекий рассвет, аналог "алых стрел" Теннисона; но дневное небо, по-видимому, было для него, как и для Еноха Ардена, "пламенем". Это упущение не восполняется и в более поздней классической литературе; и более старые греческие писатели, посвященные науке, используют такие эпитеты, как "воздушного цвета", в качестве замены более специфических терминов. Немецкий ученый, исследовавший древние письма китайцев, утверждает, что они имеют приоритет в признании голубизны неба, и указывает, что в "Ши-кинге", сборнике песен примерно с 1709 по 618 год до нашей эры, небо названо сводчато-голубым, поскольку на более современном языке оно называется царствующей синевой.

Делич, от которого почерпнуто многое из только что изложенного (а также из статьи Гладстона о цветоощущении Гомера), считает, что небесная синева была признана в Европе не раньше, чем старейшими латинскими поэтами третьего века до нашей эры, которые используют *caerulus* неба, и с тех пор этот эпитет занимает свое место в литературе, языческой и христианской. И понимание небесного цвета быстро развивается, пока у нас не появляется "Колдовство нежно-голубого неба" Вордсворта.

Объяснение этого позднего развития представляет собой проблему, представляющую большой интерес с точки зрения физиолога и психолога, поскольку она имеет отношение к истории особых чувств. Было бы небезопасно говорить о том, что цвет не воспринимался в несколько широком смысле этого термина, а скорее о том, что он не различался сознательно. Как у ребенка, так и у первобытного человека первыми определенно воспринимаются сильные ощущения — отблеск пламени, багрянец рассвета и заката, золото солнца, луны и звезд. Красный и желтый были первыми, кто заявил о себе; и оба они многозначительно сочетаются в описаниях Гомером зари — желтый цвет крокуса в качестве одеяния и румянец розы в качестве прикосновенных лучей.

Однако мы не должны воображать, что неспособность различать оттенки и разновидности синего цвета свидетельствует о каком-либо недостатке понимания качества чистой, полупрозрачной глубины, которая характеризует ясное, залитое солнцем небо. Поразительное доказательство обратного содержится в описании в книге Исход, где описывается видение Бога и где мы читаем, что под Его ногами было как бы произведение из прозрачного сапфира и как бы небесное тело в его чистоте". Мы вспоминаем также изысканное выражение "ясное сияние после дождя".

Поэтому мистику природы нет необходимости исключать синеву свода, яркость неба как влияние на формирование духовной природы человека в ранние времена. Однако остается верным, что тонкое различие цвета является сравнительно недавним приобретением, и что таким образом современный мир приобрел новое богатство явлений в сфере непосредственных ощущений. И эта недавно приобретенная тонкость восприятия цвета неизбежно принесет с собой соответствующее богатство мистической интуиции. Более старые попытки цветовой символики указывают напуть — красный цвет крови, алый цвет пламени, белизна лилии, румянец розы, блеск стали или серебра, сияние золота, зеленый цвет мантии, которую носит мать-земля, - все это и бесчисленное множество других сыграли свою роль в качестве тонких мистических влияний. Но впереди еще многое и лучшее. Милтон мог бы написать:

"О, добро пожаловать, Вера с чистыми глазами, Надежда с белыми Руками, Парящий ангел, опоясанный золотыми крыльями!"

Как оттенков, так и значений, более тонких, добьется душа человека в контакте с природой. Ибо цвет так же разнообразен, как любовь. "Цвет, - говорит Раскин, - это тип любви. Следовательно, это особенно связано с цветением земли и с ее плодами; также с весной и опадением листьев, с утром и вечером дня, чтобы показать ожидание любви по поводу рождения и смерти человека".

ГЛАВА XXXI

ЛУНА —ОСОБАЯ ПРОБЛЕМА

Утверждение мистика природы состоит в том, что человек может вступать в непосредственное общение с объектами своего физического окружения, поскольку они сродни ему по своей сущностной природе. Теперь Гете говорит:

"Звезды не возбуждают желания,
Человек счастлив просто в их великолепии".

И Шопенгауэр спрашивает, почему вид полной луны оказывает на нас такое успокаивающее и возвышающее воздействие. Его объяснение согласуется с общим направлением его философской доктрины. Он говорит, что Луна имеет настолько малое отношение к нашим личным заботам, что она не является объектом волеизъявления. Мы довольствуемся созерцанием ее в пассивной восприимчивости. Здесь мы сталкиваемся с проблемой, которая вполне заслуживает обсуждения. Давайте рассмотрим этот вопрос на примере реального опыта, воплощенного в современной прозе и поэзии. Ибо, хотя само собой разумеется, что качества физической удаленности, возвышенности и необъятности обладают своей особой мистической силой и что они особенно проявляются в явлениях звездного неба, существует опасность подчеркивания этого факта в ущерб основному принципу Природымистицизма. Чтобы подвести дискуссию к разумным рамкам, давайте ограничимся примером Шопенгауэра:

"Та дева в шаре, наполненная белым огнем,
Которую смертные называют луной".

Правда ли, что наряду с чувством ее отдаленности нет ни одной активной эмоции, которую существенное родство заставило бы нас предвидеть?

Можно было бы сразу же обратиться к пресловутому "плачу по луне", и в этом обращении было бы нечто большее, чем может показаться на первый взгляд. Ибо сразу же приходит на ум возвышение этой тоски в прекрасном мифе об Эндимионе, который так сильно подействовал на Китса и очаровал даже Браунинга. Можно также апеллировать к милому натурализму святого Франциска с его милым именем "Наша сестра Луна".

Более того, существует огромная масса магических и суеверных преданий, которые придают луне очень практическое и прямое влияние на человеческие дела. Это может быть исключено как не основанное на фактах; но это остается доказательством чувства родства практического характера. И если это не удастся, есть учение современной науки. Теперь мы знаем, что приливы и отливы являются свидетельством постоянного вмешательства Луны в земные дела, и что, помимо ее функций дарительницы света, бесчисленные человеческие события зависят от ее движения и положения. Существует даже теория, что она является неотъемлемой частицей самой земли, будучи вырванной со дна Тихого океана. И, в любом случае, ее поверхность была исследована, насколько это возможно, и с поразительной точностью нанесена на карту и названа. Таким образом, наука, измеряя расстояние до нее, конечно, не усиливает чувство нашего отчуждения от нее.

Но давайте обратимся, как предлагается, к трудам современных провидцев и интерпретаторов. Посмотрите, как Китс связывает Луну с самыми скромными и обыденными вещами на земле:

"Какая-нибудь форма красоты снимает покров
С наших темных духов. Таковы солнце, луна,
деревья, старые и молодые, прорастающие в тени
Для простых овец; и таковы нарциссы
С зеленым миром, в котором они живут".

Здесь нет ощущения разрыва при переходе с небес на землю. В порыве более сильных эмоций он заставляет Эндимиона заговорить:

"Lo! из-за разошедшихся облаков я увидел, как появилась
Самая прекрасная луна, которая когда-либо серебрила небо
Раковина из кубка Нептуна; она парила
Так страстно ярко, моя ослепленная душа
Смешиваясь с ее серебряными сферами, она вращалась
Сквозь ясную и облачную погоду".

Здесь мало от пассивной и созерцательной восприимчивости Шопенгауэра! Скорее слияние бытия с проносщимся сквозь пространство.

Катулл пел так:

"Возле делосской оливы Латония подарила тебе жизнь "
Чтобы ты навеки стала королевой
гор и зеленых лесов;
Тайн каждой глубокой долины;
всех ручьев в их мелодии".

И Вордсворт с полным сочувствием навязывает представления о старом свете. Он останавливается на домашнем аспекте:

"Странник! эта ступенька так низка и находится так близко
К неустроенной атмосфере человеческой жизни;
Кто любит Ночь и Тишину, чтобы разделить,
Так может показаться, заботы тех, кто просыпается;
И, тихонько подглядывая сквозь решетку коттеджа,
Прикрывает от бед самого смиренного из спящих" -

И связывает эти дружеские мысли с мифическим духом прошлого:

"хорошо, если бы это прекрасное лицо
И все эти атрибуты скромной грации,
В дни, когда Фантазия, не сдерживаемая страхом,
перенесла тебя в зеленые поля из твоей сферы,
Чтобы посидеть в покрытых листвой лесах у чистых фонтанов".

Или возьмем знаменитое гомеровское сравнение, так точно переведенное Теннисоном:

"Как тогда , когда на Небесах звезды сияют над луной
Выглядит прекрасно, когда дуют все ветры,
И проступает всякая высота, и выступающий пик
И долина, и неизмеримые небеса
Раскройтесь навстречу их высшему, и все звезды
Засияют, и пастырь возрадуется в своем сердце".

Звезды здесь ассоциируются с луной — тем лучше для отстаиваемого сейчас принципа.

Сравните это с некоторыми строками из самого Гете — того Гете, который убеждал нас, что звезды не возбуждают страстного желания и что мы счастливы просто в их великолепии. Таким образом, он обращается к Луне:

"Кусты и долины ты снова наполняешь
своим туманным лучом
И тяжелая цепь моего духа
Закинута далеко отсюда.
Ты простираешь над моими полями
Свой нежный, успокаивающий взор,
Наблюдая, как нежный друг,
За моей судьбой".

Браунинг почувствовал очарование сияющей луны:

"Сладострастный восторг поднимается вместе с кукурузой
Под теплой луной, как счастливое лицо".

Итак, с английской картинкой Кирка Уайта:

"Луна урожай, кроткий вестник
изобилия, дитя деревенского труда,
Радуйся! О, радуйся! Я приветствую твой луч,
Как мягко он дрожит над ручьем,
И золочит покрытую соломой деревушку,
Где обитают Невинность и Покой;
Это ты радуешь деревенскую толпу,
Побуждаешь к пляске, к волнующей песне ".

Подчеркивать этот аспект - значит не забывать, что есть и другой. Вордсворт испытал оба типа эмоций. На этот раз он поет:

"что хмурится
В своем разрушительном полете над земными коронами,
Щадит твое холодное великолепие; все еще эти далекие лучи
Дрожат на танцующих волнах и журчащих потоках
Безупречным прикосновением, таким же целомудренным, как когда хоры девственниц Пели
тебе хвалу
в праздничных песнопениях".

Но имеется множество доказательств того, что позиция, занятая Гете и Шопенгауэром, может легко привести к потере истинной перспективы. Луна и звезды, хотя и далеки, в то же время близки: хотя они запускают движение пассивных и созерцательных мыслей, они также стимулируют активные эмоции и даже страстные стремления. Что может быть более страстным, чем Шелли?

"Стремление мотылька к звезде,
ночи к завтрашнему дню,
Привязанность к чему-то далекому
От сферы нашей скорби".

Кажется, не так уж много поэтов, которые ясно противопоставили бы и облегчили этот двойной аспект мистического влияния небесных тел. Но это определенно остановило воображение и мысль Клафа, чье стихотворение "Селена" полностью посвящено этой теме. Оно слишком длинное для цитирования здесь, хотя все оно было бы замечательно уместно. Приведено достаточно, чтобы показать ее общий дрейф. Земля обращается к Луне:

"Мой возлюбленный, разве это ничего,
Хотя мы не встречаемся и не можем встретиться,
Что я вижу тебя, а ты меня,
Что мы видим, а видим мы видим,
Когда я вижу, я также чувствую тебя;
Разве это ничего, мой возлюбленный?

...

О жестокий, жестокий жребий, ты все еще катишься, не останавливаешься,
Смотришь вперед, смотришь вперед,
Но я всегда следую за тобой.
Жестокий, жестокий, неужели ты только

Почувствуй, как я чувствую всегда,
Силу, хотя и не во мне,
Втягивающуюся внутрь, внутрь, внутрь, внутрь,
Да, ты почувствуешь, что прежде, чем все закончится,
Ты почувствуешь меня ближе, ближе,
Мой возлюбленный!

...

Неизбежное движение
Несет нас обоих по своей линии
Вместе, тебя как меня,
Вместе и порознь,
Навсегда. Так и должно быть".

Таким образом, мистику природы подобает быть искренним в защите своего главного принципа. *Человек сам по себе и человеколюбец, а мне ничего не чуждо* — так сказал Теренс. Мистик природы принимает и расширяет его изречение. Он заменяет *mundani* на *humani* и включает в свой *mundus*, как это делали латиняне и как это делали греки в своем космосе, не только земные вещи, но и небесные просторы.

ГЛАВА XXXII

ЗЕМЛЯ, ГОРЫ И РАВНИНЫ

Таким образом, три великих натурфилософа старого света - Фалес, Анаксимен и Гераклит - были, так сказать, нашими проводниками в изучении наиболее поразительных явлений воды, воздуха и огня. Четвертый член древней группы "элементов" подвергся лишь второстепенному рассмотрению. Очевидно, что вряд ли могло быть иначе, особенно в рамках такого исследования, как это. Разнообразные и удивительные формы растительной и животной жизни также появлялись, но ненадолго и преходяще; но это упущение было вызвано определенным намерением, выраженным в самом начале. Тем не менее, прежде чем закончить, было бы неплохо бросить взгляд на богатые области, которые все еще открыты для любителей природы для дальнейших открытий и исследований.

Наиболее яркие особенности ландшафта всегда привлекали внимание и стимулировали мистическое чувство. Особое влияние высоты было отмечено на более ранней стадии, хотя и поверхностно. Многое можно было бы сказать об огромном эффекте горного пейзажа. Наиболее непосредственная форма восприятия природы находит выражение у Скотта и Байрона; а описание скал, оврагов, вершин и ущелий занимает большое место в их произведениях. Типичными являются эти строки из "Манфреда":

"Вы, скалы, на крайнем краю которых
Я стою, и на краю потока внизу
Взгляните, высокие сосны превратились в кусты
На головокружительном расстоянии".

или Шелли с его

"Орлиная гора, сбивающая с толку"
Черный, зимний, мертвый, неизмеримый, без травы,
Насекомого или зверя, без формы или звука жизни".

Действительно, мало найдется поэтов, даже тех, кого в основном интересуют человек и его деяния, которые часто не обращались бы к горному пейзажу хотя бы за сравнениями. И иначе и быть не могло; ибо проявляющиеся здесь имманентные идеи самоутверждающи по своему характеру и особенно богаты количеством и разнообразием. Как было хорошо выражено, пульс природы здесь, кажется, бьется быстрее. В старину возвышенности земли ассоциировались с мифами о богах и титанах. Полностью представляя современный мир, Теннисон спрашивает:

"Неужели у тебя нет голоса, о Вершина,
Возвышающаяся над всеми?"

И его ответ затрагивает мистические узы, которые связывают глубину и высоту в цикл взаимозависимых действий.

"Бездна властна над высотой,
А высота властна над бездной.
Бездна под бездной
И высота за пределами высоты!
Наш слух - это не слышание,
А наше зрение - это не зрение".

Или Моррис придает мистицизму более личный оттенок:

"О, снега такие чистые! о, вершины такие высокие!
Я поднимаю к тебе безнадежный взгляд,
я вижу твои ледяные стены, возведенные
Между спящими и рассветом;
Я вижу тебя, когда солнце уже садится
Вровень с угасающим дневным светом.

...

О, снега такие чистые! о, вершины такие высокие!
Я не доберусь до тебя, пока не умру".

И теперь, когда современная геология открывает нам все больше и больше о происхождении и структуре горных хребтов мира и рассказывает нам все больше и больше о чудесных материалах, которые идут на их строительство, поле для мистицизма широко расширяется.

Иным, но едва ли менее сильным является влияние горных пейзажей — будь то они

"вдалеке лежит

Синее и податливое, как небо",

или можно ли подняться по их пологим склонам и увидеть их нежную красоту вблизи. Как утверждал Раскин, даже самый простой подъем может натолкнуть на мысль о горе; но у нее также есть собственное мистическое очарование, дополняющее очарование защищенной долины, которая восхитительна как своей естественной простотой, так и своим откликом на труд человека, где некоторые

"стоящий на коленях гамлет осушает
чашу винограда Господня".

Но хотя влияние гор, холмов, оврагов и долин очевидно даже для поверхностного исследователя, оно не должно заслонять для нас вполне реальное, хотя и менее мощное влияние низменностей, равнин и пустынь. Более тонким по своему воздействию на дух человека является одиночество в дикой местности, в прериях, пампасах, тундре, Сахаре. Греческий Пан был, по сути, богом дикой, непаханой поверхности земли. Отсюда также частое сочетание дикой природы с безмолвной медитацией и аскетической дисциплиной. Шопенгауэр предполагает, что одним из секретов очарования горных пейзажей является постоянство линии неба. Должны ли мы сказать, что одним из секретов уединенного места является обращение человеческого духа к самому себе из-за неизменности постоянной линии неба?

Влияние пейзажа на религию рассматривалось в качестве иллюстрации общего принципа мистицизма природы — родства человека и его физического окружения. Не менее заметным было влияние пейзажа на искусство. Тема сейчас несколько затертая, но ее истинное значение редко осознается. Ибо если искусство имеет отношение к сфере идеального, или, скорее, возможно, к реальному в его более идеальных аспектах, то из этого следует, что все, что оказывает влияние на искусство, оказывает влияние и на духовное развитие людей, среди которых может утвердиться тот или иной способ или школа искусства. Интересный аспект такого влияния обнаруживается в предположении Гейки относительно присутствия юмористического элемента в мифах и легендах северной Европы. "Гротескные очертания, - говорит он, - многих скалистых склонов, где в выступающих вершинах голых скал активное воображение видит формы людей и животных в бесконечных причудливых повторениях, возможно, иногда наводило на мысль об особой форме того нелепого, что фигурирует в популярной легенде. Но природный инстинкт юмора, который видел физические черты в комическом свете и придавал всему лику природы игривый человеческий интерес, был отличительной чертой. Тевтонская черта ". Здесь открывается неизведанный регион для оригинальных исследований. Взяв за основу переживание природного мистика, насколько комическое является чисто субъективным делом, связанным только, как утверждает Бергсон, с человеком и обнаруживаемым во внешних явлениях только благодаря тому, что они отражают его дела; или насколько оно имеет свое собственное место во вселенной в целом?

Завершая этот небольшой очерк природного мистицизма твердой земли, давайте сведем воедино древнее и недавнее выражение эмоций, которые могут вызывать эти чисто земные явления. Есть один из гомеровских гимнов, обращенный к "Земле, Матери Всего Сущего". Его начало и конец следующие (в переводе Шелли):

"О всеобщая мать, которая удерживает
От вечного разрушения твои глубокие основания,
Древнейшая из вещей, Великая Земля, Я пою о тебе.

...

Мать богов, жена звездного Неба,
прощай! будь благосклонна".

Разве нет живой преемственности между эмоциональным элементом в этом великом старом гимне и сильным современным чувством в этой заключительной строфе "Alma Mater" Брауна?

"О мать-Земля, клянусь ясным небом над тобой,
я люблю тебя, О, я люблю тебя!

Поэтому позволь мне никогда не покидать тебя,
Но прильнуть к тебе навсегда,
И парить над твоими горами,
И порхать у твоих фонтанов,
И срывать твои розы свежими и красными;
И краснеть во весь свой румянец,
И краснеть во весь свой румянец,
И смотреть, когда ты спишь,
И плакать, когда ты плачешь,
И быть унесенным твоим движением,
Как реки и океан,
Как огромные скалы и деревья —
О мать, это была великолепная жизнь. ,
Этому не суждено было умереть.

О мать-Земля, клянусь ясным небом над тобой,
я люблю тебя, о, я люблю тебя!"

ВРЕМЕНА ГОДА, РАСТИТЕЛЬНОСТЬ, ЖИВОТНЫЕ

Времена года и месяцы, особенно в зонах с умеренным климатом, — как они пропитаны мистикой! Богатство иллюстраций настолько велико, что выбор практически парализован. Поэты и любители природы никогда не устают пользоваться ее неисчерпаемыми запасами. Возьмите эти стихи из "Ранней весны" Теннисона:

"Открывается дверь на Небесах;
Со стеклянных небес
Падает
лестница Иакова На зеленеющую траву,
И над горными стенами
проходят Юные ангелы.

На данный момент Небесная Сила
Создает все новое
И растапливает холод и наполняет
цветок росой;
У дроздов есть своя воля, у
поэтов тоже".

Или возьмем эти ликующие строки из песни Ковентри Патмора "Отвращение":

- Это было в мае, когда наступало время бракосочетания
Вся изгородь увешана свадебными венками,
И воздух такой сладкий, что грудь веселеет
Благодарит за каждый вдох, которым дышит;
Когда взаимное расположение вызывает радость,
И каждая вещь присоединяется к весеннему припеву,
"Пусть сейчас любят те, кто никогда не любил;
Пусть те, кто любил, полюбят снова".

Вспомните стихи, которые бесконечным хором воспевают эмоции, вызванные пышностью и великолепием лета; плодотворностью или печалью мягкой осени; острым возбуждением или ледяной хваткой зимы. Некоторые поэты, такие как Блейк, написали специальные оды или сонеты на все четыре праздника; некоторые, как Китс в своей "Оде осени", посвятили свое самое совершенное искусство тому времени года, которое им больше всего нравилось. У каждого месяца тоже есть свои барды, своя особая группа качеств и те чувства, которые они вызывают. Поистине, сердце мистика природы ликует, когда он размышляет о неисчерпаемости материала и значимости, здесь представленного!

А что с цветами? И снова тема неисчерпаема. Поэты соперничают друг с другом в своих попытках придать даже самым скромным цветам эмоциональную и мистическую окраску. Некоторые из самых красивых мифов старого света связаны с объяснением формы или цвета цветов. Нарциссы Вордсворта, Маргаритки Бернса, "Цветок в трещиноватой стене" Теннисона - все это всего лишь прекрасные цветы в пышной и ослепительной грозди. Цветы (сказал некий

богослов) - это самые сладкие вещи, которые Бог когда-либо создавал и забыл вложить в них душу. Мистик природы с благодарностью признает сладость, но он подвергает сомнению отсутствие души! Степень индивидуальности является предметом серьезных споров; но предполагать ее отсутствие - значит выводить себя из фокуса внимания для достижения истинного и живого понимания существа природы. Насколько более основательна вера Вордсворта в то, "что каждый цветок наслаждается воздухом, которым дышит".

Давайте проверим это на примере старших братьев цветов — деревьев. Минуя широкий спектр поразительных и красивых мифов и легенд (многие из них наполнены мистическим смыслом), давайте обратимся к выражениям личных чувств, которые в изобилии представлены в литературе разных эпох, ограничив обзор некоторыми типичными примерами. Тевтонский миф о Мировом древе был полностью рассмотрен в главе о Подземных водах. Но сейчас уместно упомянуть об этом в связи с обширной группой мифов, центром которых является идея древа жизни, которые сохраняли свою жизнеспособность в меняющихся формах и которые даже встречаются у Данте в его рассказе о мистическом браке под засохшим деревом. Вергилий был любителем деревьев; поляна и лес взывали к нему той же магией внушенной жизни, которая действует на современного поэта или любителя природы.

Принято считать, что в Англии любящее прозрение мистика природы было практически неизвестно до тех пор, пока Коллинз, Томсон и Крэбб не проложили путь к триумфу поэтов Озера.

Это может быть верно для многих природных объектов, но это верно не для всех. Как свежи эти строки из обращения Уитера к своей музе:

"Журчанием источника,
Или малейшим шелестом ветки;
маргариткой, чьи листья распускаются,
Закрываясь, когда Титан ложится спать;
Или тенистым кустом или деревом, —
Она могла бы больше вселить в меня
Чем все красоты Природы могут
Быть У какого-нибудь другого более мудрого человека".

Несомненно, это голос Вордсворта во фразеологии эпохи Тюдоров. Еще более поразителен этот отрывок из "Марвелла", написанный в разгар дней Содружества: мистицизм его природы, вордсвортианское чувство и пронизательность настолько замечательны, что его следует приводить без сокращений. Это встречается в стихотворении о "Саде".

"Тем временем разум, лишенный удовольствий,
Уходит в свое счастье;
Разум, этот океан, где каждый вид
Находит свое собственное подобие;
Все же он творит, превосходя их,
Другие миры и другие моря,
Уничтожая все, что создано
Для зеленой мысли в зеленой тени,
Здесь, у скользящего подножия фонтана,

Или у замшелого корня какого-нибудь фруктового дерева,
Отбросив в сторону жилетку тела,
Моя душа скользит в ветвях:

Там, подобно птице, он сидит и поет,
Затем точит и расчесывает свои серебряные крылья,
И, пока не подготовится к более длительному полету,
Развеивает в своих перьях различные огоньки".

Каждая строка этого отрывка достойна пристального изучения — не только из-за ее внутренней красоты, но и из-за свидетельства работы имманентных идей и яркого ощущения родства с жизнью деревьев. Две строчки

"Уничтожая все, что сделано
Для зеленой мысли в зеленом оттенке",

по праву известны. Но более значимыми являются три менее известных:

"Отбросив телесную оболочку,
Моя душа скользит по ветвям:
Там, как птица, он сидит и поет".

Выражали ли когда-нибудь Вордсворт, Теннисон или Шелли более яркое чувство родства с жизнью дерева? Разве не очевидно, что одна и та же существенная форма интуитивного опыта борется у всех без исключения этих поэтов за то, чтобы найти какое-то подходящее выражение? Для Марвелла, как и для Вордсворта,

"Нежная музыка для глаз медленно колышущихся ветвей"

казалось, что он колеблется вместе с внутренней жизнью и требует радостного сочувствия.

Или, наконец, изучите эти отрывки из Уолта Уитмена, стойкого жителя Запада; его чувство мистических импульсов жизни на деревьях исключительно, если не по своей интенсивности, то, во всяком случае, по его решимости выразить это. Если деревья не разговаривают, говорит он, то они, безусловно, справляются с этим "так же хорошо, как большинство говорящих, пишущих стихи, проповеди — или, скорее, у них это получается намного лучше. Я бы действительно сказал, что эти воспоминания старой дриады столь же правдивы, как и любые другие, и глубже большинства воспоминаний, которые мы получаем. Далее, говоря о вечерних огнях и тенях на листе травы, он говорит: "При описании такого света, такого исключительного часа, такого настроения не приходится удивляться старым сказочным басням (действительно, почему басням?). о людях, впадающих в любовную болезнь к деревьям, охваченных экстазом от мистического реализма заключенной в них непоколебимой безмолвной силы — силы, которая, в конце концов, возможно, является последней, самой совершенной, высочайшей красотой ". В другом месте он говорит: "Я ласково держусь за ветви стройных деревьев на солнце и в тени, борюсь с их внутренней стойкостью — *изнаю*, что ее сила переходит от них ко мне. (Или, может быть, мы меняемся местами — может быть, деревья осознают все это лучше, чем я когда-либо думал.)" И еще раз, говоря о желтом тополе: "Какой сильный, жизнерадостный, выносливый! Как глупо красноречиво! Какие намеки на невозмутимость и *бытие*, в отличие от такой человеческой черты, как *кажимость*. Затем качества, почти эмоциональные, ощутимо художественные, героические, деревья; такое невинное и безобидное, но в то же время такое

дикое. Оно *есть*, но ничего не говорит. Как оно укоряет своей жесткой и ровной безмятежностью в любую погоду ". Все это нетрадиционно! Тем лучше! Идентичность лежащих в основе чувств проявляется яснее. Деревья не только живые (и все же, как много содержит в себе один этот факт!) но у них есть свой характер, своя индивидуальность; они могут напрямую обращаться к сердцу и душе человека, и человек может им сочувствовать.

Что касается животного мира в самом широком смысле, то ясно, что его изучение с мистической точки зрения составляет отдельный отдел. Если допустить, что переход от минерала к организму постепенный, а от растения к животному еще более постепенный, то общий факт остается фактом: когда мы достигаем высших форм царства живой материи, мы определенно распознаем многие характеристики, присущие человеческой душе, — волю, эмоции, импульсы, даже интеллектуальную деятельность. Не только первобытный человек, но и те, кто часто далеко продвинулся в умственном развитии, приписывают душу животным, и им трудно поверить в обратное — как свидетельствуют тотемистические системы, за которыми следуют теории метемпсихоза. И дарвинизм, далекий от разрушения этих старых идей, просто обеспечил научную основу для нового тотемизма.

Как было отмечено вначале, тема того, что мы можем назвать животным мистицизмом, лежит за пределами нашей нынешней компетенции. Тем не менее, пара слов, показывающих, как физическое, растительное и животное связаны друг с другом в живом мистическом союзе, могут уместно подвести эту главу к завершению. Многие из наших самых глубоких и оригинальных мыслителей нащупывают свой путь к этому более масштабному мистицизму. Вот два примера, взятых почти наугад. Анатоль Франс в одном из многих очаровательных эпизодов, делающих его историю старого ученого, Сильвестра Боннара, одновременно такой трогательной и такой философской, отводит своего старого героя в тень молодых дубов, чтобы поразмышлять о природе души и предназначении человека. The narrative proceeds thus: "Une abeille, dont le corsage brun brillait au soleil comme une armure de vieil or, vint se poser sur une fleur de mauve d'une sombre richesse et bien ouverte sur sa tige touffue. Ce n'était certainement pas la première fois que je voyais un spectacle si commun, mais c'était la première que je le voyais avec une curiosité si affectueuse et si intelligente. Je reconnus qu'il y avait entre l'insecte et la fleur toutes sortes de sympathies et mille rapports ingénieux que je n'avais pas soupçonnés jusque là. L'insecte, rassasié de nectar, s'élança en ligne hardie. Je me relevai du mieux que je pus, et me rajustai sur mes jambes—Adieu, dis-je à la fleur et à l'abeille. Adieu. Puissé-je vivre encore le temps de deviner le secret de vos harmonies. . . . Combien le vieux mythe d'Antée est plein de sens! J'ai touché la terre et je suis un nouvel homme, et voici qu'à soixante-dix ans de nouvelles curiosités naissent dans mon âme comme on voit des rejetons s'élancer du tronc creux d'un vieux saule."

"Пусть я проживу достаточно долго, чтобы разгадать секрет вашей гармонии!" В этом есть дух истинного природного мистика! Но как это будет разгадано? Сначала интуицией — если когда-нибудь интеллект и постигнет секрет, то только на основе интуиции. Именно с этим убеждением Метерлинк размышляет над той же темой, что и та, которая арестовала Анатоля Франса. "Кто скажет нам, о, маленькие люди (пчелы), которые так глубоко серьезны, которые питаются теплом и светом и самым чистым в природе, душой цветов, — в которых материя на этот раз, кажется, улыбается и прилагает свои самые задумчивые усилия к красоте и счастью, — кто скажет нам, какие проблемы вы разрешили, а мы еще нет; какие уверенности вы приобрели, которые нам еще предстоит завоевать? И если вы действительно разрешили эти проблемы,

приобрели эти уверенности с помощью какого-то слепого и примитивного импульса, а не с помощью интеллекта, то к какой загадке, еще более неразрешимой, вы нас не подталкиваете?"

Такова закваска, которая действует во многих передовых образах мышления нашего времени. Царствование материализма проходит — господство мистицизма набирает силу в императивной настойчивости и степени господства. И сердце природного мистика радуется, зная, что его главный принцип всеобщего родства вступает в свои права. Анатоль Франс и Метерлинк стремятся ухватиться за гармонию между физической, растительной и животной сферами — воздухом и солнечным светом, цветами и пчелами; добавьте к этому моральную и духовную гармонию, и мистицизм становится завершенным — он стремится разгадать тайну существования в целом, "*elan vital*" в этом или любом другом мире.

ГЛАВА XXXIV

ПРАГМАТИЧНЫЙ

Программа, изложенная во вводной главе, выполнена. Не было предпринято никаких попыток сделать какой-либо отдельный раздел, не говоря уже об исследовании в целом, полным или исчерпывающим изложением его предмета. Цель всего этого состояла в том, чтобы пролить свет на фундаментальные принципы мистицизма природы, рассмотреть обоснованность основных критических замечаний, которым они подвергаются, и проиллюстрировать некоторые из их наиболее типичных применений. Официальное изложение сделанных выводов было бы утомительным и ненужным. Но, возможно, было бы неплохо показать, что даже подвергаясь испытаниям, налагаемым господствующим прагматизмом, мистик природы может оправдать свое существование и обратиться к своей вере с чистой совестью.

"Назад в деревню" — часто раздающийся клич, хотя обычно имеющий значение почти исключительно экономическое или, во всяком случае, утилитарное. Это выражает растущее убеждение в том, что жизнь больших городов слишком искусственна и специализирована, чтобы обеспечить здоровое всестороннее развитие их населения. С евгенической точки зрения, телосложение принижено. С экономической точки зрения большие территории

лишаются своей здоровой независимости из-за нарушения баланса производства между городом и деревней. Очевидно, что каждое из этих соображений достаточно серьезно, чтобы вызвать широко распространенные опасения.

Но существует взгляд мистика природы на ситуацию, которая, когда она действительно достигнута, считается не менее важной, хотя ее слишком часто оставляют в сравнительной неизвестности. К нему легко подойти с чисто эстетической стороны. В городе может развиваться быстрый и не по годам развитый интеллект, но это происходит ценой отказа от богатого спектра впечатлений, которые должны быть достоянием всех нормальных людей. В городе ум склонен погружаться в ограниченный круг обязанностей и удовольствий и теряет "естественный" тонус. В то время как, с одной стороны, наблюдается чрезмерная стимуляция определенных видов ощущений, другие в значительной степени или полностью атрофированы. Тончайшая восприимчивость ослабевает. Глаз и ухо, самые тонкие органы души, лишены своих естественных стимуляторов. Короче говоря, городские условия чрезмерно препятствуют естественному развитию многих элементов высшего "я".

Зло, которого мы так кратко коснулись, несомненно, привлекает к себе все больше и больше внимания и вызывает много филантропических мыслей и деятельности. Они особенно оплакиваются многими, кто, будучи сам любителями искусства и природы, остро осознает понесенные потери и нависшую опасность. Учение Раскина повлияло на взгляды и жизни тысяч людей, которые никогда не читали его книг. Те, кто наиболее глубоко проник в игру эстетических причин и следствий, хорошо знают, что на карту поставлено само существование поистине великого и созидательного искусства. Наука, литература, политика и тысячи специализированных отвлекающих факторов имеют тенденцию "насыщать наше ограниченное внимание" и поглощать нашу энергию в ущерб нашему чувству к природе и наслаждению ее красотами. И все же только сохраняя живой контакт с природой, изобразительное искусство может возобновить свое вдохновение или достичь высот.

Существует, конечно, и обратная опасность нездорового эстетизма, отмеченного предположением о невыносимой восприимчивости. Чувства, якобы растрачиваемые на внешнюю красоту, могут превратиться в отвратительную форму самолюбования; а педантичность - наименьшая из болезней, которые за этим последуют. Ибо с потерей непосредственности и свежести в чувстве происходит умерщвление самого чувства. Тем не менее, эта опасность не является всеобщей, и поэтому менее примечательна. Это можно смело оставить целебным средствам, инстинктивно применяемым здравым смыслом.

Мистик природы, однако, недолго задерживается на чисто эстетическом плане. Он проникает глубже в суть вещей и считает, что потерять связь с природой - значит потерять связь с Реальностью, проявленной в природе. Печально, заявляет он, упускать чистое наслаждение формами и цветами, звуками и запахами; еще печальнее упускать опыт общения с духом, воплощенным в этих внешних явлениях. Ибо тогда следует сокрушаться не только о недостатке воспитания чувств (хотя и этого недостатка достаточно!), но задержка душевной жизни, которая возникает при разрыве с природой и с огромным запасом первичных и фундаментальных идей, которые ей имманентны. Таким образом, потеря может стать не просто печальной, но и трагической.

И весомость этих соображений не уменьшается, когда мы соотносим их с особыми потребностями дня. Наше время — время глубокого беспокойства, проявляющегося в религии и

этике, в литературе и искусстве, в политике и экономике. Беспокойство проявляется в том, что мы привыкли называть "социальным вопросом". Как цивилизации восстановить и усилить свой здоровый покой? Если не будет найдено лекарство, впереди будет катастрофа. Демократия принесла с собой большие надежды; она также вызывает непривычные опасения. Люди в целом должны подняться на более высокий уровень жизни; они должны завоевать для себя более широкие горизонты; они должны разжечь свое воображение и дать волю своим неэгоистичным и благородным эмоциям. Как лучше обеспечить эти цели, чем приведя "массы" в соприкосновение со стихийными силами и явлениями природы? "Демократия" (говорит Уолт Уитмен) "больше всего ассоциируется с открытым воздухом, солнечно, вынослива и разумна только с Природой — точно так же, как Искусство. Требуется что-то, чтобы закалить обоих - обуздать их, удержать от излишеств, болезненности. ... Я не представляю себе никаких процветающих и героических элементов демократии ... без элемента Природы, составляющего главную часть — элемента здоровья и красоты, который действительно лежит в основе всей политики, здравомыслия, религии и искусства Нового Света ". Да, общение с Природой — даже самая простая форма общения — оказывает успокаивающее действие и приносит то тихое счастье, которое вызывает у своих спутников доброжелательность и деликатную симпатию. Уклоняться от такого общения - значит проявлять эгоизм, хамство (лощенное или не лощенное) и бесчеловечность. Влияние природы означает развитие; отсутствие этого влияния означает революцию.

Следовательно, приглашение Вордсворта имеет как социальную, так и индивидуальную подоплеку:

- Вставай! вставай! друг мой, и брось свои книги,
Или, конечно, ты вырастешь вдвое!

...

Один импульс весеннего леса
Может научить вас большему о человеке,
О моральном зле и добре,
Чем все мудрецы.

Сладки знания, которые дает
Природа;
Наш назойливый интеллект
искажает прекрасные формы вещей, которые
Мы убиваем, чтобы препарировать.

Хватит науки и искусства;
Соберите эти бесплодные листья;
Выходите и принесите с собой сердце
Который наблюдает и получает".

Итак, Эмерсон о человеке, который может поддаться влияниям природы. "И вот награда: идеал станет для тебя реальным, а впечатления реального мира будут падать, как летний дождь, обильный, но не причиняющий беспокойства, на твою неуязвимую сущность". Итак, еще раз, Мэтью Арнольд в своем поразительном сонете "Тихая работа":

"Один урок, Природа, позволь мне усвоить от тебя,
Один урок, который дует при любом ветре,
Один урок о двух обязанностях, выполняемых одновременно,
Хотя громкий мир провозглашает их вражду —
О тяжелом труде, не отрываемом от спокойствия,
О труде, который приносит прочные плоды, перерастая в
Гораздо более шумные планы, осуществляемые в покое,
Слишком большие для спешки, слишком высокие для соперничества.

Да, в то время как на земле звенят тысячи диссонансов,
бессмысленный шум Человека смешивается с его тяжелым трудом,
твои тихие служители Все еще движутся вперед,
совершенствуя в тишине Свои славные задачи:

Все еще работаем, все еще виним нашу напрасную суматоху,
Работники, которые не подведут, когда человека не станет ".

Значит, именно в природе и в ее тонком, но мощном воздействии на человеческую душу мы найдем по крайней мере одно противоядие от чрезмерного и зловещего напряжения наших дней. Говорить так - значит не принижать науку, а ставить ее в надлежащее положение. И не принижать культуру, а рассматривать ее в должной перспективе и оживлять. Это делается не для того, чтобы принизить искусство, а для того, чтобы придать ему блеск, разнообразие, верность истине.

Согласно Поупу, правильное изучение человечества - это человек. Как поверхностно, как вредно подобное изречение! Контрастирует с более глубоким пониманием Канта. "Две вещи наполняют меня благоговением — звездное небо снаружи и нравственный закон внутри". Этот знаменитый апофтегм приближает нас к спасительной истине. Ибо она созерцает человека не в его изоляции, а как помещенного в чудесное физическое окружение: чтобы понять одно, вы должны понять и другое. Добавьте мысль, выраженную в фундаментальном принципе мистицизма природы, — мысль о том, что природа духовно сродни нам самим, — и мы увидим, что надлежащее изучение человечества - это природа человека как части живого целого.

Но мистик природы не довольствуется "изучением". Он желает поддерживать общение с духом и жизнью, которые, как он чувствует и знает, проявляются во внешней природе. Для него не существует ни такой вещи, как "грубая" материя, ни даже такой вещи, как "простая" красота. Он слышит глубокий призыв к глубине — жизнь внутри к жизни внешней — и он откликается.